ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ РОМАН
КОНЕЦ.НАЧАЛО
Потому что он – лишний
АЛЕКСАНДР ТИТОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Двадцать лет назад родителей Влада Новикова убили. За что? Это так и осталось загадкой, которая со временем стала обыденностью. Влад вырос и сбежал в крупнейший город страны в поисках лучшей жизни. Там он обзавёлся друзьями и заслужил репутацию неплохого грабителя. Потому когда выпал шанс сорвать поистине отличный куш, Влад согласился, не задумываясь. Почему бы не рискнуть, когда на кону стоят миллиарды? Но в деле оказались острые подводные камни, о которые можно разбиться насмерть.

- Александр Титов
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Эпилог

Александр Титов
Конец. Начало

Глава 1

20 лет назад.

16.08.2090 год, пригород Моссити, Федерации Независимых Конгломераций.

Вечер давно стал поздним. Дождь барабанил по крыше и окнам, наполняя прихожую монотонным приглушённым шумом. Он шёл весь день, и всё никак не собирался заканчиваться. Наоборот даже, ближе к сумеркам заурчал где-то вдалеке гром, а теперь и вовсе приблизился к дому. Вместе с громом всё чаще за окнами вспыхивали молнии, раскрашивая непроглядную черноту ослепительно белым цветом.

В любом другом случае мне было бы страшно. Я бы забился под кровать, куда не способен проникнуть ни один монстр, и ждал бы, когда всё стихнет. Но сейчас, в яркоосвещённой прихожей, увлёкшись новой игрушкой, я и не замечал грома с молниями.

Сегодня с утра отец вручил мне красную «Ferrari». Я даже не надеялся её заполучить. Каждый раз с упоением разглядывал её на витрине, когда мы ездили в торговый центр, но сколько бы не уговаривал родителей, они всегда твердили, будто это слишком дорого. Маленькая, чуть больше моей ладони, точная копия настоящей «Ferrari». Все детальки повторены один в один. А если залить бензин, всего несколько капель, то даже двигатель заведётся. Дорогая, но я бы не пожалел на неё никаких денег.

Заполучив машинку, я немедленно выстроил в прихожей гоночную трассу. Самое просторное место в доме, хотя все домочадцы регулярно задевали то один скат, то другой. Я притащил и остальную коллекцию своих машинок, но не было среди них ни одной, что смогла бы соревноваться с «Ferrari».

Вскоре после первых сумерек мама велела мне идти спать, но я приложил все усилия, лишь бы задержаться ещё на пять минуточек. Пришлось переместиться на второй этаж прихожей. Места там было меньше: сильно ограничивали перила, а «Ferrari» регулярно улетала с лестницы к входной двери. Но и это меня устраивало.

— Влад! Ну что такое? Я уже в сотый раз говорю, чтобы ты спать шёл, — строго проговорила мама после очередного неудачного манёвра.

Сегодня она была доброй, как бы не пыталась это скрыть. Отцу выписали огромную премию за какое-то там изобретение, и мама просияла от счастья. Весь день строила планы и искала способы «поэффективнее потратить деньги», как это папа назвал.

А мне машинку подарили, и мир неожиданно стал таким ярким, что я едва в туалет успел добежать.

Мама вернула мне непослушную «Ferrari», но не ушла. Встала надо мной, чего-то ожидая. Высокая, с шикарными тёмными волосами, пружинками спадающими на плечи. Одета она была по-домашнему. Пижамные штаны с жёлтыми завитушками и футболка с пёстрой бабочкой на пышной груди.

— Ещё пять минут, мамуль, и всё. Честно-пречестно! — молитвенно протянул я и посмотрел на неё такими щенячьими глазами, что она сдалась. Этому меня недавно научила сестра, и неожиданно многие вещи стали необязательными.

— Пять минут. Не больше, — вздохнула мама и бойко спустилась по лестнице.

И, конечно, пять минут растянулись до десяти, потом до пятнадцати. До честного получаса не хватило совсем чуть-чуть, когда в дверь постучали. Среди раскатов грома я бы на это даже внимания не обратил, но из гостиной раздался мамин голос:

— Кто там на ночь глядя? Жень, ты откроешь?

— Не знаю. Сейчас, — отозвался папа, появившись в прихожей из столовой. Высокий, крепкий, в очках в тонкой оправе, от чего казался мне самым умным человеком на свете. Он заметил меня, улыбнулся и коротко спросил: — Играешь, бандит?

На это я со всей ответственностью кивнул и повёл машинку на очередной вираж.

Отец открыл дверь. На пороге стоял человек в чёрном, блестящем от влаги дождевом плаще. Голову его накрывал просторный капюшон, скрывающий лицо.

Весь мрачный образ ночного гостя, да ещё молния, сверкнувшая в этот момент за его спиной, заставили меня забыть про машинки и припасть к перилам. Было страшно. Я чувствовал, какая неотвратимая угроза исходит от гостя. Словно глядишь в дуло автомата и понимаешь, что тот скоро выстрелит. Вот только понимал это, как будто, я один.

— Павел Алексеевич? В такое время? — добродушно удивился папа.

— Евгений, нам надо поговорить, — произнёс гость хриплым сдавленным голосом. — Это не может ждать.

Отец вздохнул, развёл руками и пригласил гостя войти:

— Раз ждать не может, то ладно. Проходите в гостиную. Вам что-нибудь налить?

— Нет.

Павел Алексеевич сделал шаг, но мгновение замер и уставился на меня. Я не видел его глаз, но кожей ощутил, как пристально он меня разглядывает. Всё равно, что подопытную

крысу на вскрытии. И от этого кровь похолодела в венах, а челюсть свело судорогой. Захотелось немедленно расплакаться. Чтобы пришла мама и прогнала этого странного человека.

Это продолжалось всего секунду, показавшуюся мне вечностью, и прошло, как только Павел Алексеевич двинулся дальше.

Я так и сидел какое-то время с зажатой в руке машинкой, ошарашенный и не понимающий, то ли бежать за помощью к маме и рассказывать ей, какой плохой человек пришёл к нам в гости, то ли поспешить спрятаться под кроватью, пока ничего дурного не произошло. За этой нелёгкой дилеммой меня застала старшая сестра Кира.

— Ты чего ещё не спишь-то? — сонно спросила она, проплывая мимо в одной пижаме.

Кира так бы и пошла дальше, не дожидаясь ответа, но я её остановил:

— Там какой-то дядя пришёл, и он мне не нравится. Он весь в чёрном и очень-очень страшный, — поделился я вполголоса.

— Ну так иди и скажи ему, чтобы шёл отсюда, — недовольно отозвалась сестра, а потом вдруг остановилась, словно неожиданно проснулась, и шёпотом поинтересовалась: — А папа знает?

— Конечно, знает. Он сам ему дверь открывал.

— Ну и всё тогда. Давай закругляйся. Время уже первый час ночи.

— Ну, ещё пять минут, — протянул я по привычке, вот только не учёл, что на Киру это не действует. Она сама кого хочешь разжалобит, а приёмов у неё столько, что хоть чёрный пояс выдавай.

— Быстро спать, — с нажимом повторила она.

А я только и смог, что недовольно проворчать:

— Когда-нибудь мне тоже исполнится двенадцать, и никто не будет меня загонять спать, как маленького.

— Ну да, ну да, и овсянку по утрам тоже есть не заставят. Конечно. Иди уже.

Она проследила, как я разбираю гоночную трассу и неуклюже пытаюсь взять всю свою коллекцию машинок сразу, проводила взглядом до двери в спальню и сказала напоследок:

— То-то же. И не думай, что если полночи провозишься со своими машинками, завтра тебе дадут поспать до обеда.

Злая она была. Ни разу не сказала мне доброго слова. Но я всё равно её любил и частенько отстаивал в школе её честное имя. Впрочем, Кира об этом и не догадывалась, наверное.

Продолжать играть в своей комнате было не интересно, так

что я аккуратно расставил машинки на полке у стола. Только «Ferrari» взял с собой. Потом зашторил окно, чтобы молнии не мешали спать, и забрался в кровать. Из света оставил только ночник в виде спирали ДНК. Не то, что бы я боялся темноты, просто предпочитал оставаться во всеоружии даже ночью. Заодно проверил и пистолет под подушкой. Пулек в обойме полно, одна в патроннике, так что всем монстрам и чудищам я готов был дать отпор.

Стоило мне расслабиться, как сквозь шум дождя послышались голоса с первого этажа. Прямо под моей комнатой находилась гостиная, где разгорался бурный спор между отцом и таинственным Павлом Алексеевичем. Пока я слышал лишь гул отцовского баритона и ни одного слова разобрать не мог, но было ясно, что он раздражён. Потом появился и натужный хрип Павла Алексеевича.

Я закрылся одеялом с головой, чтобы ничего не слышать, но голоса становились всё громче, и меня это пугало. Перед глазами всплывали фигура Павла Алексеевича чернота под его капюшоном. Уже казалось, что это никакой не человек. В лучшем случае инопланетянин с какого-нибудь Марса. Там же нашли руины подземного города, как я слышал в какой-то передаче, а вот и их обитатель пожаловал ко мне домой. Или, что ещё хуже, это тот самый монстр, что жил одно время у меня под кроватью и каждую ночь пытался меня съесть. А теперь он договаривается с отцом, чтобы тот не мешал. Такая версия казалась мне самой правдоподобной.

Внезапно что-то грохнуло, заставив меня всем телом вздрогнуть, и следом проревел надрывный хрип:

— Да какого чёрта, Женя? Ты же понимаешь, что стоит на кону! Так нельзя! Это будет конец всему! Конец! Понимаешь ты, сколько денег мы потеряем? Никто тебе не позволит запустить эту технологию!

— А сам ты понимаешь, о чём меня просишь? Ты вообще думал, когда сюда шёл, что это самый худший вариант из всех? Это настолько дико, что я просто не понимаю, как у тебя это в голове укладывается, — ещё громче отвечал ему отец.

— Это единственный вариант! Либо он один, либо…

— Что? Либо что? Убьёшь нас всех? Тебе правда настолько плевать на людей, что ты готов ради этих скотов пойти на преступление?

— Это система! И если она рухнет, погибнут сотни тысяч! А миллионы лишатся рабочих мест и сгинут от голода. Вот на что мне не плевать. А один человек — это меньшая жертва. Даже четыре человека — это не так страшно. Это всего лишь издержки

производства.

— Сотри тысяч погибнут? — срывая голос переспросил отец. — Сотни тысяч? Это ваши аналитики придумали? А сколько смогут жить спокойно и не умирать от укуса какой-нибудь змеи, это они не считали? Или от глупого отравления синтетическим мясом? Или…

— Это утопия! То, что ты предлагаешь, невозможно.

— Это реальность! Я всё доказал! Формулы, расчёты, десятилетнее исследование, описанное до мельчайших подробностей. Я же представил вчера на симпозиуме человека будущего!

— Всё это лишь теория! Ничего больше.

— А прототип? Что ты на это скажешь? Я вывел живой прототип, который не отличим от обычного человека! Вырастил его!

— Его нет.

— Как нет?! Как нет?!! Я же…

— Прости, Жень, я неправильно выразился. Он исчезнет сегодня, хочешь ты этого или нет.

Отец не успел ответить. Раздался грохот, звон битого стекла и выстрел. Потом ещё один. И ещё.

Больше у меня сомнений не осталось. Гость на самом деле был монстром, и никакое одеяло от него не поможет. Требовалось укрытие понадёжнее, чтобы держать оборону.

Схватив пистолет, я сполз на пол и забрался под кровать. Натянул одеяло пониже, чтобы оно закрыло меня, как штора. И затаился.

Снизу раздался крик мамы. Безумный, нечеловеческий, и от него мне совсем стало плохо. А затем прозвучали ещё два выстрела, и всё стихло.

Слёзы катились из глаз, в горле застрял ком и мешал вздохнуть. Я хотел, чтобы всё это оказалось сном, щипал себя за руку и кусал кончик языка, но никак не мог проснуться. Я хотел сжаться, чтобы стать невидимым, но боялся пошевелиться и выдать своё укрытие. Так и лежал, стиснув до боли пистолет и целясь в сторону двери, прислушиваясь к каждому шороху.

Шаги раздавались с первого этажа, до мурашек спокойные. А потом скрипнула первая ступенька на лестнице. Монстр поднимался за мной, я знал это точно. И едва сдержал крик, когда дверь в мою комнату открылась.

— Малыш, ты здесь? — прохрипел Павел Алексеевич. — Я тебя не обижу.

Но я ему не верил и задержал дыхание, чтобы стать ещё незаметнее. Изо всех сил я надеялся, что укрытие меня спасёт, и

монстр уйдёт прочь, не учуяв запах моего страха.

Павел Алексеевич прошёл по комнате, задержался на минуту у полок с моими машинками, пошелестел листами на столе и хмыкнул:

— Неплохо рисуешь, малыш. Из тебя бы получился неплохой художник.

Он знал, что я здесь, и момент, когда он меня найдёт, оставался делом времени.

Павел Алексеевич дошёл до кровати и остановился. Резко наклонился и откинул одеяло. Крик ужаса вырвался из моей груди. Я выстрелил, промазал, начал отползать, но монстр протянул руку и ухватил меня за руку. Дёрнул на себя.

— Не подумай, что мне это нравится, но я не могу оставить тебя в живых, — безразлично сказал он.

И одной рукой ухватив за шею, поднял меня перед собой. Я задыхался и чувствовал, как неприятно намокли штаны. Боль пронзила мою шею, но как бы ни брыкался я, освободиться не получалось.

А Павел Алексеевич смотрел из-под капюшона горящими диодами бионических глаз. Его неподвижное лицо оставалось равнодушным, будто вовсе он был не человеком, а машиной для убийств. Острое, злое, с сухими тонкими губами, скривлёнными от ненависти.

Я прощался с жизнью и отчаялся получить спасение. В полумраке ночника, едва отметив шестой день рождения.

И вдруг увидел, как в распахнутую дверь на цыпочках входит Кира. Она была мертвенно бледна, и в глазах её застыл ужас, но она шла ко мне на помощь с табуретом наперевес.

Я даже обрадоваться не мог. В голове творился хаос, все мысли и страхи смешались, шумели до писка в ушах. Я наблюдал, как Кира со всей силы, что могло родить её хрупкое тельце, врезала табуретом по спине Павла Алексеевича. Тот ойкнул и повалился на пол, едва не накрыв меня своим телом. Кира сходу добавила ему уже по голове. Потом взяла мою руку, заставила встать, и мы побежали так далеко, как только могли. Босиком, в одних пижамах, ничего толком не соображающие, но живые.

Глава 2

Сейчас.

06.06.2110. Моссити. Федерация Независимых Конгломераций.

Жаркий полдень завис над площадью Лованиель. Солнце не жалело никого, изо всех сил пытаясь превратить асфальт в сковородку и поджарить то, что на ней окажется. Специально выведенные для северных широт пальмы и цветы в клумбах беспомощно чахли в ожидании вечерней прохлады, а все, кто являлся счастливым обладателем хотя бы одной пары ног, попрятались в многочисленных офисах, забегаловках и магазинчиках.

Небоскрёбы, с четырёх сторон окружившие площадь, пестрели анимированными вывесками. Рекламировалось всё, начиная от сайтов с нейрорелаксом и заканчивая премиальными протезами с повышенными характеристиками, которые предлагалось выбрать при заказе. А если присмотреться повнимательнее к голограммам поменьше, то можно было и доставку синтетической еды заприметить, и 3D-печать секс-игрушек на любой вкус. Даже клонирование домашних животных имелось, но, судя по размерам объявления, мало кто решался заполучить быстростареющую болезненную копию любимого котика.

Главное место на площади Лованиель занимал банк «Концерн». Первые этажи восточной башни «Нео-Квант» были отведены под его офис, а панорамные окна полностью отдавались под рекламу. Роскошные девушки, будто сошедшие с глянцевых обложек и надевшие соблазнительную миниатюрную форму, предлагали взять кредит на всё, что угодно, будь то кроссовки или ипотека. И всюду обещали самую низкую в Моссити ставку. Впрочем, везде имелись приписки таким шрифтом, что даже подойдя вплотную, их можно было прочитать только через лупу. «В кредит должны быть включены страхование жизни, страхование здоровья, страхование имущества, страхование гражданской ответственности, страхование…» и дальше по списку на несколько строк.

Через три окна, оставленных для демонстрации банковских будней, виднелся просторный операционнт-кассовый зал с парой диванчиков по центру, окружённый полукругом кассовых столов. Посетителей было совсем немного. Пару мужчин в строгих костюмах, несколько подростков с яркими стрижками и в куртках на голое тело, да пожилая дама, явно пришедшая не за кредитом

на продукты.

Наблюдать за происходящим в банке можно было с любой точки на площади. В том числе и из бургерной с автоматизированным обслуживанием, где мы с Олегом и обосновались. Лишних ушей здесь было не больше, чем в канализации. Если не считать жучков в каждой лампе.

Пока я пристально изучал обстановку и обдумывал, как лучше провернуть дело и что может понадобиться, Олег осматривал принесённый дроном заказ и разочарованно ворчал, что бургер мог бы быть и побольше, а картофель-фри слишком пережарен и об него зубы сломать можно.

Поесть он любил. Центнер мышц, напичканные датчиками, микросхемами, полупроводниками и усилителями, требовали лошадиных порций калорий. К двадцати шести годам Олег модифицировал в себе едва ли не каждый орган. Как-то раз он сказал, что собирается стать сверхчеловеком, и с тех пор пихал в себя всё, что попадалось под руку. Даже один глаз заменил на оптику с двадцатикратным увеличением и чутким сенсором, способным уловить самые незначительные движения. На второй не хватило денег, но я готов был поспорить, что при первой же возможности Олег заменит и его.

— Зачем тут что-то думать? — в очередной раз удивлялся он моим попыткам обсудить план ограбления. — Как всегда, сделаем всё быстро. Войдём и выйдем.

Иногда мне казалось, что во время одной из операций Олегу защемили инстинкт самосохранения. Иначе я не мог объяснить, почему он с таким легкомыслием брался за каждое дело. Говорил, что любит импровизировать, но на деле получалось, что в нужный момент он просто терялся и пучил на меня глаза в ожидании подсказки.

Если бы я не знал его десять лет и не изучил как облупленного, то мог бы и повестись на такую уверенность. Но, наученный опытом, рассчитывать на удачу я не хотел. В прошлый раз дал последний шанс и пожалел. Уж лучше потратить время и заранее выяснить нюансы и узнать, к примеру, где находится комната охраны.

— Как всегда не получится, — напомнил я. — Это тебе не филиал где-нибудь в пригороде вынести. Главный офис, как-никак. Да ещё почти в самом центре города.

— А как по мне, одно и тоже. Только куш маленько побольше. Вот подумай сам: если мы выключим охрану, то чем это будет отличаться? Уходить то от погони всё равно придётся.

— Слушай, мы в прошлый раз ювелирку чисто вынести не смогли. Потом от охотников неделю ныкались по всей пустоши. А

почему так получилось, ты не забыл? Потому что решили «войти и выйти», чтоб его.

— Вот только не надо опять про прошлый раз вспоминать. Нечего было по людям стрелять, — огрызнулся Олег.

— Ой, да иди ты лесом!

— Опять лесом? Никакого разнообразия. Чуть что — сразу лесом. Такое ощущение, что цензура все остальные адреса запретила.

— Тебя что, подальше послать, что ли?

— Ага. Я б за новой газировкой сходил, а то в сухомятку бургер похож на картон. Не люблю я всю эту синтетику. Вроде и похоже на настоящее мясо, но всё равно не то.

— Я не пойму, ты про прошлый раз хочешь поговорить, про то, куда тебе идти пора или про то, что нам в этот раз надо будет делать? — загорелся я. Бесило, когда он начинал пороть чушь, в которой ни один здравомыслящий человек не разберётся.

— Войдём и выйдем, брат. Всё проще, чем видосик в интернет выложить.

— А потом?

— Суп с котом. Тебя это устроит?

— Короче, всё с тобой понятно. Бесишь. Опять мне придётся всё самому прорабатывать, пока ты будешь рядом ошиваться и нудеть, что всё не так.

— Да, потому что мы, как обычно, просто зайдём и выйдем. А ты сейчас навалишь проблем и будешь с ними же и бороться.

— Значит, серьёзно ты сегодня не настроен. Нахрена тогда со мной поехал? — иссякло моё терпение.

— Просто так, — широко улыбнулся Олег и захлюпал через трубочку остатками газировки.

Вечно с ним так. Пока готовишься к делу, он изо всех сил пытается казаться легкомысленным дурачком. Юморит по поводу и без, задирает, подкалывает и в целом считает себя чуть ли не самым умным. Хорошо хоть в ответственный момент он собирается, концентрируется, и положиться на него можно, как на себя.

— В общем, — продолжал я. — Хранилище с ячейками нам нужно по любому. Это заказ. С остальным как получится, но там в соседнем хранилище лежит полтонны золота. Заказчик поможет отмыть его без своей доли. Два с половиной миллиарда рублей. Как тебе такое?

— На покушать хватит, — равнодушно отозвался Олег, вгрызаясь в бургер, и уже с набитым ртом спросил: — Делим на пятерых? Или ты эту мымру с собой опять возьмёшь?

— Не мымру, а Исиду. И да, в этот раз без неё не обойтись.

Исида была из тех, кто утром может вскрыть пенсионный фонд «Кантри Индастриз», самый крупный в федерации, а вечером получить контракт от службы кибербезопасности этой самой «Кантри Индастриз» на отладку файрвола и прочей программерской фигни. И, конечно, только она, одна из всех, кому я доверял, могла взломать охранную систему банка «Концерн», чтобы дать нам время на всё необходимое.

— Интересно, у неё в паспорте так и записано? Исида какая-нибудь Ивановна, — громко сглотнув, спросил Олег, и прицелился на следующий укус.

— Я как-то сомневаюсь, что у неё вообще есть паспорт. По-моему, она давно удалила себя из всех баз данных и перестала существовать юридически.

— Ну получить-то она его должна была. Наверняка он до сих пор лежит где-нибудь под подушкой, как сувенир. Такой, знаешь, старый и потрёпанный, ещё с двуглавым орлом на гербе.

— С чего ты решил, что она такая старая? Ей от силы лет двадцать.

— Выглядеть она может хоть на шестнадцать, но я то знаю, что это старая занудная девственница, от которой все мужики убегали раньше, чем она трусы успевала стянуть.

— Не все, не преувеличивай.

Олег уже собирался ещё раз откусить от бургера, но замер с раскрытым ртом. Медленно повернул ко мне голову, расплылся в хитрой улыбке и протянул:

— Погоди-ка! Так у тебя с этой стервозой что-то было? А чего ж не рассказывал? И как тебе? Все колючки достал из пиписьки?

— Нет у неё никаких колючек. Что ты там опять себе нафантазировал, грязный извращенец? — попытался отшутиться я, поняв, что сболтнул лишнего.

Но Олег уже ухватился за это и не собирался сдаваться, пока не услышит подробности:

— А ты с темы не съезжай. Мохнатку её теребонькал? И как там? Глубже, чем в Марианской впадине или не так всё ужасно? Сухость на уровне Сахары или влажность, будто в тропических лесах?

— Понесло борозду по кочкам короче, — закрыл я лицо ладонью. Если продолжить спор, то Олег разузнает даже то, чего никогда и не было. — Доедай свой бутерброд и погнали на базу. Мы и так уже здесь задержались на целый час. И прекрати так многозначительно хлюпать газировкой. Всё равно ничего больше не скажу.

Олег из вредности исполнил мою просьбу медленно, с показным смаком пережёвывая каждый кусочек, а потом ещё

настойчиво хлюпал в стакане, выискивая остатки газировки среди льда.

Наконец мы покинули бургерную и на старом неприметном «Ford» направились к окраине города. Я не боялся, что всё сказанное нами попадёт в службу безопасности банка. За этим проследит Исида и когда данные наблюдения будут передаваться на сервер, просто их сотрёт. Может, заодно послушает, что о ней говорил Олег, и даст ему пару звонких затрещин. Ну и мне заодно, потому что язык за зубами не держал.

По какой-то девчачьей прихоти она хотела окружить свою жизнь ореолом таинственности. И если почти всё, что с ней происходило до переезда к нам, и впрямь было секретом, то о нашем романе не догадывался разве что слепой. Или Олег, у которого логика барахлила ещё со школьной скамьи.

С трудом и растратив дневной запас терпения, мы прорвались через вязкие заторы центрального округа к третьему транспортному кольцу. Оттуда по лабиринту многоярусных автострад вырулили к жилому комплексу «The Life», больше известного как «Заблявь». Дальше ещё пять километров между человейниками, посеревшими уже при постройке и навевающими уныние. И, проскочив под шестым кольцом, на полном ходу въехали в Рассею. Пустошь, где цивилизация ограничивалась автоматизированными заводами и фермами. Всё же остальное, что когда здесь строил человек, давно пришло в запустение и постепенно разрушалось.

Так было всегда, сколько я себя помню. Практически всё население сосредоточилось в больших городах, а следы былой жизни растворялись под натиском природы. Когда-то, наверное, здесь кипела жизнь, дороги гудели от нескончаемого потока автомобилей, берега рек и озёр использовали как пляжи, а вокруг многочисленных дачных домиков чернели ровные огороды. Но ближе к середине двадцать первого века власть в стране досталась «либералам-прогрессивистам», мечтающим построить западную цивилизацию. Им потребовалось всего десять лет, чтобы избавиться от лишних затрат на неперспективных территориях, а ещё через десять лет Российская Федерация превратилась в Федерацию Независимых Конгломераций. Прогрессивисты вообще любили всё переименовывать. Их раздражали старые названия городов, улиц, площадей, словно те несли в себе оскорбление. Москву переименовали в Моссити, но это я, по крайней мере, знал. А вот как раньше назывался, к примеру, Неополис — ближайшая к Моссити конгломерация — я понятия не имел. Что до территории между многомиллионных мегаполисов, то её называли Рассеей. Может, это тоже было

каким-то пренебрежением, но мало кого вообще волновало, что происходило за порогом их квартирки, а уж далёкая пустошь и вовсе представлялась диким, страшным местом, о котором не хочется ни говорить, ни вспоминать.

В Рассее обитали немногочисленные племена кочевников, собиравших вещи на руинах и разводящих скот. Суровые ребята, которые обычно сначала стреляли, а потом уже разбирались с миром ты пришёл или с войной. Да и среди соплеменников нравы у них не отличались дружелюбием. Жёсткая иерархия, независимо от того, патриархат у них царил или матриархат, а каждого провинившегося в лучшем случае изгоняли из племени, которое они обычно называли миром.

Я не любил общаться с кочевниками, но иногда это было жизненно необходимо. Когда охотники за головами сидят на хвосте, только дурак откажется от помощи. Даже если взамен придётся месяц-другой побыть батраком и заниматься самой тяжёлой работой до кровавых мозолей.

Были в Рассее и такие обитатели, в сравнении с которыми кочевники могли показаться милыми людьми с широкими улыбками. Банды гопстеров, состоящие из отморозков, каннибалов и мародёров всех пошибов. Эти твари налетали стаями, выжидая момент, когда жертва не окажет сопротивления. И тогда смерть могла показаться лучшим исходом. Беззащитность врага провоцировала их на изощрённые зверства, место которым не в каждом хорроре бы нашлось.

Иногда от безысходности гопстеры сбивались в бригады и всем скопом нападали на автоматизированные заводы и фермы. Корпорации оставляли на охрану хорошо вооружённые отряды — настоящие армии с танками и вертолётами. Так что эти налёты напоминали военные операции. Вот только у гопстеров имелось весомое преимущество. Им нечего было терять, а смерть в бою почиталась за самую «чёткую».

И, несмотря на суровость Рассеи, это было лучшим местом, чтобы исчезнуть. Полиция Моссити сюда не совалась, боясь потом разориться на похоронах сотрудников и компенсациях родственникам. А охотники за головами надолго не задерживались, потому как здесь эти продажные шкуры стояли поперёк глотки едва ли не всем. Так что, какой бы сладкой ни была награда за очередного преступника, без постоянного пополнения запасов и нормального крова над головой они быстро сдавались и возвращались в город с пустыми руками.

Я же со своим крошечным отрядом обосновался недалеко от развалин Дмитрова. Пять лет назад мы спасались после очередного ограбления и наткнулись на небольшой дачный

посёлок. Многие дома там уже обрушились или покосились, но был один участок, где совершенно невзрачная халупа стояла, как ни в чём не бывало. Мы засели в ней поздно ночью, когда мозги уже не особо соображали, а утром заметили стальную дверь в подвал, покрашенную под дерево. С трудом её взломали и едва не обалдели от увиденного. Под хижиной находилось трёхэтажное бомбоубежище. Без запасов еды и топлива, с доисторическим дизельным генератором. Но это всё было мелочью. А вот бункер позволил нам организовать там настоящую базу для всех будущих дел.

Постепенно мы и с местными нашли общий язык. С кочевниками поддерживали относительно неплохие отношения и покупали у них кое-что по мелочам. А гопстеры прекрасно понимали, что в случае нападения каждый из нас заберёт с собой в могилу десяток-другой их братков, оставив взамен немного припасов и заминированную оружейную. Бессмысленно даже пытаться. По крайней мере ни разу за всё время им это в голову не взбрело.

Глава 3

Кондиционер не спасал от жары. Он изо всех сил шуршал, отчаянно дул мне в лицо, но всё равно не справлялся. Моё тело плавилось, и влажные пятна уже превратили всю майку в мокрую тряпку. Со лба неиссякаемым потоком стекал пот, то и дело попадая в глаза, в рот. Утираться не успевал.

Зато Олег чувствовал себя прекрасно. Что-то там у него было встроено и на случай жары, так что он то и дело хихикал, глядя на меня, и приговаривал:

— Надо с умом деньги тратить, а не на всякую дребедень.

Я же, скрежеща зубами, хранил молчание. Меня устраивало моё тело и без всяких апгрейдов. Я ни разу в жизни не болел, а раны, даже самые тяжёлые, заживали в считанные дни. Однажды в пьяной потасовке мне отсекли фалангу безымянного пальца левой руки, так всего за полгода она отрасла заново и теперь ничем не отличалась ют всех прочих.

Как-то один доктор сказал мне, что это всё из-за уникального иммунитета. Ген регенерации или что-то вроде того. Он предлагал немалые деньги, чтобы изучить меня поподробнее, но я решил оставить это своей маленькой тайной. Зная нынешних докторов, из меня сделали бы подопытную крысу быстрее, чем я успел бы подписать бумаги.

Впрочем, установить несколько имплантов, чтобы стать быстрее и сильнее, конечно, иногда хотелось. Может даже не придётся пить горстями таблетки, чтобы не случилось отторжения. Но всякий раз, когда я уже почти решался это сделать, меня останавливал страх. Я не боялся боли или крови, этими глупостями пусть подростки страдают перед увеличением всяких органов. Другое дело — потерять себя, изменить свою личность и в зеркале увидеть чужака. Это проще всего, когда возможности выходят за привычные рамки. И доказательство сидело сейчас на соседнем кресле.

Мы с Олегом познакомились в Сибериан Империал шестнадцать лет назад. После гибели родителей я жил там с тётушкой Кристи, но чуть только отметил шестнадцатое день рождения, как сразу же свалил в Моссити в поисках лучшей жизни.

К тому времени я сбегал из дома не раз, и всегда меня в этих приключениях сопровождал Олег. Мы вместе ошивались на улицах рабочих районов, вместе пытались прибиться к одной из местных банд. Но это всегда приводило к одному и тому же исходу. В очередной перестрелке кого-нибудь из нас ранило, а из

больницы путь был только под строгий надзор тёти и сестры. Нашим мятежным душам требовалось радикальное решение. Такое, что не оставит путей назад и откроет двери во взрослую жизнь. Оно нашлось, когда я завёл дружбу с пилотом в аэропорту имени База Армстронга. Он то и провёл нас с Олегом на борт самолёта вместе с группой туристов. А дальше Моссити, пропитанный кровью и дурманом синтетических наркотиков и всё те же банды, разборки, перестрелки.

Двадцать второй век я встретил со шлюхой-андроидом, скачущей на мне в такт боя курантов. А через минуту уже отстреливался от кучки отморозков из своей же банды. Запас дури для Нового Года у них кончился слишком рано, и они решили позаимствовать моё имущество для оплаты новой дозы. Не окажись тогда поблизости Олега, меня бы так и пристрелили голышом между искорёженным телом шлюхи и ещё влажной от пота постелью.

После предательства я не знал, куда податься. Всюду видел подозрительные тени, постоянно ожидал нападения из-за угла. Можно было назвать это паранойей, но несколько раз я спас себе жизнь таким образом. Вовремя выхватил пистолет и пустил пулю прямо в глаз затаившемуся гаду.

Мы с Олегом тогда зарабатывали случайными подработками и с трудом набирали денег на сытный обед. Перебивались синтетикой, которую я через силу заталкивал в глотку. Становилось очевидно: пора что-то менять. И когда один надёжный знакомый предложил мне поработать «по-крупному». Я согласился, не раздумывая.

Нам предстояло выкрасть у топ-менеджера «Газолайн Корп» какую-то старую книжку. Заказчик умолял быть осторожным и рассказывал, будто это бесценный памятник истории. С трепетным восхищением повторял название: «Лаврентьевский список Летописи Временных Лет». А мне было плевать. Я такой гонорар, что он обещал, даже представить раньше не мог, так что хоть Лаврентьевский список, хоть список продуктов я бы хранил как зеницу ока.

Было бы удивительно, если бы то дело прошло идеально. Но на то, что всё пойдёт наперекосяк, мы не расчитывали. В итоге мы с Олегом едва задание не провалили. Нас засекли, когда отступать было поздно, гоняли по пентхаусу несколько часов, пока окончательно не потеряли. Да и книга оказалось не особо компактной, но вполне увесистой, чтобы оглушить одного из охранников. В общем, заказчик был возмущён, топал ногой и прыскал слюной, но деньги заплатил.

Стало ясно, что такие крутые дела нам пока не по плечу, но

появившаяся известность помогала найти, чем заняться с куда меньшими рисками. Постепенно наша команда разрослась из двух запутавшихся парней в восьмёрку опытных грабителей.

Чуть только денег стало больше, чем требовалось для выживания, Олег начал меняться. С каждым новым имплантом он всё меньше задумывался об опасности и всё больше считал себя неуязвимым. С непривычным для него наслаждением шёл на конфликт и упивался смертью врага. Превратился во взрывоопасную гору мышц и только своих не трогал, как бы не бурлила кровь. Впрочем, я был уверен, что когда-нибудь и это останется в прошлом.

Наш автомобиль тем временем въехал в дачный посёлок и остановился перед воротами. На гудок из дома неспешно выполз Лу. Коротышка, метр с кепкой, но гибкий настолько, что в любую щель пролезет. Я готов был поспорить, что предки его были из Азии, но сам Лу это строптиво отрицал. Он даже специально изменил скулы и расширил разрез глаз, чтобы не осталось вопросов. Не помогло. Теперь он отчётливо напоминал героя из аниме, а шуток и подколов стало только больше.

Лу нарочито медленно подошёл к воротам и снял замок. Давно у нас шёл спор, не поставить ли электрические ворота, но взломать их дистанционно не составит труда. А против старых механических лом работает, только если подойти вплотную. Можно, конечно, и на флаере через забор перелететь, но я ни разу не видел ничего подобного у бандитов и охотников за головами.

— Шевелись уже, малой, — подгонял Лу Олег.

— Мой малой тебе в рот не поместится, — буднично парировал тот.

— Только не начинайте опять, — взмолился я.

Олег поджал губы, давя желание продолжить перепалку, и промолчал.

Я проехал вглубь участка и завернул в подземный гараж. Его мы вырыли уже сами, чтобы лишний раз дроны не разглядывали, какие машины у нас есть. Правда, в основном там была моя коллекция. Старенький флаер, летающий мотоцикл, внедорожник и четыре ретро-кара из тех, что в позапрошлом веке едва не вставали на дыбы от мощности под капотом.

В гараже пустовало два места из восьми, а это значило, что кто-то уехал, не спросив разрешения у меня. Отсутствовал флаер «Джун-Со», самый дорогой из моей коллекции. Не «Ferrari», о которой я мечтал в розовых снах, но и далеко не обычный колёсный тарантас.

Припарковавшись между внедорожником и летающим мотоциклом, я наконец покинул промокшее от пота сидение.

На посту в доме мне встретился всё тот же Лу. Развалившись на диване, он смотрел древний фильм с Брюсом Ли. Никогда я этого не понимал. Зачем пялиться часами в двухмерный экран, когда есть кино с полным погружением? Поставил пару датчиков, надел очки и ты уже главный герой. Все ощущения как в реальной жизни, вплоть до смерти.

Зато это явно понимал Лу. Он жадно уплетал поп-корн, пока на экране с воплями дикой кошки Брюс разделывался с очередной партией мерзавцев. Продолжаться это могло долго. Толпы врагов рассыпались от хлёстких ударов, фильмы следовали друг за другом, Брюс превращался то в Джеки Чана, то в Джета Ли, и только поп-корн неизменно пополнялся, чтобы зрелище выглядело ещё волнительнее.

— Кто на флаере уехал? — спросил я у Лу.

Тот, не отрываясь от просмотра, махнул рукой и произнёс:

— Валя.

— Далеко?

— Свидание.

— Давно?

— Четыре драки назад.

— А меня он спросить не мог?

— Ты бы не разрешил.

Посреди разговора к нам подошёл Олег, взял охапку зёрен из миски и, бесцеремонно прижав Лу к подлокотнику, сел рядом.

— Если б я этого парня в жёлтой комбинашке встретил, заставил бы визжать от боли, — задел он приятеля за живое.

И Лу не мог стерпеть такое оскорбление:

— Визжал бы ты, пока он тебя в морской узел скручивал. И рыдал бы, как девочка.

— Как ты, что ли?

Я поспешил покинуть голубков. Их воркование могло продолжаться бесконечно и утомить даже портреты на стенах, доставшиеся от предыдущих хозяев. Так что и начинать их слушать я не собирался.

А то, что флаер взял Валя, меня немного успокоило. Подобные выходки я не прощал никому, но машина, по крайней мере, находилась в надёжных руках. Парень с десяти лет за рулём, с тринадцати — в уличных гонках, а в нынешние двадцать три он считался одним из лучших водил в Моссити. Валя мог с закрытыми глазами проехать город насквозь, не попав при этом ни в одну пробку. Причём ему было неважно, чем управлять: флаером, мотоциклом, велосипедом или трактором. Он заставил бы разогнаться до предела даже робопылесос, если б у того имелся руль.

Только одна проблема не давала Вале покоя. В жизни он был таким же стремительным, как и за рулём. Не мог он мимо юбки спокойно пройти, а новые зазнобы надоедали ему так быстро, что порой даже до постели дело дойти не успевало. Но были и те, кому он клялся в вечной любви, и хватало его порой на целых несколько месяцев. Вероятно, сегодня начиналась одна из таких вечностей.

Оставив друзей, я направился в бункер. Три этажа, по семь комнат на каждой. На верхнем располагались жилые комнаты, столовая, совмещённая с кухней, и ванная.

Самая большая комната принадлежала Исиде. Она поселилась с нами всего около года назад, когда решилась выйти из тени. Ей, в отличии от всех остальных, нужно было место не только для ночёвки, но и для работы. Не привыкла она далеко ходить до компьютера, вот и потребовала перетащить к себе в комнату всю необходимую технику.

Моя комната располагалась по соседству. Небольшая конура, больше пригодная для кладовки. Одна стена — телевизор, незаметный, пока не включишь. Напротив — двухместная кровать. Ещё несколько полок со всяким барахлом, вроде фотки из Сибериан Империал на моё пятнадцатилетие. Я, Кира и тётушка Кристи. Давно пора было её выбросить, но руки не доходили.

Следом шла комната Вали, в которую всем было строго настрого запрещено входить. Затем, через ванную, расположился Олег, заполнивший своё жилище комиксами, мангами и медикаментами для имплантов.

Лу же, наоборот, превратил свою обитель в едва ли не тюремную камеру. Матрац на полу, старый выцветший плакат Брюса Ли на стене и на этом всё.

Второй этаж мы отвели под всякую всячину. Игровая комната, тренажёрный зал, склад и кабинет, где я появлялся редко. Только когда готовился к очередному делу.

Третий же этаж, самый нижний, по большей части занимался техникой. Плазменный генератор, очиститель воды и воздуха, небольшой сервер специально для Исиды и оружейная. Там обитал безликий андроид, следивший за исправностью оборудования, а мы заглядывали исключительно редко. Оружие все предпочитали хранить при себе, а больше причин спускаться и не было.

Я с облегчением вдохнул прохладный воздух бункера. Сразу и усталость куда-то ушла, и в голове прояснилось. Захотелось даже поговорить с кем-нибудь, прежде чем браться за проработку плана. Очень кстати донёсся до меня раздражённый голос Исиды.

— Смирись, животное! Я тебе пасть открывать не разрешала! Я задолбалась уже паровозить! Сколько можно фэйлить? Сплошные раки в пати! Нафиг вы босса-то опять агрите?

С кем она ругалась, я догадался без лишних подсказок. Исида любила ролевые игры в любом виде. Особенно онлайновые в старом формате 3D. И сейчас явно был один из тех случаев, когда в рейде оказались не самые смышлёные ребята.

Я прошёл к ней в комнату. Туда, где вечно царил полумрак, освещённый лишь сиянием пяти мониторов, и пахло клубникой. Исида обожала заедать неудачи на виртуальных аренах клубникой со взбитыми сливками. Это успокаивало её нервы.

Она сидела у клавиатуры в одном нижнем белье, сложив ноги по-турецки, и яростно нажимала кнопки. На одном из экранов происходило что-то, смутно напоминающее сражение и состоящее из беспорядочных разноцветных вспышек. Исида же яростно перебирала клавишами, как-то всем этим действом управляя. Белоснежные короткие её волосы торчали в разные стороны, прекрасно отражая душевное состояние, а хрупкие голые плечи напряжённо поднялись и доставали почти до самых ушей.

— С кем воюешь? — спросил я, остановившись на пороге.

Исида покряхтела несколько раз, пытаясь сообразить, как ответить, не отрываясь от битвы, и, наконец, сказала:

— С Великим Драконом. Погоди. Не мешай.

— Молчу, молчу, — заранее сдался я.

Решил пока заняться чем-нибудь ещё, но стоило мне развернуться, как Исида недовольно объявила:

— Ну вот, опять слила. Всё из-за тебя.

— Из-за меня? — удивился я. — А как же пати раков?

— Это синглплеер, и ты пришёл очень не вовремя.

— Могу зайти попозже.

Исида цыкнула языком, с силой нажала на паузу и развернулась. С прищуром окинула меня строгим взглядом, а потом легко тряхнула головой и улыбнулась:

— Чего ты сразу обижаешься? Прям ничего не скажи. Иди сюда.

Последние слова она проговорила с придыханием, встала и пошла навстречу. Пока никто не видел, она позволяла себе всё, и сейчас, встав на цыпочки, горячо меня поцеловала. Правда, тут же заплевалась и брезгливо заявила:

— Фу! Ты на вкус как подмышка!

— На улице пекло. Ты вообще выходила?

— Зачем? Что я там не видела?

— Хоть бы ляжки на солнце погрела, а то бледная, как смерть.

— Во-первых, откуда ты знаешь, как выглядит смерть? А во-вторых… Ну, ма-а-ам.

— Не мамкай. Ты почистила историю прослушки?

Она кивнула, наигранно изобразив отличницу. Но тут же добавила:

— Олегу передай, что ему даже старые девы давать не станут. А ты… — Исида надула губки, указала на меня пальцем и зависла, не зная точно, как меня наказать, чтобы и самой было не обидно, и я помучился. — А с тобой мы ночью поговорим. В темноте и под одеялом.

— Оригинально. Ты первая скажешь, что это бред.

— Посмотрим, — она поковыряла пальчиком на моей груди и тихо, совсем по-детски попросила: — Не рассказывай о нас больше никому. Я не хочу, чтобы они сплетничали.

— Поверь, — усмехнулся я, — они и так сплетничают.

И прильнул губами к её макушке. Так было просто сейчас закрыть дверь, подхватить Исиду на руки и пронести к постели, покрывая поцелуями. Умела она менять маски. Нежный котёнок, хитрая лиса, хладнокровная волчица. Прирождённая актриса. Или правда была такой? Непостоянной, словно небо апреля.

Неожиданно мои мысли Исида прервала сама. Подняла на меня кристально чистые серые глаза, поджала на секунду губки, будто решаясь на что-то, чего сама не очень хотела.

— Нам надо серьёзно поговорить, — кротко произнесла она.

И настрой мой, словно почувствовав себя горнолыжником, устремился вниз. Меньше всего я любил «серьёзные разговоры». Это всегда заканчивалось печальным открытием, способным уничтожить любое хорошее настроение.

— Что-то случилось? — спросил я, заранее понимая, как глупо это звучит. Конечно, случилось. Иначе стала бы она начинать с этих слов?

— Можешь от этого дела отказаться?

Объяснять не требовалось. Исида говорила про ограбление. Но с чего вдруг она решила струсить? Уж в этом её заподозрить было невозможно.

— Не вижу причины. Может, сложно, но зато какие деньги. Или у тебя другое мнение?

— Ты по поводу заказчика уверен? Кто он такой, ты знаешь? Откуда взялся и на кого работает?

— Уверен, не больше, чем во всех остальных. Ты же знаешь, какие они все скрытные. Понятно только, что человек серьёзный и явный посредник. Знакомы мы два года, и когда я наводил справки, то ниточки тянулись к фармацевтическому картелю «One Health».

— Понимаешь… — Исида покинула мои объятия и проскользнула к столу. Нажала пару кнопок, и на экраны высыпались пять фотографий. — Понимаешь, он не просто с этим картелем связан. Я нашла несколько его фотографий в компании с Джинни Уильямс.

Я присмотрелся к фотографиям. На четырёх из них, где Дженнифер Уильямс окружала целая толпа всевозможных прихлебателей, найти заказчика было нелёгким делом. Невзрачная серая внешность, короткие тёмные волосы и неизменный тёмно-синий пиджак. Таких миллионы, и забываются они сразу после встречи. Зато на центральной фотографии заказчик лично пожимал руку главе картеля, а это многого стоило. За доступ такого уровня многие высокопоставленные менеджеры «One Health» готовы были на многое, если не на всё.

— Главы картеля? Неплохо, — удивился я.

— Но это ещё не всё. Компания, чей золотой фонд мы собираемся вычистить, через цепочку дочерних предприятий принадлежит корпорации «Helex», — не унималась Исида.

Пояснять не требовалось. «Helex» и «One Health» были злейшими врагами на протяжении последних лет пятидесяти. Не раз между ними разгорались войны, унять которые не удавалось даже властям Федерации. Последний конфликт, что бушевал три года назад, привёл к тому, что «Helex» распродал по дешёвке свои активы в фармацевтической отрасли, а «One Health» стал там монополистом.

— Может, просто хотят закончить старые дела, не устраивая очередную заварушку? — предположил я. — Какая разница? Мы просто исполнители, которым заплатят шикарный гонорар.

— Разница в том, что это очень сильно пахнет подставой, а в таких случаях первыми сливают именно исполнителей. Что там за документы такие, ради которых они готовы так рисковать? Чертёж вечного двигателя Да Винчи, что ли?

— Думаю, если бы такой существовал, его бы уже уничтожили. Чтобы не угрожал безопасности всяким энергетическим гигантам.

— А вдруг до сих пор найти не могли, а теперь именно это и собираются сделать?

Исида, конечно, шутила. Вряд ли меня бы наняли для такого ответственного задания, если бы подобный артефакт вообще существовал. Это не те исторические ценности, за которые убить готовы только коллекционеры. Они способны перевернуть мир раз и навсегда.

— Ты узнала, кому принадлежат ячейки?

— Ивану Ивановичу Иванову, две тысячи пятидесятого года

рождения. Такое ощущение, что там кто-то что-то спрятал именно от «One Health». Там, куда эти гады даже лезть не подумают. И тебе это всё ещё не кажется странным?

— Странностей у нас в каждом деле хватает, если на этом зацикливаться, то про сон можно забыть.

— Ка-ак хочешь, ты у нас босс. А сейчас у меня есть одна проблема, и если от неё не избавиться, то уже я спать не смогу.

Она скрыла фотографии, вернула игру с паузы и перезагрузила бой. Оставаться в комнате было опасно, так что я поспешно отступил.

Глава 4

Больше я никого увидеть в бункере не ожидал. Братья-близнецы Курносовы — Даня, Ваня и Саня, как всегда, устраивали забег по злачным местам Моссити и без лишней надобности возвращаться не собирались. После прошлого дела у них жгло карманы от лишних денег, и срочно требовалось их потратить на крепкую выпивку, миловидных дамочек с полным набором апгрейдов в нужных местах и прочие радости жизни. Так что ещё месяц сами не объявятся, пока не влезут в долги и им на хвост не сядут коллекторы.

Курносовых я знал чуть больше пяти лет и с каждым днём удивлялся всё больше, сколько дури мог вместить комплект из трёх одинаковых голов. Конечно, парни были отличными стрелками и на деле не раз выручали в таких ситуациях, где струсил бы любой, но кровь кочевников не давала им покоя ни на минуту. Безумная череда драк, пьянок, погонь на грани возможного, и едва ли не каждый раз причиной была банальная мелочь. Лишний взгляд, не расслышанное слово, а дальше всё наслаивалось как снежный ком. Разговор плавно переходил на повышенные тона, и так же плавно первые удары сменяли отборный мат. Музыка жизни, разыгранная в шесть рук. Как ни удивительно, но каждый раз Курносовым удавалось выйти из воды сухими.

Кроме боевых навыков, имелась у них ещё одна особенность, за которую я их ценил. Родня Курносовых заполнила Рассею и окраины Моссити, растеклась по всюду тонким слоем, как масло по сковородке. Курносовы были всюду, а значит, кто-нибудь где-нибудь в нужном месте наверняка работал, чем-то владел или мог подсказать что-то очень важное. Например, братья могли запросто достать незарегистрированный транспорт, который ни в одной базе данных не значился. А это гарантировало как минимум фору в сутки, чтобы скрыться от охотников.

Одним словом, Курносовыми не стоило пренебрегать при планировании нового дела, тем более такого сложного, как ограбление банка. Но сегодня я уже слишком хорошо прожарился на июньском пекле, так что все дела оставил на потом.

После освежающего душа я заглянул в игровую комнату, где запустил нейроприставку. Конечно, не такое старьё, как трёхмерные игры Исиды, но всё равно среди современных геймеров я считался мамонтом. Им подавай капсулы полного погружения, чтобы жить в виртуальном мире по-настоящему. Ну а мне больше нравилось наблюдать за сюжетом чуть со стороны.

Ничего не мог с собой поделать. Любят же некоторые люди бумажные книги читать, вот и я практически эстетом становился, когда включал аппарат старше себя лет на десять.

Сегодня выбор пал на драки. Наподдать какой-нибудь страхолюдине, рождённой бешенной фантазией дизайнеров — милое дело. Хотя, скорее всего, бить будут меня. Застрял я там с одним боем. До финала рукой подать, всего два уровня, а я топчусь на месте уже так давно, что пора бы плюнуть да забыть. Но нет. Это стало делом принципа.

Я надел ошейник с датчиками нейроинтерфейса, нацепил шлем виртуальной реальности. В красочном меню, щедро украшенном кровью и кишками, под дерзкий киберметалл выбрал «Продолжить игру».

И вот я выхожу на арену.

Проработанная до деталей адская локация. Всюду цепи, закованные и подвешенные мученики, которым не суждено умереть даже от самых невыносимых пыток. И кости. Кругом кости: под ногами разбросаны и в кучи свалены. Иссохшие, прогнившие и совсем свежие, ещё белые, с остатками мяса.

Ото всюду слышатся истошные вопли, скворчат сковороды, разложенные внизу на лаве. И гул. Жуткий, пробуждающий панический ужас, словно где-то, затаившись в самой глубине преисподней, тяжело дышит невообразимое чудовище, истинный хозяин этого места. Гипердемон. Но мне ещё только предстоит его найти.

Я стою на шатком крошащемся мосту из грубого камня шириной в три шага. Подо мной пропасть с Геенной Огненной, и если взглянуть туда, то голова начинает кружиться от высоты, а страх подступает к горлу. Своды пещеры утыканы сталактитами. Они кажутся такими хрупкими, что один громкий звук — и рухнут все на мою голову, пронзая тело с такой лёгкостью, словно это желе.

Но бояться времени нет.

На другом конце моста, повернувшись ко мне спиной и сидя на корточках, глодает чьё-то тело красное огромное чудище. Главный приспешник Гипердемона. Я вижу кривые рога на его голове, но лицо от меня скрыто. Слышу отвратительное чавканье, разбавленное цокотом паучьих жвал.

Я осторожно приближаюсь к чудищу, чтобы не спугнуть и нанести критический удар, но, как назло, под ногой вдруг хрустит кость, а враг моментально разворачивается. Секунду смотрит на меня секционными выпуклыми глазами, его два чёрных верхних жвала стряхивают кровь и мелкие куски мяса, а змеиный язык часто-часто выстреливает наружу и тут же прячется

обратно в неестественно большой пасти.

— Я ждал тебя! — клокочет чудище. — Свежее мясо!

Долбанная заставка! Я её уже наизусть выучил, а пропустить нельзя. Это наказание за слабость.

— Да, да, я помню, — произношу я, но чудище меня не слушает. Его скрипт не даёт такой возможности.

— Я разорву тебя! — выносит оно приговор, и я не сомневаюсь, что исполнит его с лёгкостью.

Чудище встаёт во весь рост, и мне приходится задрать голову, чтобы не разглядывать его уродливую промежность.

Ждать нельзя. Я устремляюсь вперёд и в прыжке бью комбинацией: три удара руками и, провернувшись вокруг себя, ногой сверху вниз. Прямо по отвратительной морде. От скорости вокруг стопы вспыхивает огонь. Но урон не велик и едва убавляет жизнь чудища. Ещё серия ударов по ногам и спецприём. Я открываю портал под собой, проваливаюсь в него и появляюсь за спиной врага, на манер юлы раскручиваюсь и вгрызаюсь в чудище чередой молниеносных попаданий.

Линия жизни приспешника уменьшается слишком медленно, а моя стамина тем временем иссякает. Я делаю несколько прыжков в сторону, но чудище сразу замечает слабость и не оставляет шансов уйти. В полёте оно ловит меня за ногу и поднимает перед собой вниз головой. Другой рукой медленно и с нечеловеческой силой наносит один удар за другим. Мерзкий приём, от которого невозможно уйти.

Оставив жалкую половину здоровья, чудище отбрасывает меня на середину моста, и лишь чудом я не падаю вниз. Но продолжить бой мне уже не суждено. Я вскакиваю на ноги и вижу громаду вонючей плоти, зависшую надо мной в прыжке. В следующую секунду с грохотом мост рушится, а мы вместе с чудищем летим в пропасть.

Экран потух, оставив мне на прощание насмешливую надпись «Слабак!» и предложение перезапустить бой.

— Да твою мать! — воскликнул я от досады.

Хотел отдохнуть, называется! Сколько я уже пытался разделаться с этим приспешником Гипердемона? Который год он надо мной измывался? То пополам разорвёт, то на кол посадит. Как-то раз даже… Ну да ладно. Ничего. Со второй попытки точно получится.

И, конечно, вторая попытка не стала лучше. Как и третья, и четвёртая, и пятая. Хорошо хоть боль здесь не чувствовалась, как в капсулах, и на том спасибо. А то иной раз надругательства пугали своей жестокостью, будто выдумывал их обиженный на всех мизантроп. И пополам за ноги разрывали, и голову вместе с

позвоночником выдёргивали, и в комок кровоточащего мяса сминали.

Я провозился с чудищем до позднего вечера, и терпение лопнуло, только когда часы уже показывали без четверти полночь. Шлем и датчики небрежно полетели прочь, приставка получила незаслуженный пинок, а я направился на улицу подышать ночным воздухом.

Исида и Лу уже спали в своих комнатах, а Олег храпел на посту. В такие дни это было обычным делом. Никто не собирался вторгаться к нам с пушками наперевес, вот все и расслабились.

А ночь какая? Нежный шелест листвы, остывшей после зноя, и тушью темноты очерченные тени. Всё спряталось и скрылось, уже давно спало. Во всей своей сложности природа всё-таки удивительно проста. Нет того нагромождения, которым человек окружает себя с каждым днём всё больше. Попытки упростить жизнь оборачиваются её кратным усложнением. Поэтому я никогда не стремился стать частью системы. Не нравилось мне представлять себя шестерёнкой, которая рано или поздно выйдет из строя и станет ненужной. Я лучше с краю. Постою в стороне, будто и нет меня. А потом уйду…

Наверное, это обида. Да, именно обида! И появилась она так давно, что, кажется, уже должна была сгладиться. Убийство родителей так и осталось нераскрытым преступлением. Смешно. Всюду камеры видеонаблюдения, мы с Кирой подробно описали Павла Алексеевича, но его так и не стали искать. Как будто мы жили не в охраняемом районе, а где-то в трущобах, где без убийств не обходится ни одна ночь.

Тогда это не укладывалось у меня в голове. Я привык видеть в фильмах, что полиция — это олицетворение чести и доблести. Но они повели себя, как обыкновенные бесчувственные чужаки. Теперь-то мне плевать. Система отняла у меня самых близких людей, оставив лишь ноющее чувство обиды, засевшее где-то в груди, как раковая опухоль. И с ним я сросся настолько, что жить как все теперь уже и не смог бы. Только не по тем правилам, которые нарушают все, кому не лень.

Мне не нравились такие моменты раздумий. В них шаг за шагом я приходил к воспоминаниям о том, что оставил позади. И неотвратимо добирался до самого страшного события в своей жизни.

20 лет назад.

Кира тянула меня за руку и не давала ни на секунду остановиться. Я перебирал ватными босыми ногами, слепо

шлёпая то по лужам, то по грязи. В голове творился сумбур, с бешеной скоростью крутились осколки мыслей, а глаза полуночного гостя виделись повсюду. Я изо всех сил сжимал свою красную «Ferrari», но даже не помнил, когда успел захватить её с собой.

Мы пробежали вдоль улицы, свернули на соседнюю. Потом ещё раз повернули и снова побежали вперёд, и опять повернули. Я всё меньше понимал, где мы находимся, а как следует осмотреться в дождливой темноте не мог. И, наконец, вдали показалась ярко освещённая станция метро. Мама строго-настрого запрещала мне ходить сюда без неё, и я испугался, что нам с Кирой влетит за это по полной программе.

Вдруг сестра рухнула на колени, как подкошенная, и обняла живот. Она судорожно вздрагивала и всхлипывала, казалась такой жалкой, что мне и самому захотелось плакать.

Я осмотрелся, нет ли поблизости Павла Алексеевича, и когда убедился, что мы в безопасности, протянул к Кире руку. Прикоснулся к её мокрой спине, но она вдруг дёрнулась в сторону, словно обожжённая, и взглянула на меня глазами, полными ненависти.

— Не трогай меня! — процедила она сквозь зубы. — Это всё из-за тебя!

Я ничего не понял. Я не приглашал никого в гости, слушался родителей, по крайней мере, последние несколько недель, и даже ел овсянку. Так в чём я виноват?

— Почему? Что я такого сделал? — спросил я, и первые слёзы смешались с каплями дождя, стекающими по моему лицу.

— Ты родился! Этого достаточно. Если бы тебя не было, мы бы были счастливы втроём! — без всякой жалости уничтожала она меня. — Это из-за тебя их убили, потому что ты лишний!

Я никогда не подозревал, что Кира такая жестокая. Думал, мы друзья и готов был за неё в любую драку лезть. А получалось, я всю жизнь ошибался?

Мне захотелось убежать куда-нибудь на край света и там, забившись в самый дальний, самый тёмный угол, остаться навечно. Я даже сделал шаг от Киры, решаясь на побег, но она схватила меня за руку, встала и потащила дальше. Туда, где были люди в форме.

Возле метро людей оказалось немного. Всех разогнал дождь, а кто остался, вряд ли мог помочь даже самому себе. Странные, немножко даже смешные. Мама бы сказала, что это бездомные, но мне казалось, что они вылезли из какого-то сериала.

Пока Кира потерянно оглядывалась, не зная, к кому обратиться, к нам подошёл полицейский:

— Дети, вы почему в таком виде? Вы заблудились? — строго спросил он.

И я расслабился. Решил, что он очень смелый человек, если может вот так запросто подойти к незнакомцам. А смелым людям доверять можно, потому самый смелый из них, это папа.

— Наших маму и папу убил какой-то мужик! — вновь расплакалась Кира.

— Не понял, что случилось? Кто кого убил?

— У нас дома, на третьей Садовой дом пятнадцать, какой-то мужик убил двух человек. Маму и папу, — твёрдо проговаривала слова Кира.

Полицейский не мог решить, шутим мы или нет. Он проводил нас в участок, где сидело ещё трое политических. А сам сказал, что пойдёт и проверит.

Тем временем мы рассказали, что произошло и даже собрали на компьютере лицо, похожее на Павла Алексеевича. Потом Кира назвала телефон тёти Кристи, потому что кроме неё из родственников мы никого не знали.

— В доме всё в порядке. Ни трупов, ни следов драки. Только дверь нараспашку, — сообщил полицейский, когда вернулся. — Получается, вы всё выдумали? Где ваши родители?

— Ничего подобного! — вскочила Кира и топнула ногой. Указала на лицо, которое было на мониторе, — Вот он их убил! Выстрелил в них! Я сама видела!

От этих слов новая волна тоски окутала меня. Слёзы хлынули из глаз. Я поднял ноги на стул, ткнулся в колени и зарыдал.

— Девочка, ты пугаешь своего брата, — произнёс твёрдо полицейский.

— Да его самого этот мужик чуть не придушил! Держал его за горло, вы чего? Да это вообще какой-то маньяк безумный! Как вы можете так вот говорить, что ничего не видели! Вы издеваетесь?

Полицейский стоял с каменным лицом, слушал её, а потом спокойно сказал, словно подписывая приговор:

— Вам всё показалось.

Глава 5

Сейчас.

От тоскливых мыслей хотелось поскорее убежать к чему-нибудь жизнерадостному, пока депрессия не затянула меня с головой. И я знал отличный способ, чтобы поднять себе настроение. Смесь громкой музыки, хорошей выпивки и полуголых молоденьких девиц, способных возбудить одним взглядом.

Главное, чтобы Исида не узнала.

Я вернулся к себе и выбрал костюм для таких вылазок. Рубашку с коротким левым рукавом, длинным правым и огромной дырой на правом боку. И простые джинсы. Пусть классика, но со штанами, где каждый тонкий ободок штанин надо было натягивать отдельно, я возиться не хотел.

Затем поднялся в дом и толкнул Олега. Тот удивлённо всхрапнул, с трудом разлепил веки и посмотрел на меня с немым обещанием: «Не переживай, я убью тебя быстро».

— Я в «Севенс Парсек». К утру вернусь, — сообщил я.

— Вали, — промычал Олег в ответ и тут же вновь уснул.

Обычно в клуб я летал на флаере. Это сразу ставило меня на порядок выше обычных посетителей и заставляло относиться ко мне, как к ВИПу. Тогда выйти не успеешь, а юные посетительницы уже прикидывают, как поэффективнее внимание привлечь. Но Валентин ещё не вернулся, так что пришлось обойтись летающим мотоциклом. Тоже неплохо, тоже дорого и статусно, но всё же не «Джун-Со». Никто не бросится дверь открывать.

Я сел на мотоцикл, и тот еле слышно зашуршал двигателем, определив меня по подкожному чипу. Защита хорошая, если не знать, как её обойти.

Вырулив из гаража, я взмыл в воздух и завис над макушками деревьев. Отсюда темнота уже не казалась такой всеобъятной. На чёрном полотне ночной Рассеи то тут, то там виднелись огоньки стоянок кочевников и лагерей гопстеров. Чуть ярче горели промышленные островки. И самым светлым, самым манящим пятном на чёрном полотне ночи был Моссити. Частоколом пёстрых небоскрёбов вырастал он на горизонте и красил небо над собой разноцветными голограммами, лучами прожекторов и облаками фар флаеров, скайтрэйнов и летающих мотоциклов, снующих меж стеклобетонных гигантов подобно навязчивой мошкаре.

«Севенс Парсек» не был одним из тех элитных заведений, что заполняли Кремлин Дистрикт по десятку на небоскрёб. Туда надо

заваливаться с узнаваемой физиономией и сорить деньгами направо и налево, иначе сойдёшь за официанта или эскортника. Впрочем, и до состояния притона или андроид-борделя «Севенс Парсек» тоже пока не скатился. Удивительно для места, где в уборных годами не стирают объявления на любой вкус и кошелек. Иллирий и прочая синтетика по бросовой цене, шлюхи с заманчивыми именами, адвокаты на случай неожиданных проблем с законом и даже проповедники и святые отцы, если вдруг в душе что-нибудь кольнёт.

Клуб находился в Спарроу Хиллз Дистрикт, в спиралевидном небоскрёбе «Юнивёрсити», построенном на месте высотки МГУ. Конечно, никакого университета теперь там не было и в помине. Он поначалу занимал десять этажей башни, но потом совсем перебрался в интернет-пространство, а помещения сдал в аренду под офисы брокерским конторам.

По старой памяти самыми частыми посетителями «Севенс Парсек» были студентки. Неизбалованные роскошью, стремящиеся поскорее попробовать все прелести ночного Моссити, они становились лёгкой добычей для пикаперов и дилеров. Первокурсницы, готовые на всё ради дозы иллирия, третьекурсницы, познавшие многое и способные удивить всего за несколько тысяч рублей; даже пятикурсницы, уже почти оставившие азарт юности, но после пары коктейле сосущие мощнее вакуумного пылесоса. Стоит только захотеть, и без компании не останешься.

Из-за такой шальной ночной жизни изменился и сам район. Его обжили маргиналы всех мастей, и без оружия там показываться было небезопасно. Полицейские вряд ли остановятся, даже если увидят откровенное изнасилование, не говоря уж о какой-то помощи. Проедут мимо, притушив фары. Собственная шкура им куда дороже.

Возле клуба, как всегда, стояла толпа малолеток, пытающихся доказать секьюрити, что совершеннолетие у них было вчера, а паспортную карту просто дома забыли. Одна даже схватила меня за руку, пока я пробирался ко входу, и предложила отдаться в туалете, если я проведу её с собой. Пучила на меня остекленевшие от недавней дозы глаза и руками тянулась к карманам. Не уговорит, так хоть подзаработает.

— В другой раз, — пообещал я, и освободился от её объятий.

Не любил я их, маленьких и неопытных, пугающихся любого лишнего движения и улетающих от первого стакана виски с колой. Да и незаконно это вроде, хотя кого это теперь волновало? Моралистов или старых зануд в Спарроу Хиллз не осталось.

Обменявшись кивками со знакомыми секьюрити, я прошёл

внутрь. Туда, где музыка жила своей жизнью. Громкой, дерзкой и неукротимо быстрой. Музыка, проникающая под кожу до самого костного мозга и меняющая сознание. Музыка, подхватывающая у самого входа и отправляющая в дальнее плавание по волнам мелодии.

Танцпол бурлил движением молодых горячих тел и пенился поднятыми руками. Я влился в это море на пару треков. Подхватил волну экстаза и отпустил мысли на свободу. Те унеслись ввысь сотней вольных птиц, оставив мне сладкую пустоту, и я с упоением в неё окунулся. Чтобы ничто не волновало, не беспокоило, и простота наконец стала самоцелью.

Незаметно я слился в танце с одной из тех, кто был рядом. В мигающем свете её лица было не разобрать. Видел лишь чёлку, спадающую на правый глаз, оголённые плечи и тонкие руки, унизанные фосфоресцирующими обручами. Я позволял себе многое, и она не возражала. Обвил её тонкую талию, горячую и нежную. Спустился к поясу. Тот был занижен настолько, что изгибы живота уже почти перешли в ласковые чертоги.

Девушка не отставала. Узкими ладонями проникла под мою футболку и нежно водила ногтями по моему торсу.

Может, она что-то и говорила, но я не слышал. Может, что-то и предлагала, но всё это было мне безразлично. Её тело горело желанием, и когда я пальцами проник в узкую прореху между поясом и её телом, девушка прижалась ко мне. Проник дальше, по упругим ягодицам, пока они не оказались у меня в ладонях.

Возбуждение моё сливалось с музыкой в единое целое. Я готов был взять эту незнакомку прямо здесь. Приспустись её пояс, расстегнуть ширинку себе. Никто бы ничего не заметил. Но что-то всё же останавливало. Скромность? Последние её остатки? И пока я гадал, плюнуть ли на все правила приличия или всё-таки увести девушку в туалет, кто-то в меня врезался. Не рассчитал с выпивкой, и ноги заплелись в узел. А я очень кстати оказался на пути. Обычное дело. Но незнакомка, которая таяла в моих объятиях, исчезла без следа. Оставила меня пылающим от страсти, с неутешным напряжением в штанах.

«Ну и ладно,» — подумал я, — «небольшой перерыв. Со второй попытки всё получится.»

С этими мыслями я пробрался сквозь толпу к бару. Он располагался в «Тихой зоне». За счёт барьера звукоподавления там музыка звучала не так громко, и можно было не особо прислушиваться, чтобы понять, о чём говорит сосед.

Стойку бара перемежали несколько автоматов с выпивкой и сомнительной закуской. Живой бармен слишком дорог для таких мест, а такие альтернативы исполняют примерно ту же функцию

и не просят прибавки к зарплате.

В одном из автоматов я заказал тоник средней крепости, сразу отпил половину и только после этого осмотрелся. Те, кто были среди танцующих, меня больше не интересовали. Хотелось перебросится хоть парой слов, прежде чем переходить к интиму. Очень кстати, будто на витрине, возле барной стойки стояли, пританцовывая, несколько соблазнительных девушек. И фигурки аккуратные, будто из рекламы нижнего белья, и лица в мягком притушенном свете бара казались вполне себе миленькими. Хэндфон на запястье уже во всю гудел от оповещений с «One Night» и «LiveLove». Сайты для знакомств наперегонки пытались сыграть роль свахи и подсказать, к кому как лучше подходить и кто уже отправил мне симпатию.

Пока я выбирал, с кем заговорить, компания нашла меня сама. Чья-то рука похлопала меня сзади по плечу. Я обернулся и увидел прелестного вида девушку с вьющимися чёрными волосами и жгучими, как угли, глазами. Она смотрела на меня с лукавой усмешкой и пальцами постукивала по своему стакану.

— Привет, — коротко сказала она.

— Ну, привет, — так же коротко ответил я, но быстро спохватился: — Может, чём-нибудь угостить?

Она демонстративно отставила свой стакан, где ещё плескалось немного коктейля.

— Почему нет? Я люблю Керамитсу.

Как всегда в таких случаях, незнакомка выбрала самый дорогой коктейль. Хоть вовсе не спрашивай. Не то, что бы мне это было не по карману или я не хотел тратиться, но предсказуемость девочек на одну ночь иногда меня так умиляла, что невольно хотелось самому предложить нечто вроде: «Давай сначала потрахаемся хорошенько, а потом я тебе Керамитсу куплю?». Но это бы нарушило главное правило клубной жизни: до последнего изображай, будто не знаешь, чем всё закончится.

Я отвернулся к автомату, на мгновение оставив незнакомку за спиной, и выбрал коктейль. Кислотно-розовая густая смесь в узком, похожем на пробирку стакане — вот что такое Керамитсу. И на вкус будто мангустиновые леденцы. Отвратительная дрянь, но девушкам по странной причине нравилось. Наверное, это как мартини с апельсиновым соком, только рецепт не такой древний.

Незнакомка приняла стакан с милой улыбкой, слегка коснувшись моих пальцев, и сделала крошечный глоток. Может, и вовсе лишь притворилась, что пьёт.

— Ты здесь в первый раз? Я тебя раньше не видел, — продолжил я разговор.

— В первый. Подружка пригласила, но быстро убежала

танцевать, а меня здесь оставила.

— И как тебе клуб?

— Нравится. Мне, правда, сравнить особо не с чем. Но музыка отличная и люди приятные.

— Это да, есть такое. Так может, за знакомство выпьем?

Я взял стакан со стойки, она свой. Мы чокнулись, и я залпом осушил остатки тоника. На секунду показалось, что напиток немного горчит, но мысли быстро потянулись в другую сторону.

Мне вдруг показались нестерпимо соблазнительными аккуратные губки незнакомки, а голые её ноги, чуть прикрытые мини-юбкой, и вовсе заставили сердце колотиться, как у юнца перед первым сексом. Не совсем ещё остывшее возбуждение нахлынуло с новой силой и захватило меня с головой. Я не сдержался и протянул руку, положил ладонь на коленку незнакомке.

— Я в клубе бываю частенько, но сегодня какой-то особенный день. Никогда таких красавиц здесь не видел?

— Так быстро? — улыбнулась она. — Я ещё не готова.

Но я был настойчив. Мной управляла уверенность, что она поддастся, если я буду наглым. И рука моя скользнула выше по внутренней стороне бедра, кончиками пальцев заглянув под юбку и почувствовав, насколько там тепло.

— А ты не сдаёшься, да? — торжествовала незнакомка. Улыбалась, смеясь надо мной тонкой линией жемчужно-белых зубов.

Но руку мою она не убрала, позволив окончательно потерять голову. Я не мог больше сдерживаться:

— Я хочу тебя.

— Даже так? — наигранно удивилась незнакомка, а в глазах её сверкали искры светомузыки.

Я повёл руку дальше, уже почти добрался до того, чего желало всё моё тело. Коснулся тонкой ткани и почувствовал, что скрывалось за ней, будто трусиков не было вовсе. Касание подействовало не слабее, чем разряд тока. Незнакомка резко повысила ставки. Небрежно отбросила мою руку в сторону, в несколько глотков допила свой Керамитсу, встала и приблизилась ко мне вплотную.

— Ну так пошли. Только давай не в клубе. Мне надо подышать свежим воздухом, — сказала она мне на ухо.

Я жадно втягивал ноздрями запах её волос и думал, что ничего вкуснее в жизни не слышал. Скажи незнакомка, что мне нужно отдать ей свой кошелёк, и вряд ли я смог бы отказаться. Всучил бы ей, не задумываясь, и ещё пообещал, что принесу в следующий раз больше.

Она провела меня сквозь толпу к выходу. Всё вокруг казалось таким далёким, неважным, и только незнакомка сейчас была для меня центром мира. Её изящные плечи и спина, плавно раскачивающиеся бёдра под мини-юбкой, лёгкая кошачья походка, словно каждый шаг мог спугнуть жертву.

Следом за ней я ушёл от клуба и не заметил, когда мы углубились в грязные переулки. Мы прошли мимо лежбища бомжей и уродливых граффити, распугали крыс. Пробрались в такие дебри, где люди бывали только чтобы нагадить, и свет далёких фонарей сюда едва дотягивался. Наконец, незнакомка остановилась. Развернулась ко мне, приблизилась, приоткрыв рот. Она дразнила меня, обещая поцелуй, но в последний момент улыбнулась и легонько оттолкнула к стене.

— Ты этого хочешь? — спросила она и провела рукой по своей груди и животу, остановившись на талии.

— Да, — закивал я, как школьник, впервые оставшийся наедине с женщиной. Только и успевал, что слюну сглатывать.

— А может быть, этого? — и рукой она чуть приподняла юбку, показав край прозрачных трусиков.

Пусть я не видел всё в подробностях, но воображение дорисовывало, добавляло красок.

— Да, — задыхаясь, подтвердил я и устремился к ней.

Внезапно в другой руке незнакомки сверкнуло лезвие ножа. Я даже понять ничего не успел, как ощутил жгучую боль в боку. С хлюпающим звуком незнакомка пронзила меня ещё раз, уже в живот.

— Грязное животное, — цедила она, продолжая дырявить меня, будто я подушечка для иголок.

Я согнулся и застонал от боли. А она продолжала. Остервенело и беспощадно, расплачиваясь за ей одну понятную обиду. Стало ясно, что незнакомка не остановится, пока не доведёт дело до конца. Тогда уже будет поздно спасаться, требовалось действовать прямо сейчас. И я упал, притворившись мёртвым.

— Мужлан никчёмный. Ненавижу вас, тварей, — прошипела она напоследок и с силой пнула меня между ног. Даже не знаю, чего в этом было больше — боли или обиды.

А потом незнакомка убежала, звонко цокая каблуками. Прежде чем она покинула переулок, я услышал лязг упавшего ножа.

Не повезло.

Но всё-таки хороша была чертовка. И глаза такие дикие, словно даже любить она умела только через ненависть. Такие в постели хороши, если, конечно, доползёшь до неё живой.

Я лежал на животе, пока не утихла боль, а потом кое-как перевернулся на спину. Раны ещё кровоточили, и что-то из органов нож точно задел, но бывало и похуже. Просто надо полежать и дождаться, пока кровь остановится. Ещё дня три, чтобы раны окончательно зажили и исчезли, и сегодняшний провал забудется навсегда.

И всё-таки стоило быть поаккуратнее. Эта девчонка с самого начала вела себя слишком раскрепощённо. Она игралась со мной, как кошка с мышкой, а я не заметил. Подсыпала какую-то дрянь, пока я покупал ей коктейль. Хоть бы полапать себя дала, и то поприятнее было.

С другой стороны, может и хорошо, что сегодня судьба её свела именно со мной. Другой бедолага уже валялся бы бездыханным трупом и ждал, пока крысы его обглодают. Мне же только потерпеть немного и ехать домой, объяснять Исиде, откуда вдруг все эти раны взялись.

А эту девчонку, если снова встречу… Впрочем, иногда даже враги бывают полезными.

Глава 6

Я лежал до рассвета и только тогда нашёл в себе силы подняться. Боль стихла. Просыпалась ещё пронзительными уколами, когда я делал резкие движения, но это уже был пустяк. Легче становилось, если я прижимал раны руками и шёл не разгибаясь, хотя это сильно замедляло, а каждый прохожий провожал меня любопытным взглядом.

Окровавленный и бледный, я кое-как добрался до парковки клуба и с облегчением уселся на мотоцикл. Охранник упорно не смотрел в мою сторону, чтобы не предлагать помощь. А разбредающимся по домам посетителям и вовсе уже не было дела ни до чего. Оно и к лучшему. Не любил я лишних вопросов.

На автопилоте, изо всех сил стараясь не свалиться, я доехал до дома и с первыми лучами солнца спустился в гараж. Криво припарковался и свалился на жёсткий бетонный пол, когда попытался слезть аккуратно. Я замарал и сидение, и руль, оставил бурые пятна на аккумуляторе, но возиться с ними не стал: неимоверно хотелось есть и спать. Вечно у меня просыпался жуткий аппетит, когда организму требовалось восстановиться. Так что первым делом я направился на кухню.

В холодильнике нашёлся большой кусок охлаждённой варёной конины. Любимое блюдо Олега. Он наверняка будет злиться, когда заметит пропажу. Но урчание в желудке и целая полка йогуртов Исиды не давали мне выбора. Не возиться же с готовкой замороженных полуфабрикатов?

Вместе с тарелкой мяса я устроился в дальнем углу кухни. Хорошее место, чтобы есть то, что есть нельзя. Можно увидеть всех входящих, а самому при этом оставаться незамеченным. Это позволяло в нужный момент спрятать следы преступления и притвориться невинной овечкой.

Не знаю, что такого особенного находил Олег в конине. Мясо как мясо, только гораздо жёстче синтетического. Во рту не тает, специи надо отдельно добавлять, и всё равно не так вкусно получится. А уж жилы — это отдельная головная боль, если зубочистки под рукой нет. Между зубов половина куска останется точно, как заначка на голодный год.

Пока я придирался к еде и тщательно пережёвывал каждый кусок, из коридора послышались шаги. Я поспешно переставил тарелку на стул рядом с собой и задвинул под стол. Успел даже принять скучающий вид, прежде чем вошёл Валентин.

Он сиял от счастья, даже пританцовывал и в целом выглядел как человек, которого просто грех не ткнуть носом в собственный

же косяк.

— Доброе утро, — сухо поздоровался я, а в душе ликовал от того, что есть на ком выместить злобу.

Валентин вздрогнул, на секунду замер с протянутой к холодильнику рукой и резко обернулся.

— Уоу! Влад? Не делай так больше, ладно? — испуг на его лице быстро сменился довольной улыбкой.

Я знал это выражение лица. Валя собирался рассказать мне о том, что наконец-то встретил свою единственную и неповторимую и больше не сможет никого полюбить так же сильно. Старая история, которую вся наша команда уже наизусть выучила. Вот только мне сейчас было плевать, кого там Валя встретил и чего больше не сможет. Он в очередной раз взял жемчужину моей коллекции без спроса, и требовалось объяснить, что больше я прощать такое не намерен.

— Ничего сказать не хочешь? — предложил я.

— За флаер? Чувак, прости, но ты должен меня понять…

— Не хочу я ничего понимать. Сколько раз я говорил, что «Джун-Со» брать нельзя? Или мне по-английски с тобой говорить? Официальное предписание какое-нибудь выписать? Что мне сделать, чтобы ты наконец понял?

— Я ж аккуратненько, даже не поцарапал. Честное слово. Я с ним, как с младенчиком, сюсюкался.

— Ещё бы ты его поцарапал. Потом сам бы искал, где лечат переломы за те копейки, что остались бы у тебя после ремонта флаера.

— Ну, пойми, я встретил настоящую богиню…

— Может, стоит переключиться на обычных женщин? Которые не дают только тем, кто летает на флаерах, носит Качи и Монини и знает, чем отличается Бордо от Каберне.

— С богатыми куколками не всё так просто, как тебе кажется. И особенно им без разницы, разбираешься ты в винах или нет. Они сами-то с трудом сухое от полусладкого отличают.

Ещё немного и Валя убежал бы в рассуждения о правилах съёма породистых самок, и тогда без гвоздодёра его оттуда не вытянуть.

— Мне вообще без разницы, наследницу какого семейства ты оприходовал на этот раз, — прервал я его. — Флаер больше не бери, а то говорить я буду по-другому. Мне твои понты уже осточертели в конец. Если хочешь, чтобы все думали, будто ты можешь себе позволить «Джун-Со», то прекрати транжирить деньги и купи его наконец сам.

Валя продолжал улыбаться, как бы строго я с ним не говорил и сколь гневно бы на него не смотрел. Он искренне был убеждён,

что выйдет сухим из воды. Просто надо дать мне выговориться.

Валя подошёл и сел напротив со словами:

— Ты не поверишь, но впервые это было не для понтов.

И угадал. Я действительно не поверил:

— А для чего же тогда?

— Я встретил девушку из Забляви, понимаешь? Она в жизни не видела, как салон флаера выглядит. И ни разу выше своего третьего этажа не поднималась.

— Ты серьёзно? Из Забляви? А дальше ты будешь искать единственную и неповторимую среди бомжих? Можешь не рассказывать, что вы с ней делали во флаере, даже знать не хочу. А вот салон будешь с хлоркой оттирать, чтобы духу её там не осталось. И вообще. Ты руки-то помыл, прежде чем за стол садиться? А то заразу со всего города насобирал и припёрся туда, где люди обычно кушают, — оттоптался я на его новой зазнобе с таким остервенением, что Валя даже улыбаться перестал.

— Ты её не знаешь, — только и смог возразить он.

Именно её я, может, и не знал, но жители Забляви были известны всему городу. Любой, даже живущий на границе с Рассеей, с готовностью бы подтвердил, что все отбросы Моссити собрались в Забляви. Проститутки с коллекцией венерических заболеваний, достойные выставки в Кунсткамере; наркоманы, дешёвой дрянью изуродовавшие себя и прогнившие до самых костей; безумцы всех пошибов и мастей, оставленные на произвол судьбы после закрытия последней психушки. Одним словом, найти в этой зловонной помойке кого-нибудь нормального было задачей сродни поиску иголки в стоге сена. Причём в случае Забляви иголки не было вовсе.

— Я не могу придумать ни одной причины, почему это плохо, — усмехнулся я.

— Потому что она совсем не такая, как ты думаешь. Она книжки даже читает, представляешь? У неё дома целая библиотека настоящих книг. Собрания сочинений каких-то Пушкиных и Толстых. Ты вот сам хоть фамилии такие слышал?

— Я готов поспорить, что она врёт.

— И проиграешь! Я видел её своими глазами.

— Только не говори мне, что ты был в Забляви.

— Да, я там был. И что? Поставишь меня за это в угол? — пошёл Валя в атаку, устав оправдываться.

— Ты совсем идиот? Такое ощущение, что ты просто обдолбался и вообще не понимаешь, в какую дыру лезешь.

— Между прочим, ты и сам выглядишь так, будто половину ночи в какой-то канаве навозной провалялся. Это чья вообще кровь? Ты убил кого-то?

— Не переводи стрелки. Сейчас речь о тебе.

— Да брось! Ты бесишься, что я твой флаер брал в Заблявь? Ок, ладно, не буду больше его трогать. Но не смей обсирать то, что мне дорого! Это совсем не круто!

— О чём ты вообще говоришь? Причём здесь флаер? Я о тебе беспокоюсь! Или тебе по кайфу будет, если какой-нибудь недохирург распихает твои органы по всяким нарикам? — парировал я и совсем не соврал. После новости о месте жительства новой пассии Вали флаер отошёл на второй план.

— Не говори глупостей, этого не будет. Я же не сосунок какой, по сторонам-то всё-таки смотрю. Да и потом: это мой выбор и моя жизнь. Что хочу, то и делаю, с кем хочу, с тем и встречаюсь. А если понадобится, перееду к ней. Как тебе такое?

— А спасать тебя, независимого такого, в случае чего кто будет?

— Я разве прошу меня спасать? Или ты боишься, что вам некому будет тачку водить?

— Не боюсь. Данька Курносов справится, если понадобится.

— Ну и всё тогда. Закончили разговор.

Валя вскочил и выбежал из кухни. Не нашёл больше аргументов, а признать мою правоту не позволяла гордость.

Зато у меня от разговора остался неприятный осадок. Валя решил заглянуть в зловонную бездну, даже не подозревая, что его может затянуть туда и поглотить. Никого слушать он не будет, пока не столкнётся с этим сам. Но успеем ли мы прийти на помощь, когда это будет необходимо? Успеем ли?

Я вернулся к поеданию трёхдневного запаса конины и ни на грамм не переел, когда тарелка опустела. Метаболизм в такие моменты у меня был удивительно быстрый. Иная любительница плюшек, севшая на очередную диету, могла загрызть от зависти.

Я отправил тарелку в посудомойку, выпил стакан гранатового сока и собирался пойти в ванную, чтобы смыть с себя перед сном всю мерзость после неудачной встречи, но не успел. От двери к холодильнику, целенаправленно и не открывая глаз, прошлёпала босыми ногами Исида.

Не замечал я раньше, что кухня по ночам превращается в магнит и манит всех, кого хоть на секунду отпустило одеяло. Иначе выбрал бы более уединённое место. Впрочем, тогда бы я не узнал, что Исида любит ночные перекусы.

А она тем временем открыла холодильник и удивила меня ещё больше: раздвинула первые ряды бутылок с йогуртом и выудила из глубины батон сырокопчёной колбасы. Потом нащупала на кухонном столе нож и отрезала, не размениваясь, сразу треть.

Я был заворожён этим зрелищем и не сообразил, что стоило поскорее сбежать. Теперь же, когда расчленение колбасы закончилось, а Исида с набитым ртом закрыла холодильник, я уже не оставил себе шансов уйти от неприятного разговора.

Она повернулась, увидела меня и замерла, прикрыв рот ладонью. Молчала, спешно дожёвывая колбасу, а в глазах её стыд пойманного с поличным ребёнка стремительно превращался в возмущение строгой учительницы, заставшей пятиклашку с сигаретой в зубах.

— Только не начинай. Я в порядке, просто неудачно упал, — сходу попытался оправдаться я, поняв, что так её возмутило.

Но было поздно. Исида сглотнула и спросила, чуть повысив голос:

— Ты себя в зеркало видел?

— Нет.

— Влад, ты весь в крови! Ещё и грязный, как чушка. Ты где был-то? Я думала, что ты давно спишь.

— Послушай: всё в порядке. Правда.

— Да какой там в порядке? — она подошла и дотронулась пальцем до одного из порезов, словно ещё сомневалась, не грязь ли это, и тут же отдёрнула руку, как обожжённая, — Это же ножевые ранения! Причём вот здесь желудок, а здесь почка, — указала она на два места, которые до сих пор ещё неприятно ныли.

— Ты же видишь, что всё нормально. Я живой и теперь в полной безопасности. Успокойся и иди спать дальше.

— Нормально?! Я тебя видела совершенно здоровым ещё несколько часов назад, а сейчас у меня такое ощущение, что из тебя всё это время пытались решето сделать.

— Ну не сделали же, — попытался я изобразить улыбку, но даже сам себе не поверил.

— А это тогда что?

— Просто порезался.

— Почему у меня такое чувство, что ты специально только тем и занимаешься, что ищешь неприятности на свою голову?

— Я не виноват, что они меня сами находят. Слушай, я устал и настроение у меня ниже плинтуса. Давай мы этот разговор отложим хотя бы до завтра, а то меня либо стошнит прямо на стол, либо я усну, пока тебя слушать буду.

— Конечно, у тебя нет настроения, — передразнила меня Исида, нервно всплеснув руками. — Его у тебя никогда нет, когда надо подумать.

— О чём ты?

— Да всё о том же. Тебе не кажется, что слишком много

совпадений с тех пор, как ты за новое дело взялся?

— Я думал, мы уже проехали эту тему.

— Ты, может, и проехал, а я всё больше убеждаюсь, что мы несёмся прямиком в ловушку и выбраться оттуда живыми не сможем. Кто тебя порезал? Может, это был человек из… из «Helex»? Они узнали, что ты собираешься сделать, и решили остановить! Иначе я в жизни не поверю, что это просто совпадение.

Она смотрела на меня пронзительным взглядом и ждала, чтобы я понял её и согласился. И я бы с радостью сделал, как она хочет. Меньше всего хотелось её разочаровывать. Но выбора у меня не было. Приходилось настаивать на своём:

— Иногда совпадение — это просто совпадение. Не преувеличивай.

— Тут нечего преувеличивать. Это как пазлы мозаики. Я ещё не вижу всей картинки, но вывалились-то они из одной коробки.

— Пожалуйста, Иси, хватит! За те деньги, что мы можем вынести из банка, потом лет десять жить будем, ни в чём себе не отказывая. Купим себе какой-нибудь пакет акций, детей заведём, как ты мечтала. Я ради такого готов немного потерпеть. Ради твоего счастья, ты слышишь? Ради ТВОЕГО счастья я готов на всё.

Пусть силы мои быстро кончались, я старался говорить пламенно, убедительно. Исида меня не слышала. Она шарила глазами по полу, и видно было, как страх захватывает её.

— А если это пустышка? Если кроме проблем мы там ничего не найдём?

— Я тебя не узнаю. С каких это пор ты бояться начала?

— А никто и не говорил, что я боюсь. Я просто… Я не думала, что они… Я не знала… — забормотала Исида, но вдруг мотнула головой и твёрдо на меня взглянула. — Пожалуйста, поверь мне на слово: я уверена, что мы лезем в болото, из которого не сможем выбраться никогда.

— А я уверен, что ты зря паникуешь. Как говорит Олег, мы просто зайдём и выйдем. Всё как всегда и ничего нового.

Исида собиралась сказать что-то ещё, но я уже был не в состоянии её слушать. Встал и направился в свою комнату. Не важно, что скажет она завтра, но сейчас я даже не успевал её понять. Слишком много энергии тратилось на восстановление после ранений, слишком мало оставалось на всё остальное.

Спать я завалился в грязном, не найдя сил даже раздеться.

Глава 7

Мой беспокойный сон напоминал лихорадочный бред. Как и всегда во время регенерации, я часто просыпался, путаясь между осколками сновидений и густой темнотой спальни. Кошмары преследовали меня с особой жестокостью: кидали на растерзание многоликим чудовищам, лишали подвижности и превращали в самое беззащитное существо во вселенной. Они забирали куда больше сил, чем бдение бессонницы и выжимали холодный пот до последней капли.

Я окончательно устал засыпать и просыпаться ближе к вечеру. Раны противно заныли, в голове шумело, словно трассу для грузоперевозок проложили от одного уха к другому, да и в целом было такое подозрение, что по мне табун лошадей пробежался. К тому же во рту пересохло до того, что каждая попытка сглотнуть пронзала болью горло.

Я выполз из комнаты, только чтобы принять душ и поджарить на автогриле пару синтетических стейков. Жадно выпил четыре стакана воды, остановившись лишь когда желудок раздуло и он намекнул, что готов выплеснуть всё обратно, если я не поумерю пыл. Затем я ухватил четыре пачки чипсов и бутылку газировки и враскарячку вернулся к себе, чтобы зарыться в ещё не остывшую постель и продолжить набираться сил.

Я провёл пальцем по сенсору на правом запястье. Хэндфон немедленно высветил передо мной голограмму приветствия, а затем открыл рабочий стол с тучей иконок приложений. Давно уже пора было здесь навести порядок, но всё как-то руки не доходили. Всё казалось нужным, хотя некоторые приложения я вовсе ни разу не запускал, либо пользовался однажды и давал себе обещание как-нибудь повторить.

Среди всей тучи ярлыков и виджетов я отыскал пульт от телевизора и включил девятый канал. На стене напротив кровати проявился экран, и изо всех колонок, расставленных по периметру комнаты, раздалась по-детски весёлая музыка. Начиналось вечернее шоу Вика Алфи. Древний формат для стариков, рассыпающихся в песок по пути до аптеки и обратно, но мне нравилось. Не знаю почему. Может, харизма Вика так действовала? Он умел любую фразу собеседника перевести в шутку, от чего за пятнадцать минут разговора можно было несколько раз душевно посмеяться.

Одно напрягало, что трансляция велась на английском языке. Уже семь лет он являлся вторым государственным, а на русском остались только реклама и новости. Впрочем, вряд ли кроме меня

нашлось бы много тех, кому это не по душе. Помню, когда президент выступил с этой новостью, многие с восторгом его поддержали. «Надо же, теперь мы совсем как на Западе жить будем!» — рассуждали люди, лукаво умолчав о главном. О том, что на Западе всё совершенно иначе.

К тому времени в Америке подходила к концу гражданская война, и коми уже во всю рулили страной. Ввели план, рассчитанный на мощнейших компьютерах, обозначили стратегически важные направления фундаментальных научных исследований, отойдя от прикладных, что раз за разом заводили прогресс в тупик. Они развернули всю мощь своей страны лицом к людям, подпёрли её идеями великих правителей нашей страны и направили эту махину на образование и всестороннее развитие человека, на медицину и социальные программы.

Европа же из-за потепления климата сравнялась температурой с Африкой и превратилась в саванну. Там давно говорили на суахили и арабском языках. Континентальное право заменили на законы шариата. Даже президентов и премьер-министров теперь называли халифами, шейхами или султанам.

Тот «Запад», о котором с упоением рассуждали у нас, больше не существовал. Его сменил бурлящий океан перемен. И только Федерация Независимых Конгломераций оказалась в этом океане островком спокойствия. Потому сюда и хлынули все опальные капиталисты в попытке сохранить хоть что-то из заработанного непосильным трудом своих рабочих.

Тратить время зря новые русские не стали и стремительно проникли во все ветви власти, обжились на высоких постах и прогнули политический курс под себя. Пары лет не прошло, как второй государственный язык стал первым, но и теперь люди лишь аплодировали. Они привыкли восхищаться заграницей и искренне поверили, что наконец заживут как надо. Как показывали им просмотренные сотни раз фильмы и популярные блогеры.

Я слишком увлёкся размышлениями о вещах, которые мне были не особо интересны, и долго не обращал внимания на экран. А там тем временем закончился вступительный ролик, и на смену анимированной заставке появился бордовый занавес.

— На днях ходил к дантисту… — первым делом сообщил Вик, пружинистым шагом выскочив из-за кулис. Месяц назад он отметил семьдесят третий день рождения, но выглядел лет на сорок, если не моложе. Подтянутый, с густыми разноцветными волосами и ослепительно белозубой улыбкой. — Да, да, я уже вижу, многие меня понимают. Это хорошо, что говорить ничего не надо, а то в следующий раз док не даст мне уйти живым. Не

подумайте, я не жалуюсь, даже наоборот. Пока лежал у него в кресле с раскрытым ртом, понял, что человек-дантист всё-таки лучше роботов. Да, пусть дороже… Сильно дороже… В сто раз примерно… — Вик скривил лицо, будто только теперь понял, что его облапошили, и посмотрел в сторону, обращаясь к кому-то из съёмочной команды. — Какой, говорите, сайт у того андроида был?

Зал взорвался от смеха и аплодисментов, а Вик с нескрываемым наслаждением выждал паузу, прежде чем продолжить:

— Вот вы все наверняка считаете меня супер старым. Думаете, что мне уже пропуски ставят на кладбище и всё такое, — в зале послышался гул несогласия, а Вик добавил жару и изобразил немощного старика. А потом продолжил: — Редко получается это сказать, но в сравнении с сегодняшним нашем гостем я пипец какой молодой. Антуан Фейкель. Встречайте!

Загромыхала музыка, и камера сошла с ума. В зал вошёл Антуан Михайлович. На вид он не сильно уступал Вику и совсем не выглядел как человек, отмечающий вековой юбилей. Со сверкающими дредами, свисающими до плеч, с анимированными татуировками по всему лицу и на руках. Он один в один походил на молодых блогеров, только начинающих карьеру в медиа. Да и одет был примерно так же. Из-под строго чёрного пиджака до колен спускалась белая футболка, скрывающая утянутые полосками джинс мускулистые ноги. На груди вращался знак доллара, которым уже несколько лет обозначался рубль, а на правой руке сияли россыпью бриллиантов большие розовые часы.

Я смотрел на Вика и Антуана, как на клоунов, забывших смыть грим после выступления. Интересно, насколько эти забавные старички в обычной жизни соответствуют своему образу? Так и представлялось, что выходят они к семейному ужину под искусственные аплодисменты и изо всех сил демонстрируют, насколько они современны. Ведь сами же твердят постоянно, что на сцене и в жизни они одинаковые.

После десятка колкостей и пары неудачных острот началось обсуждение нового фильма-автобиографии Фейкеля. Предыдущий выходил в позапрошлом году и уже сильно устарел. Вообще, насколько я мог вспомнить, Антуан Михайлович последние лет двадцать только тем и занимался, что снимал одну автобиографию за другой. Так этим увлёкся, что теперь мало кто мог вспомнить, чем же он всё-таки прославился. В кино он постоянно что-то превозмогал и купался в лучах заслуженной славы. Но вот чем именно заслуженой, ускользало даже от самого внимательного зрителя. На деле же Антуан был первым

режиссёром, который снял настоящую смерть в художественном фильме. В середине пятидесятых он потряс публику тем, что в простенькой драме с любовным треугольником главную героиню убила ревнивая любовница её мужа. Сюжет повторялся в разных вариантах и в разные времена столько раз, что наверняка забылся бы уже во время премьеры, не будь в нём такой кровавой изюминки. Даже суд тогда оправдал всех причастных, но сам Фейкель старательно огибал эту малозначимую деталь в каждом автобиографическом фильме.

— Таких откровений не было ещё никогда, — заверял Фейкель с самым честным лицом, скверно имитируя лондонский акцент.

Вик среагировал моментально. По-дружески указал на гостя сложенным из пальцев пистолетом и с усмешкой спросил:

— Ну хоть о том самом вечере ты не стал вспоминать?

Фейкель повторил его жест.

— Это слишком откровенно даже для меня, — а потом тут же переменился, вернул себе пафосный вид и продолжил: — Серьёзно, Вик. Я раскрыл все свои тайны и показал все скелеты, распиханные по моим шкафам.

— О да. Этим ребятам давно пора свежим воздухом подышать. И мы все уже с нетерпением ждём премьеру. Напомни, пожалуйста, когда фильм выходит в прокат?

— Пятнадцатого июня. Версия для полного погружения двадцать второго.

— Отлично! Рад был с тобой встретиться, Антуан, пока ещё ты не рассохся окончательно!

Началась реклама, перетасовавшая новую газировку, старый классический парфюм, средство от кашля, туалетную бумагу, конфеты без сахара и упругие задницы, спасённые от ежемесячных проблем.

Следующим гостем Вика Алфи был самый молодой мультимиллиардер ФНК. Санька Черманцов, семилетний мальчик, который сделал себя сам — так его представил Вик и в ответ получил поток мата, потому что Санька, как оказалось, был у него в штанах, а гостя звали Александром Анатольевичем. Вик же принял оскорбления с таким видом, словно от этого зависела его работа, и раболепно расплылся в улыбке.

— Александр Анатольевич, скажите, ваш новый бренд, когда он появится в магазинах?

— Чё, не в терпёж уже прикупить? — усмехнулся мультимиллиардер, разжёвывая слова на манер обитателей Бруклина позапрошлого века. — Не ссы, не пропустишь.

— Это точно, рекламу никто не пропускал, и релиз не

пропустим.

— Э, ты чё, чувак, против рекламы что-то имеешь? Отец всё проплатил по полной, так что не гони тут. Понял?

За унижением Вика я наблюдал без особого интереса, хотя аудитория Черманцева была в восторге. Юный бизнесмен не представлял из себя ничего, как и голограмма корабля на его голове. Просто отец, президент корпорации «MentPharmic», входящей в фармацевтический картель «One Health», устроил сыну такую массированную рекламную кампанию, что мальчик просто не мог не заработать на своих банальных видеороликах грандиозное состояние.

Теперь же, когда Александр Анатольевич обладал более чем двухсотмиллионной аудиторией, пришла пора собирать камни. В июле планировалось запустить бренд под его именем, продающий одежду, напичканную электроникой и привязанную к киберимплантам, производимым «MentPharmic». В то же время стоимость установки киберимплантов резко снижалась, подстёгивая акцию. Получалось, что можно будет не тратить бешеных денег, чтобы провести апгрейд, да ещё и продвинутые шмотки нацепить. Красота. И многие даже не задумывались, почему картель так запросто готов потерять миллиарды? Скидки обещали такие, что даже импланты с чёрного рынка больше не выглядели заманчивой альтернативой. Ниже себестоимости, да ещё и автоматизированная операция по цене электричества. Невиданная щедрость, о которой никто и мечтать не мог.

Импланты, импланты… На них все будто помешались. Апгрейдились, как заведённые, влезая в кредиты. Вот только мало кто задумывался, что, променяв родные органы на искусственные, обратная дорога окажется не по карману. Люди загоняли себя в тиски, где с одной стороны — ежедневное употребление целого перечня лекарств, чтобы организм не отторгал инородные предметы. А с другой — смерть в мучениях с адской болью, которую никакие обезболивающие не заглушат. Можно было, конечно, вернуть обыкновенные органы, но такие операции клиники проводили неохотно и просили за них огромные деньги. К примеру, возвращение органической мышечной ткани обошлось бы в кругленький миллион, в то время как установка самого простого импланта стоила порядка тридцати тысяч.

Получалось, что даже за бесценок установленный имплант в перспективе нескольких лет приносил фармацевтическому картелю огромный доход. А если убедить всех, что модифицировать себя необходимо? Это уже не только заоблачные доходы, но и управление людьми. Когда десятки миллионов зависят от единственной компании, то эта кампания становится

их хозяйкой. Почти даже ничем не прикрытое рабство.

За то время, что я обитал в Моссити, людей с апгрейдами стало в разы больше. Если зайти в более-менее обеспеченный район, то почти на каждом углу там теперь встречались счастливые обладатели искусственных глаз и ушей, мышц и желудков, лёгких, печени, костей. Пусть это не всегда было заметно, но повадки выдавали модифицированных людей с потрохами. А когда я только прилетел из Сибериан Империал, это было в новинку и вызывало неподдельный интерес.

Я следил за разговором Вика Алфи и Александра Анатольевича, не вслушиваясь в слова, и отчётливо представлял, как Исида твердит, что всё это неспроста. Вот только в этот раз я бы даже возражать не стал. В моём усталом разуме и готовящееся задание, и скорый взлёт доходов картеля, и стерва из клуба складывались в целостную, но неясную картину, и я никак не мог сосредоточиться, чтобы разобрать её очертания. Слишком она выглядела туманно и надуманно, чересчур разрозненно, чтобы объединиться.

Но, как бы ни было это подозрительно, отказаться я не мог при всём желании. Я не стал рассказывать Исиде, что в этот раз мы шли ва-банк, потому что прекрасно понимал, насколько яростно она стала бы возмущаться. Да я и сам обычно не брался за такие дела. Они всегда приносили кучу проблем и не обещали лёгких денег. Но в этот раз плата мне показалась достаточно аппетитной, чтобы рискнуть. Теперь, если же мне вздумается поиграть в дурачка и сказать, что я плохо подумал, то последствия не обойдут стороной никого из нашей команды. Охотники за головами отступают, пусть и нехотя. Эти люди даже слова «отступить» не знают.

Постепенно я переключился на само задание и принялся раскладывать по полочкам всё то, что предстояло сделать. Как будем заходить, как поведём себя, если полиция нагрянет слишком быстро, и как уйдём, если начнётся погоня. Конечно, Исида отключит систему оповещения, но надолго ли это поможет, нельзя было сказать точно. Ограбление одного из центральных банков Моссити не пройдёт незамеченным, даже если тревога не поднимется вовсе. Значит, будет погоня, и прежде чем нам удастся выскочить из города, придётся хорошенько помотаться по его улицам.

Летающий транспорт отпадал сразу. Мы взлететь не успеем, как нас собьёт дрон. Значит, только по земле. По крайней мере, падать не высоко. Ещё было бы неплохо иметь точку, где сменим авто и разделимся.

Усталость быстро наполнила мои веки тяжестью, и они

сомкнулись, не спросив разрешения. План остался сырым, не сдвинувшись ни на йоту.

Глава 8

На следующее утро моё самочувствие значительно улучшилось. Раны ещё не затянулись окончательно и они немного ныли, но это уже почти не мешало радоваться жизни.

Я сладко потянулся в постели и понял, что не откажусь от сытного завтрака. Без того звериного аппетита, что владел мной накануне, фантазии о блинчиках с мёдом вызывали приятное потягивание в желудке. А если ещё запить их горячим какао с молоком, то седьмое небо гарантированно.

По-быстрому завершив в ванной все утренние процедуры, я направился прямиком на кухню. Исида там уже крутилась возле плиты и что-то варила. Помешивала ложкой в небольшой кастрюльке, добавляла то ваниль, то корицу, то ещё что-то не менее ароматное.

Не знаю, может и это было последствием регенерации, но при виде её голых ножек и аккуратной упругой попки, затянутой в трусы-шортики, я думать забыл про еду. Обычно утром мне вообще не до чего не было дела, но сегодня без всякого спроса напряглось во мне всё то, что обычно в таких случаях напрягается.

Я тихо подошёл к Исиде сзади и нежно обнял её талию. Не хотелось мне её пугать, но Исида вздрогнула, резко отскочила в сторону и угрожающе наставила на меня ложку с кашей.

— Не смей меня трогать, — ледяным тоном дала она понять, что не в настроении играть в любовь.

Но я уже завёлся. Сделал шаг в её сторону, примирительно выставив руки вперёд. Губы растянулись в игровой улыбке.

— Да брось, никто не увидит. Давай по-быстренькому, — мой голос почему-то стал ниже обычного.

— Ты издеваешься? Сначала всю ночь шляешься не пойми где, возвращаешься изрезанный в решето и ничего не объясняешь. А теперь ко мне лезешь со своими потрахушками?

— Иси, ладно тебе, не злись. Мой косяк, не спорю, но я же извинился.

— Когда это?

— Ну, вот хотя бы сейчас. Прости меня, дурака, что решил пошляться где-то всю ночь напролёт и тебя не предупредил, — бегло проговорил я основные её претензии.

— И ты думаешь, этого достаточно?

Она смотрела на меня, как на идиота. Неужели я и впрямь настолько жутко выглядел тем утром, что на неё это произвело такое впечатление? Она прекрасно знала про мою способность к

регенерации, да и сегодня её совсем не удивило, что от ранений почти ничего не осталось. Откуда же тогда столько эмоций? Совсем на неё не похоже.

— Так скажи, что сделать? Ты же знаешь, малыш, я для тебя на всё готов, — не сдавался я.

Она промолчала, не найдя, что ответить, и я принял это за первый шаг мне навстречу. Прикоснулся к её руке и почувствовал, как она на секунду смягчилась. Всего на мгновение, отведя в сторону взгляд, и тут же загорелась с новой силой. Оттолкнула меня и строго потребовала:

— Ты знаешь, что мне надо. Или тебе каждый раз надо заново повторять? Откажись от этого дела, пока не поздно. Пока никого из вас… из нас не прибили.

Как же утомил меня этот разговор! Сколько раз ещё придётся выслушивать эти претензии? Как будто раньше мы никогда не рисковали, и только теперь наши жизни вдруг оказались под угрозой.

— Иси, хватит уже! — сорвался и я. — Ты прекрасно знаешь, что я не стану отказываться. Такие деньги мы никогда не видели. Мы же будем жить, как короли и ни в чём себе не отказывать. Ты разве не об этом мечтала?

— А если мы все погибнем? Ты об этом подумай. Просто, как по щелчку пальцев все сдохнем, и никто даже не вспомнит, что мы когда-то существовали!

— Глупости, ты просто сама себя накрутила. С чего бы нам умирать? Ну, ранят, может быть. Раньше проще, что ли, было?

— Да с того… — Исида осеклась на полуслове. Она прикрыла глаза ладонью и глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Помолчав немного она повторила попытку, но голос её, хриплый и слабый, всё же выдавал бурю, что бушевала внутри: — С того, что к этому всё идёт! Как же ты этого понять не можешь?

Она отняла ладонь от лица, и я увидел, как раскраснелись её глаза. Исида плакала. Быть такого не могло, и если бы мне кто-нибудь об этом сказал, я бы ни за что не поверил. Но я видел своими глазами, как две маленькие слезинки сбежали по её щекам.

Я мог бы сдаться, ведь именно этого хотела она, пустив в ход главное своё оружие. Но слишком уж надоел мне этот спор, слишком разгорячило её упрямство. И слёзы сработали совсем не так, как Исида ожидала.

— Что не понимаю? — повысив голос, потребовал я. — Только и слышу, что это опасно, что мы все умрём, а почему — ты толком объяснить не можешь. Заказчик связан с компанией, которая враждует с компанией, которую мы ограбим? Ну и что?

Они все там между собой либо связаны, либо враждуют. Это вообще не аргумент. А то, что меня порезали, сюда никаким боком не клеится. Просто случайность, которые на каждом шагу встречаются. Вокруг нас психов больше, чем тараканов в подвале, так что? Из дома не выходить?

— Открой глаза! Тебя используют в провокации, как презик, а потом тупо выкинут. Это настолько очевидно, что мне хочется треснуть тебя по голове чем-нибудь тяжёлым, если ты этого не видишь.

— С чего ты взяла, что это подстава? Я работал с этим челом два раза, и всё проходило без сучка без задоринки. Почему сейчас должно что-то поменяться?

— Да потому что раньше на кону не стояло ничего настолько важного!

— Да, деньги большие, но хороших исполнителей не станут убивать даже за такие деньжищи. Если что, они могут снова нас нанять. И вообще. Ты же сама сказала, что я босс, вот и вспоминай об этом почаще.

— Ты невыносим! — вскрикнула Исида, сжав зубы. Терпение её кончилось. Она швырнула ложку в сторону и не своим голосом заорала: — Не будут они больше нас нанимать! Убьют — и дело с концом! Не расстаются с такими вещами просто так! Понимаешь? Да ни хрена ты не понимаешь!

Она быстро взяла себя в руки и, повторяя раз за разом какой я идиот, выскочила из кухни. Я проследил за ней взглядом и моргнул, когда она с силой хлопнула дверью. Потом выключил убежавшую кашу и переложил остаток в тарелку. Война войной, а без завтрака никуда.

Уже пережёвывая кашу, я обдумывал, что вдруг такое случилось с Исидой? Хладнокровная, как змея, она всегда внушала уверенность. Её беззаботный звонкий голос во время операции, когда всё идёт из рук вон плохо, вселял надежду на успех, любая преграда, когда Исида была рядом, казалась пустяком. А теперь она, страшно подумать, плакала от страха?! Совершенно невозможно! Но так оно и было. И от этого лёгкий мандраж подкрадывался ко мне, метясь в горло.

Вдруг неожиданная догадка не позволила мне проглотить очередную ложку каши, и та встряла поперёк горла. Что, если Исида со мной не до конца честна? Что, если она скрывает нечто настолько важное, что расставило бы всё по полочкам? Я судорожно откашлялся, прочищая горло, попутно отгоняя крамольную мысль. Как я смогу ей доверять на деле, если буду подозревать по любому поводу? Нет, только не это. Исида рассказала всё и просто навыдумывала лишнего. Ни больше, ни

меньше.

После завтрака я отправился в кабинет. Пора было уже заняться планом. И так уже потратил впустую слишком много времени.

По пути наткнулся на Лу и Олега. Они на повышенных тонах спорили о том, кто съел всю конину. Обычная ссора из-за мелочи, которыми они заполняли всё свободное время. Если не считать того, что в этот раз виновником трагедии был я.

— Сколько тебе повторять, чтобы ты наконец понял, что к дряни этой я бы даже прикасаться не стал! — спрашивал Лу явно уже не в первый раз.

— Дрянь это твои киношки. А мясо моё не смей трогать, не то я из тебя отбивную сделаю и в холодильник засуну, — с пугающим спокойствием проговорил Олег.

— Попади сначала. Мышц гора, а скорость как у черепахи. Ешь всякую хрень, от которой даже кочевников воротит, вот и результат.

— Это натуральный продукт. По пятьсот рублей за килограмм, между прочим, отвалил. И питательных веществ там столько, что в тонне синтетики не найдёшь.

— По пятьсот? — присвистнул Лу. — Я бы и сотку за это не заплатил. Красная цена — рублей семьдесят. Тебя тупо облапошили, а ты, как Оля, и повёлся.

Удивился и я. Получалось, я за один присест съел две тысячи рублей, если не больше. Всё равно, что ценник средненького ресторана в Кремлин Дистрикт, вот только по вкусу до своей стоимости конина точно не дотягивала.

Пока никто меня не заметил, я поспешил дальше и спрятался за глухой дверью.

Мебели в кабинете было немного. Небольшой стол с удобным креслом, две видеопанели во всю стену, а всё остальное место я обычно использовал для голопроекций.

На одну из панелей я вывел карту города, на другую — карту воздушных дорог, открыл трёхмерную проекцию банка — все три этажа офисов и подземное хранилище — и окинул всё это внимательным взглядом.

— Ну и что у нас тут? — задумчиво спросил я самого себя и запустил на хэндфоне блокнот.

На схеме задача выглядела просто, но во время ограбления действуют совсем другие законы. Тем более во время такого сложного. Не отделение банка на окраине города грабануть. И это требовалось постоянно держать в голове. Когда я только делал первые шаги в этом бизнесе, лёгкость плана вводила в заблуждения и зачастую приводила к не самым приятным

последствиям, но теперь те времена уже давно в прошлом. На собственных ошибках я научился постоянно помнить, что события всегда развиваются не по плану.

— Начнём с самого начала. Исида из своего паучьего логова отключает охранную систему, врубает глушилку на полную мощность, чтобы никто не смог сообщить об ограблении. Воспользуемся глушилкой самого банка, чтобы не нагромождать трудностей. Затем разберёмся с охраной…

Первая проблема тут же выросла на пути. В зале обычно дежурил один охранник. При нём даже оружия часто не имелось, чтобы не пугать клиентов, да и одет он был в штатское. Сразу не приметишь. Зато на втором этаже есть хорошо вооружённые ребята, которые уже давно мечтают напичкать кого-нибудь пучками света из своих лазерных винтовок. И им надо очень вовремя крепко уснуть. Тут и сыграют главную партию Лу на пару с любовью архитекторов небоскрёбов к просторным вентиляционным шахтам. Коротышка пролезет в них без особых усилий и передаст подарочек в виде газовой шашки со снотворным.

Потом вступаем в дело мы с Олегом и Саня с Ваней Курносовы. Врываемся в зал, баррикадируемся и нейтрализуем охранника. Лу присоединиться к нам, когда убедится, что тыл безопасен.

Следующий шаг. Чтобы попасть в хранилище, нужен администратор. Чем быстрее он перестанет играть в героя, тем лучше для нас. Значит, нужен мощный рычаг. Например, фото его детей, которые якобы в наших руках. Вряд ли он сможет усомниться в этом, когда на него будет направлено дуло автомата.

И в заключении, самая важная часть всей задумки — сбежать и остаться в живых. От банка потребуется уезжать на просторной машине, да ещё и погрузиться надо. Полтонны — слишком много, чтобы просто так закинуть в рюкзак и побежать. Постараемся унести как можно больше, но в идеале перегрузить всё в машину и смыться. То есть тачку придётся укрепить, а во время ограбления подогнать к самому входу. Благо при желании это сделать не сложно.

Что же до смены автомобилей, то мне пришлось хорошенько изучить карту, прежде чем найти две подходящие точки. В одной уйдём мы с Лу, пересев на машину поманёвреннее. Тут, кстати, понадобится посадить за руль Даню Курносова, чтобы долго не копаться.

Олег, Валя и остальные Курносовы проедут ещё с десяток кварталов, сожгут машину на уютной складской парковке возле

заброшенной перегрузочной станции, а оттуда уже до границы города рукой подать. Главное, чтобы Валя не принялся строить из себя обиженку. Я, конечно, погорячился позавчера и наговорил лишнего, но ведь можно сделать скидку на то, в каком я был состоянии.

Прошло около восьми часов, когда все мои наброски и задумки, наконец, обрели чёткость. Теперь можно было и с ребятами обсудить. Я отправил сообщение Дане Курносову с просьбой подъехать, а пока он добирался, собрал всех, кто был в бункере, и подробно рассказал, что и как им предстоит сделать.

Исида и Валя слушали меня, не задавая вопросов, а когда я закончил, молча развернулись и ушли.

— Что это с ними? — удивился Олег. — Критические дни начались сразу у обоих?

— Конину твою не поделили, — тут же предположил Лу.

— Не, малой. Ты свои косяки на ребят не сваливай. Я то тебя как облупленного вижу.

— Опять начинаешь? Ты серьёзно?

— Более чем.

— Ой, да иди лесом, короче.

— Опять лесом. Уже другие направления придумайте наконец, а то я в лес хожу, как к себе домой.

— У вас вопросы есть? — прервал я их душевное общение.

— Только один. Когда начинаем? — спросил Олег со всей легкомысленностью, на какую был способен.

— Нужно купить три тачки, — на хэндфоне высветилось сообщение, и я мельком его прочитал. — Кстати, Даня у ворот, можешь ему открыть?

— Легко.

Олег ушёл, оставив нас с Лу наедине. Тот сразу сбросил с себя маску человека, обречённого терпеть дураков, и серьёзно спросил:

— Что с Валей и Иси? Они второй день молчат, как рыбы.

— Мой промах. Не бери в голову. Просто поругались немного.

— Твой промах или нет, но я не хочу, чтобы с таким настроем они мне спину прикрывали. Если Олегу очередная дырка по ориентации только в радость, то мне она совсем ни к чему.

— Ты ведь понимаешь, что Олег тебя не слышит?

— Не важно, — небрежно отмахнулся Лу. — Он и без меня это знает.

Я терпеть не мог, когда они пытались втянуть меня в свою вечную перебранку. Наблюдать её со стороны было иногда забавно, но участвовать — совсем другое дело. И сам в грязи

изваляешься, и друзей замажешь.

— Я не сомневаюсь ни в Исиде, ни в Вале. Разве хоть раз они давали повод им не доверять? — спросил я в ответ, глядя Лу прямо в глаза.

Тот смутился и неуверенно произнёс:

— Нет. Но всё когда-то бывает впервые.

— Не у них. Точка.

Лу хотел сказать ещё что-то, но сдержался. А через минуту в кабинет вошёл Даня. Рослый малый с открытым светлым лицом, чистыми голубыми и слегка осоловевшими глазами, выдающими его необузданный нрав. Не меньше глаз о его характере говорил и нос картошкой, не раз сломанный и даже как будто пожёванный.

В отличии от своих братьев, Даня умел очень неплохо водить, причём делал это тем лучше, чем больше градусов было в его крови. Не тот человек, которого стоит ставить на первый этап, но закрепить успех Вали ему не составит труда.

И это не говоря о том, что у Дани всегда был на примете человек, который мог продать автомобили без регистрации.

Я вкратце объяснил ему, его задачу. Большего и не требовалось. Всё, что предстояло сделать Дане, это дождаться нас в нужном месте и в нужное время завести автомобиль. А после разъяснений я переключился на куда более важный вопрос:

— Твой свояк ещё занимается тачками? — поинтересовался я о том жизнерадостном мужичке, который последние четыре раза снабжал нас транспортом.

— Занимается, что с ним станется? Только в этот раз давай мы за тачками к другому человечку заедем? Помнишь моего кума Ваську Лысого? Ну, который Настин батя. Так вот, троюродный брат его тестя выдаёт замуж дочку. Не ту, что Маринка. Эту даже чёрт рогатый под венец бы не повёл. Я про Катюшку говорю, которая ещё в прошлом году с Петрухой жестянщиком мутила, пока тот с Любкой от неё не сбежал. Ну, ты помнишь…

— Не помню я ничего! Отстань! — взмолился я. Даня мог своих родных и близких перечислять часами и превратить это в мыльную оперу не хуже тех, что днём по телевизору крутят. — Говори, куда ехать и избавь меня от подробностей из жизни Курносовых.

— Он не Курносов, а Зацепин. Говорю же, троюродный брат тестя…

— Не начинай даже. Предупреди его, что мы приедем. Сегодня… Нет, уже поздно. Давай завтра, ближе к вечеру.

— Отлично. Любка обрадуется, — улыбнулся Даня.

— Которая с Петрухой сбежала? — уточнил я и тут же пожалел.

— Да не, то была жена Ромика Вялого, который ещё в прошлом году обрез у Фомича стырил по пьяной лавочке…

Глава 9

Знакомый, о котором говорил Даня, жил на стоянке кочевников в восьмидесяти километрах от нашей базы. Не особо далеко, но между нами стелилась дикая местность, и там могло произойти всё, что угодно. Для собственного спокойствия проще было взять с собой оружие.

— Если я ещё раз услышу про это грёбанное мясо, я сорвусь и кого-нибудь кончу, — заявил Лу, напрашиваясь с нами в дорогу.

Олег услышал из соседней комнаты и тут же отреагировал:

— Кого ты там кончать собрался, малой? Прекрати онанизмом заниматься! На полный желудок это вредно.

— Ну, ты слышал? Слышал? — вспыхнул Лу. — У него там охлаждённая конина в черепушке вместо мозгов.

Так и получилось, что в не самый просторный внедорожник влезли мы все впятером. Курносовы заняли заднее сидение и долго ныли до ужаса похожими голосами, как им тесно. Зато Лу на переднем пассажирском чувствовал себя превосходно. Развалился по-царски и лениво огрызался на все претензии.

Мы отправились вскачь по кочкам, в которые превратились дороги. За десятки лет запустения от них почти всюду остались лишь направления, и то не всегда очевидные. По этой банальной причине навигатор в Рассее был штукой едва ли не самой бесполезной, и приходилось ориентироваться по туче смога, зависшей над Моссити и в ясный день заметной за сотню километров.

Рассею запросто можно было назвать музеем истории. Здесь, переезжая от города к городу, от деревни к деревне, легко и наглядно прослеживалось превращение Российской Федерации в Федерацию Независимых Конгломераций. Первые поселения, павшие перед катком уплотнения, уже почти превратились в пыль, и едва различались очертания разваленных построек. Невысокие многоквартирные дома и частные домишки с небольшими двориками. Такие же низкие двух- или трёхэтажные здания школ и магазинов. Всё уютно, во всём душа человеческая чувствовалась… когда-то. Здесь уже давно не было ничего ценного. Всё вынесли и вычистили, разобрали по винтикам то, что могло пригодиться в быту. А остальное постепенно покрывалось землёй, зарастало молодым лесом, утопало под новыми озёрами.

Дальше шли города гораздо плотнее, где многоквартирным домам уже напрашивалось название «человейники». Всё выше, всё плотнее, и если бы не нахально пробившаяся сквозь асфальт

зелень, они бы казались картонным макетом. Выросшим до невообразимых размеров, но всё же оставшихся безжизненными. В таких местах любили обживаться гопстеры, так что их мы объезжали стороной.

И, наконец, последний шаг перед завершением уплотнения — огромный комплекс на пять тысяч квартир. Вернее, крошечных коморок, отделённых друг от друга тонкими перегородками. Здесь не было больше ничего, ни одного здания, лишь длинная, закрученная внутрь, будто раковина, и поделённая на подъезды, лента жилищного комплекса. Вся эта махина была построена за рекордные два года и так стремительно обветшала, что теперь сюда боялись соваться даже самые отчаянные мародёры. Многие секции остались лишь каркасом из стен, а перекрытия обвалились и заняли первые несколько этажей ровными штабелями бетонных плит. А два подъезда и вовсе обвалились целиком, рассыпав по округе тонны мусора.

Такой была Рассея всегда, сколько я её знал, разве что со временем природа стала наглее и жарче, подобралась молоденькими берёзками и осинами уже совсем близко к опустевшим человеческим жилищам, а то и в них самих проросла. Изредка мне попадались на глаза фотографии и видеозаписи здешних мест столетней давности. Разглядывая их, даже не верилось, что дикая пустошь когда-то была населённой, живой. Это казалось просто невозможным. Нынешние жители городов слишком боялись открытых пространств, а отсутствие камер на каждом углу их и вовсе привело бы в замешательство. Они бы не сдвинулись с места, потому что не понимали бы, что им можно, а что нельзя.

Впрочем, мне больше нравилось нынешнее положение вещей. Я не видел смысла в широком расселении. К чему все эти пространства между крохотными городками, которые могли целиком поместиться в один жилой комплекс? К чему хилые домишки, спрятавшиеся за хлипкими заборами? Беззащитность и постоянное ожидание нападения — вот что я видел в каком-нибудь гиде по «Золотому Кольцу» от 2015 года. Или просто я слишком привык, что в Рассее сплошная опасность, куда ни глянь?

Несколько раз мы замечали вдалеке машины с длинным пыльным следом и тогда старались увеличить дистанцию. Главное правило Рассеи — здесь нельзя встретить людей с добрыми намерениями, а значит, лучше не испытывать нервы друг друга на прочность.

Дорога стала ровнее, когда мы выехали на бетонку. На братьев это подействовало моментально, и они принялись

наперебой рассказывать всё подряд, причём обращаясь ни к кому конкретно и ко всем сразу. Я даже не успевал понять, кто из них говорит: Даня, Ваня или Саня. Чаще их речь напоминала спор чудака с самим собой.

— Старик Митрич-то хорош! Катьке своей муженька доброго подобрал. Такой и в обиду её не даст, и в кулаке особо не зажмёт.

— Почему доброго? Совсем обычного. Выпить, правда, не любитель, но это сейчас Катюха махом вылечит. А в остальном — мужик как мужик.

— Чёй-то не любитель он выпить? Мы с ним на эту масленицу хорошенько так погудели. Митричу даже пришлось с ружьишкой в амбаре дежурить, чтоб мы его брагу с концами не вылакали.

— На масленицу? А я где был? На крещенье, помню, в проруби на спор плавали…

— Да ладно брехать-то! В проруби… Десять градусов тепла было, вы где прорубь-то отыскали? Небось, с ванной перепутали.

— И прорубь была, и крест был. А ты, ежели не знаешь, то лучше помалкивай.

Так они и болтали до той самой минуты, пока не показался бетонный забор старого подшипникового завода. Кочевники любили такие стоянки, потому как и защита вокруг имелась, и крыша над головой. Да и скоту место найти не проблема. Территория обычно охватывала внушительные пустые участки земли, на которых деятельные поселенцы в первые же дни строили избы, где жить было куда приятнее, чем среди голых бетонных стен, и распахивали поле под посадки. Всего через пару месяцев стоянка превращалась в обжитую деревеньку, а через год-другой и вовсе казалось, что по-другому и не было никогда. Всё при хозяйстве, всё помыто и прибрано.

Но именно в тот момент, когда деревенька прекращала отстраиваться и принималась жить неспешной сельской жизнью, появлялись гопстеры. Такие стоянки были для них самым лакомым кусочком: и еды вдоволь, и жильё добротное, и остальных припасов столько, что глаза разбегаются. Тогда они и нападали. С яростью, будто возвращали своё, выбивали кочевников. А если не получалось взять стоянку с налёта, могли и осадить, как в фильмах про средневековье.

Стоянка, куда приехали мы за машинами, была не старше полугода. Что-то где-то ещё достраивалось, но в целом избы уже расположились по территории завода, выросли хлев и склад, церквушка.

На КПП нас встретили трое крепких бородатых мужчин с автоматами. Я и объяснить не успел, кто мы и чего нам надо, как

они взяли нас на прицел. Может быть, и огонь бы открыли, но Ваня Курносов высунулся из окна и весело прокричал:

— Тёмыч, Серый, Василь Петрович, да вы чего, братцы? Не признали? Свои же, ну.

Дозорные мгновенно подобрели, опустили оружие и подняли шлагбаум. Ваня и Даня покинули машину, решив немного поболтать со старыми приятелями, а Саня остался, чтобы указать дорогу.

Я редко заезжал к кочевникам, но каждый раз поражался, насколько непохожи они на жителей Моссити. Они старались держаться тех традиций, по которым жили многие поколения их предков. Все мужчины носили густые бороды, одевались в косоворотки и в целом, за редким исключением, были широкоплечими богатырями. Говорить они тихо не умели, но эмоции перед чужаками старались не демонстрировать. А со своими были искренними, что дети. Смеялись от души и так же от души били в морду.

Женщины же вели себя скромно, по крайней мере, на людях. Прятали тела под бесформенными, хоть и цветастыми платьями, волосы покрывали платками и не позволяли ни одной пряди выбиться наружу, а глаз своих вечно кроткий взгляд устремляли в пол и редко могли набраться смелости, чтобы посмотреть на собеседника. Впрочем, из всех тех историй, что слышал я от Курносовых, я мог с уверенностью сказать, что такими женщины кочевников были только перед чужаками. В остальном же и любили, как все, и глупости совершали не реже.

Эта стоянка не была исключением. Каждый житель чем-то занимался: то дрова рубил, то со скотиной возился, чинил вещи, ремонтировал постройки. И мало кто находил свободную минуту, чтобы проводить наш автомобиль взглядом.

— Сюда, — указал Саня на небольшую парковку, где в ряд выстроилось полтора десятка машин, начиная с грузовиков и заканчивая немощными малолитражками, которым лет сорок уже место было на свалке.

Я остановил внедорожник на краю парковки и выскользнул под палящее солнце. Тут же к нам подошли четверо человек во главе с коренастым седым мужчиной. На вид ему по нынешним меркам было лет сто, если не больше, хотя на самом деле вряд ли давно перевалило за пятьдесят. Лицо уже изрыли глубокие борозды морщин, но голубые глаза горели ещё мощной неиссякаемой энергией. Не требовалось обладать дипломом психолога, чтобы понять: этот человек не полезет за словом в карман и с одинаковой лёгкостью может стать как преданным другом, так и заклятым врагом.

— Здравствуйте, гости дорогие, — громко приветствовал он нас, раскрывая объятия.

Первым к нему шагнул Саня, и они обнялись так крепко, что мне показалось, будто у обоих захрустели кости.

— Митрич! Сколько лет, сколько зим?

Затем подошёл и наш черёд. Неважно было, знакомы мы или нет, обряд приветствия исполнить полагалось как следует, иначе сделка будет мучительно напряжённой.

— Какие тачки мы покупаем? — спросил я, пообнимавшись со всеми.

— Не торопись, касатик, — весело прогудел Митрич. — За всегда успеется. А для начала надо бы знакомство обмыть.

Возражать я не стал, да и не хотел. Выпить после дороги — милое дело. А на ночь мы и так останемся, это было понятно, уже когда речь зашла про кочевников. Любят они все сделки так отмечать, что потом бодун ещё неделю мучает.

Митрич провёл нас к накрытому столу, ломящемуся от закусок. Чуть в стороне на очаге жарился шашлык. Аромат его даже у сытого пробудил бы аппетит, что уж говорить про нас. Остатки обеда растряслись ещё на подъезде, так что теперь слюнок набрался полный рот.

— Жаль, тут баньку не затопить, — будто извиняясь, признался Митрич. — На стоянке в прошлом году такая была банька — сплошное загляденье. И речушка рядом такая чистая, что дно видать. Эх. Кабы не гопстеры, черти немытые, так бы там и осели.

Он на мгновение запнулся, задумался, глядя куда-то вдаль, но быстро опомнился и лёгким движением руки пригласил нас садиться.

Мы устроились поудобнее и принялись накладывать себе угощений. Немного сальца и зелени, гренок чесночных, солонины и овощей, поджаренных на огне. Всего по чуть-чуть, а набралась целая тарелка.

Митрич тем временем наполнил до краёв рюмки.

Самогонка его уже на вид казалась куда лучше всего того, чем обычно балуются кочевники. Кристально чистая, с приятным фруктовым ароматом. На такую и смотреть приятно, и пригубить не страшно.

— Ну-с, за знакомство! — объявил старик.

Чокнулись, выпили. Вкуса алкоголя я не почувствовал, да и голова не особо подурнела. Будто и не самогонку я выпил, а что-то несравнимо лучшее. А уж когда закусил тонким ломтиком подперченного сальца с корочкой свежего чёрного хлеба, так и вовсе душа моя расцвела.

— Между первой и второй, как говорится, — напомнил Митрич о ещё одной традиции и по новой наполнил рюмки.

Выпили и во второй раз. Закусили солониной.

Незаметно всё же туман окутывал моё сознание, и настроение поднималось неизвестно почему. Может, солнце сегодня светило по-особому, или компания подобралась душевная. Не знаю. Но когда перед нами на столе появилась гора пышущих жаром кусков мяса с румяной корочкой, стало вдруг совсем хорошо.

Мы ели и пили, говорили о разном, не замечая времени. И когда солнце коснулось горизонта, все вместе запели хорошо нам известную песню. Так странно это было. Два разных мира — кочевники и городские. Но как мы были похожи в этот момент.

Наверное, о том же подумал и Митрич. Он как-то вдруг погрустнел, разглядывая опустевшую рюмку, и внезапно протянул «Чёрный ворон, что ж ты вьёшься…». Этот мотив подхватили немногие, но я был одним из них. Я понял, что хотел сказать старик и на что не хватило ему слов. И согласился с ним.

Уже в сумерках начались танцы. Три седых старика притащили балалайки. Я не знал, что это за треугольные штуки, но один из кочевников мне объяснил. А на вопрос, чем их не устраивают электронные носители, он сказал, что в них души нет.

В пляс пустились и женщины, которых я до сих пор поблизости не замечал, и мужчины, сидевшие за столом. Курносовы, само собой, не смогли удержаться. Даже Лу, заметно окосевший, и тот пытался что-то изобразить.

Только я и Митрич остались сидеть, не поддавшись азарту музыки.

— Вы, молодые, хорошие ребята, да только дурные все, — произнёс старый кочевник ни с того ни с сего, словно продолжив размышления вслух.

— Это почему это? — спросил я заплетающимся языком.

Митрич нацедил ещё по рюмке и только потом пояснил:

— А ты сам посмотри, до чего страну довели. Всё в руинах, государства и нет почти. Ты хоть помнишь, кто нынче президент? Кому за всё это отвечать-то? Вот при Ковалёве такого не было. Последний был хороший мужик, да и того прибыли.

Он говорил про предпоследнего президента Российской Федерации. Тот правил ещё до моего рождения и в школьных учебниках остался жутким тираном и фанатичным консерватором. Наверное, любил консервы и питался одной тушёнкой. Ещё писали, что он погиб во время визита на оружейный завод, когда на одном из станков случайно и поразительно точно выстрелил новенький незаряженный

пистолет. В любом случае, я был невероятно далёк и от истории, и от политики, о чём и заявил:

— Какая разница? Уже той страны нет и никогда не будет.

— Нет, потому что такие, как вы, к власти пришли. Мне ещё прадед рассказывал, как у него на глазах страна чуть совсем не ёкнулась. Но тогда хоть противник был. А вы чего? Сами всё поломали. Просто так.

— Я ничего не ломал… — попытался парировать я.

Но старика уже несло:

— Это ж надо такое! Конгломерациями им, оказывается, проще управлять. А людей спросить забыли? Реформаторы хреновы. Понаприглашали всяких помошничков американских, которых на родине уже видеть не могли, и вот вам, пожалуйста.

— Я даже не понимаю, о чём ты вообще говоришь?

— А всё о том же. В восьмидесятых Америка рассыпаться начала, а вам вдруг, прогрессивным идиотам, показалось, что хорошо бы их систему скопировать. Ничему история не учит. И слова ещё какие выдумали: опциональный менеджмент. Русского языка им мало! Тьфу! За океаном уж, небось, все за голову взялись, да зажили по-христиански, а вы, дурни, как всегда. То, от чего те отказались, вы всё догоняете.

— В Америке, если ты не слышал, сейчас коми у власти. Ты этого, что ли, хочешь?

— А по мне уж лучше коми, чем так. Я в вашем городе был разок, поосмотрелся вдоволь. И что? Не наши вы, чужие. Нет в вас ни души, ни разума. Суетитесь ради лишнего рублика, друг друга заживо заморить готовы. Даже дружить вы умеете только ради выгоды, — меня слегка коробило, с какой лёгкостью делил он всех на «они» и «мы». Казалось, люди из Моссити, до которого было рукой подать, Митричу были не ближе, чем какие-нибудь американцы или австралийцы. Наконец старик замолчал, задумался, разглядывая свои мозолистые руки, и тихо заключил: — Нет больше России. Кончилась.

— Рассеи? — не понял я слова, которое слышал в последний раз лет двадцать назад. Грозное слово, могучее. В нём была какая-то сила, которую стыдливо прятали за насмешливым «Рассея». Ирония, ставшая привычкой.

— Да ну тебя, всё равно тебе ничего не докажешь. Давай лучше выпьем за встречу.

Митрич был прав. Я действительно так и не уловил смысла всего им сказанного. Может, он просто выговориться хотел, а алкоголь развязал язык. В любом случае, его желанию сменить тему я обрадовался и быстро согласился, пока старик не передумал:

— В четвёртый раз? Это можно.

Глава 10

Я выпил ещё стакан и понял, что больше сидеть в стороне мочи нет. Ноги всё охотнее отбивали ритм музыки и в конце концов, сами вынесли меня в самую гущу танца. Рассудок помутился сразу, как только я встал, и всё, что происходило дальше, стало отрывистыми и очень стыдными воспоминаниями. Я к кому-то приставал, гдето падал, потом меня кто-то поднимал, наливал и всё по новой, пока голова не отключилась вовсе.

А проснулся я с утра без особой головной боли, но с совершенно пересохшим горлом. Осмотрелся, тщетно пытаясь понять, где нахожусь. Какая-то тёмная комната, вместо кровати раскладушка, а вместо окна — щели в заколоченных рамах, через которые тонкими лучами пробивался утренний свет.

Кроме меня здесь лежало ещё три человека. Им не досталось даже раскладушки, так что расположились они на куче тряпья. По храпу я распознал в них Курносовых. Хорошенькое трио у них получалось, забористое, аж пол подрагивал. Удивительно, что я вообще смог спать рядом с таким оркестром.

Не хватало только Лу, а куда он делся и почему оторвался от коллектива, я не имел ни малейшего понятия. Вспомнить это было задачей невыполнимой, а спросить некого. Да и нечем. Голос не слушался, выбираясь из глотки натужными хрипами.

Я кое-как сел и задел ногой на полу возле раскладушки что-то тяжёлое и булькающее. Посмотрел с надеждой вниз и обрадовался, как ребёнок, когда увидел бутыль, полную чистой воды. Не долго думая, я скинул с неё крышку и припал к горлышку, жадно лакая крупными глотками. Давно я не пил такой вкусной воды. По-первой и вовсе показалось, что она сладкая, но даже когда я понял, что ошибся, не разочаровался ни капли.

Напившись вдоволь, я вернул заметно полегчавшую бутыль на пол и протёр рукавом губы. Самочувствие заметно улучшилось, а вместе с тем поднялось и настроение. Теперь оставалось дело за малым: понять, купил ли я в итоге машины или нет.

С этим вопросом я толкнул крайнего из Курносовых. Кто именно это был — не знаю, да и значения это не имело. Курносов дёрнулся, поднял голову и посмотрел на меня маленькими заплывшими глазками. Вернее, хотел посмотреть, но взгляд его блуждал вокруг меня и никак не мог сфокусироваться.

— Живой? — спросил я.

Курносов неуверенно кивнул.

— Где Лу, знаешь?

Близнец долго молчал, словно пытаясь понять, что я такое спросил интересное, а потом сдался и уронил голову. Снова захрапел.

На этот раз я пнул его посильнее. Курносов хрюкнул, уставился на меня, будто мы только что не разговаривали, да и в целом виделись в последний раз год назад.

— Мы машины в итоге купили или нет? — зашёл я с другой стороны.

На этот раз ответ я всё же получил, пусть и не тот, на который рассчитывал:

— Не знаю.

— Где Лу ты, видимо, тоже не осведомлён?

Курносов кивнул, вряд ли до конца поняв, что я спрашивал.

— Плохо тебе, да?

И снова кивок в ответ.

— Там вода есть, если хочешь. Только ребятам оставь, — указал я в сторону бутылки.

Только теперь я увидел, что Курносов не разучился понимать человеческую речь. Он свирепо заёрзал, борясь с онемевшим телом, свалился на пол и, перевернувшись на пузо, плашмя пополз к бутылке.

Мешать ему я не стал. Захотелось поскорее выйти на свежий воздух и поискать, где умыться, чтобы окончательно проснуться.

Дверь, которую я нашёл наощупь, поддалась со скрипом, и тут же яркий свет ослепил меня, пронзив заодно и черепную коробку острой болью. Будто прямиком через глаза проникли два шила до самого мозжечка. Непередоваемое ощущение, которого от городской выпивки не дождёшься. Взбодрило так, что все остатки сонливости мигом испарились.

Утро ещё только начиналось. Свежесть ночи баловала приятной прохладой, а первые солнечные лучи уже робко скользили по земле и не выжигали ещё нестерпимым зноем. Птицы чирикали что-то мелодичное, возможно, даже из Чайковского, а работящие кочевники уже начинали трудиться, словно накануне никакой гулянки не было и в помине.

Я прошёлся по стоянке и удивлялся, как хорошо и быстро убрали последствия попойки. Или я просто не заметил, что никто особо и не мусорил? В любом случае, порядок был восстановлен полностью.

Возле одной из построек я заметил Митрича, который вовсю раздавал указания и гневно жестикулировал. Без слов было очевидно, что настроение у него прескверное.

Пока он не остался один, я так и топтался в стороне, следил

за ним, словно заворожённый. Столько энергии в каждом движении, в каждом слове никогда не доводилось мне видеть у жителей Моссити. Там люди скупятся тратить силы на обыкновенные движения и в результате кажутся либо вялыми и аппатичными, либо мельтешат перед глазами, как сбоящая голограмма.

— Ну что, гости добрые? — через силу изобразил Митрич улыбку, когда я подошёл. — Как ночка? Как здоровьице?

— Неплохо, неплохо. Я только мало чего помню из вчерашнего, а так неплохо, — признался я.

— Так и выпили мы немало. Не думал я, что ты потянешь, а тут взял и меня перепил. А ведь самогоночка у меня знатная, редкого богатыря наповал не выбьет. Давненько я такого не видел, чтобы городского не уложила на десятой чеканке.

Я развёл руки, мол, сам не знаю, как это получилось, а потом спросил о деле, с которым и приехал.

— Что у нас с машинами? Ничего не помню, мы в итоге их купили? Или так до этого и не дошло?

— Не дошло, — рассмеялся Митрич. — Другими важными делами занимались. Пойдём, я тебе ключи отдам.

— Сколько с меня? По пятьдесят штук за каждую, как договаривались?

— Как-то так, да.

Он провёл меня к будке у парковки, где когда-то в незапамятные времена сидел охранник, вытащил из тумбочки три ключа и передал мне.

Пока я сходил к своему внедорожнику за деньгами, пока рассчитался с кочевником и осмотрел приобретённые машины, к нам подтянулась вся троица Курносовых. Как они похмелялись, оставалось только догадываться, но всё же теперь чуть больше напоминали живых людей.

А вот Лу по-прежнему где-то пропадал. Это уже и Курносовы начали замечать, хотя им, в отличие от меня, вряд ли особо хотелось поскорее покинуть стоянку.

Даже Митрич в итоге заподозрил неладное и спросил:

— А где этот ваш парнишка? Низенький такой, щупленький. На пацанёнка похож, но только до горькой горазд.

— Наверное, спит где-нибудь в кустах и в ус не дует, — предположил один из близнецов.

— Найти бы его, а то так до завтра проспать может, — размышлял я вслух.

Вот только где его искать? Хорошо, если он ещё был на стоянке. А ведь могла нелёгкая и в Рассею унести. И где там искать его на пару с ветром?

Редко, когда тайна раскрывается сама, почти сразу после своего появления, но сегодня нам повезло. Из-за угла здания завода раздались выстрелы, за ними прозвучала длинная тирада отборной брани, сдобренная благим матом, и, наконец, появился Лу.

Он выбежал в одних трусах, с футболкой, одетой лишь на шею. Нёсся сломя голову к нам, перепрыгивая через все препятствия, что подворачивались под ноги, и во всё горло верещал что-то вроде:

— Заводи тачку! А то нам хана! Валим отсюда!

Я отступил к внедорожнику. Пока Митрич соображал, что происходит, бросил Курносовым ключи от приобретённых машин.

Ни им, ни мне не надо было разжёвывать слово «Валим». Его не используют просто так, а причину безопаснее выяснять после.

Внедорожник заурчал, чуть только я провернул ключ, а затем с визгом покрышек сорвался с места и устремился наперерез Лу. Затормозил всего на секунду, чтобы тот успел забраться в салон через окно, а затем с новой силой утопил педаль акселератора в пол.

— Гони, гони, гони! — закричал Лу мне на ухо.

Вслед нам раздалось несколько выстрелов. Один даже попал в боковое зеркало и разнёс его в щепки, но ничего важного, к счастью, не задел.

Курносовы тоже не тормозили. Они выстроились за мной и не отставали, насколько бы я резко не поворачивал. Пришлось нам покрутиться по территории завода, прежде чем найти КПП.

Шлагбаум я протаранил на всём ходу. Решил не тратить время на просьбы его поднять, догадываясь, что ответ всё равно будет отрицательным. А дальше по Рассеи уже можно было ехать куда угодно. Главное — не перевернуться по пути на кочке и не потерять колесо на выбоине.

Кочевники не сдавались. Бросились в погоню на пяти машинах и щедро поливали свинцом из древних винтовок и автоматов. Пронзительно свистели, что-то кричали и в целом вели себя ничуть не лучше гопстеров. Дикари.

Лу кое-как справился с футболкой и потянулся на заднее сидение за автоматом.

— Сейчас я им покажу…

— Не смей по ним стрелять, — остановил его я.

— Чего-чего? — удивился коротышка и уставился на меня с таким видом, будто я вдруг на суахили с ним заговорил.

— Тебе врагов не хватает? Если кого-нибудь убьёшь, они тебе этого не забудут.

— А им нас убивать можно, получается?

— Перебесятся и остынут.

Я прекрасно понимал, что кочевники не сошли с ума, и никакая муха их никуда не кусала. Была какая-то причина у их внезапной вспышки ярости, но этот вопрос я решил оставить на тот момент, когда мы вернёмся на базу. А пока мы неслись на всех скоростях, и пули спешили нам вслед.

Кочевники долго и упорно следовали за нами. Километров тридцать. Но понемногу всё-таки начали отставать. В итоге погоня прекратилась, когда их машины пылили уже где-то на горизонте. Тогда и мы сбавили ход и неспешно проехали остаток пути.

Уже на базе, остановившись в гараже, я задал Лу тот вопрос, что мучил меня всё это время:

— И что это такое было?

— Ну, как получилось, — пожал тот плечами. Строил из себя невинного ангелочка с каменным лицом. Самая неправдоподобная роль в его репертуаре.

— Что произошло?

— Я тебе говорил когда-нибудь, что алкоголь на меня плохо влияет? Нет? Ну вот. Говорю.

— Ты кого-то избил?

— Ну… В каком-то смысле да. Можно и так сказать.

— Прекращай дурака валять и говори прямо.

— Ты же помнишь, что у этого Митрича дочь замуж собралась?

— И?

— По-моему, я опередил её жениха с первой брачной ночью, — скромно пробурчал Лу, будто надеясь, что я не услышу.

Но прозвучало это оглушительно громко. Из всех возможных вариантов он выбрал самый поганый — совратить дочь старейшины кочевников накануне свадьбы. Даже если бы его жену в постель затащил, всё было бы куда проще.

— Ты серьёзно? — готов был взорваться я от возмущения. — Дочку Митрича трахнул? Никого другого выбрать не мог?

— Она сама виновата. Я говорил, что не умею останавливаться. А ей всё «поцелуй» да «поцелуй». Ну вот я и поцеловал. Сначала в щёку, потом в одни губы, потом в другие. Потом всё, как в тумане. Ты ведь знаешь, как это бывает.

— Я даже спрашивать не хочу, как ты от поцелуев довёл несчастную девушку до постели.

— Алкоголь на меня плохо влияет. Я как-то промахнулся и вместо стакана её ухватил, а дальше само пошло.

— Мне интересно, что бы твой любимый Брюс Ли на это сказал?

Лу подумал с минуту и просто ответил:

— Похвалил бы, наверное.

«Почему меня окружают сплошные идиоты?» — хотел спросить я, но всё-таки сдержался.

Я бы не удивился ни на секунду, если бы нечто подобное учудил Валя или Олег, но от Лу ничего такого я не ожидал. Как дети малые, честное слово. Может, не так уж Исида и неправа, хоть и не в том, о чём твердит, не умолкая? Не слишком ли ответственное задание я взял?

Полтонны золота. Такой куш порождает легенды. Я слышал всего с десяток историй, когда мои коллеги по опасному бизнесу пытались взять такой навар, и лишь пара из них закончились удачей. Будет великим позором, если мы провалимся из-за мелочи вроде сегодняшнего приключения. Впрочем, краснеть, если что, мне придётся уже на том свете.

Глава 11

Обида Исиды не давала мне покоя. Я не собирался извиняться, потому как виноватым себя не считал, но вот сбавить накал очень хотелось. Иначе каждую свободную минуту только и думал, что о её словах, а перед глазами видел её слёзы, сбегающие по щекам. Самое мощное оружие применила. Знала ведь, куда бить.

Курносовы отправились в Моссити сразу после нашего возвращения на базу. Сказали, что там ещё кальян, наверное, не остыл. А Лу, как ни в чём не бывало, уселся смотреть «Пьяный мастер» и больше ничего вокруг не замечал.

Ещё я хотел, чтобы Валя осмотрел новые машины и указал, что надо исправить, а что улучшить. Но я обошёл весь бункер и нигде его не нашёл. Только наткнулся на Олега, который при моём появление резко спрятал за спиной толстенький томик хентай манги. Стеснялся.

— Где наш Казанова, ты не видел? Вроде он никуда не собирался сегодня, но я весь бункер обошёл, но его нигде нет, — спросил я, сделав вид, будто ничего не заметил.

— Валя упорхнул к своей фее на крыльях любви, — мечтательно протянул Олег.

«Опять отправился искать в помойке приключения на свою задницу!» — устало подумал я.

И сказал:

— Очень вовремя. Там машины надо посмотреть, а он в любовь опять играет.

— Сердцу не прикажешь.

— А ты чего такой?

— Какой?

— Романтичный, аж сопли потекли. Не заболел, случаем?

— Просто замечтался немного.

— О чём это? — усмехнулся я, представив, сколько пошлости с тентаклями было в его голове минуту назад.

— Да вот, прикинул, на что деньги потрачу.

— Очень интересно. И на что же? Второй глаз установишь?

— И это тоже. А вообще я остров в океане решил купить и десяток андроидов с обликом Кейси Ван, Санни Пипи, Лучезарной Вэнди… Ну, там целый список, короче.

Он избавил меня от перечисления медийных красоток, назвав только певицу, актрису и нейромодель, прославившуюся короткими роликами полного погружения на грани с порнографией. Не сложно было предположить, что и остальные

были из той же оперы. Андроиды с их внешностью пользовались особым спросом, но и стоили при этом целое состояние. Самый простой способ распрощаться с десятком миллионов, не выходя из дома.

— И надолго тебя хватит? Мне бы такое за год-другой уже надоело.

— Когда надоест, продам. Я как-то видел на аукционе Лину Делон, прошедшую через полсотни владельцев за год.

— Жуть, не говори мне больше ничего.

— У них же самоочистка есть…

— А остров какой? Ты уже выбрал? — сменил я тему, пока Олег не окунулся в подробности по уходу за секс-куклами.

— Конечно. Нашёл один очень маленький островок в Тихом океане. Остров Пасхи называется.

— В Тихом океане?

— А что? Тебе не нравится?

— Да нет, дело твоё, только вряд ли тебе твоей доли хватит.

Олег был вынужден согласиться и пообещал найти что-нибудь более подходящее. Больше я не стал мешать ему заниматься важными делами и направился к Исиде.

По пути написал Вале, чтобы возвращался как можно скорее. Тот ответил почти сразу, что как только освободится, так и приедет. И никакого пояснения, когда это может случиться.

Исида в своей комнате возилась с каким-то кодом и звонко стрекотала по клавишам, не сбиваясь с ритма. Так увлеклась, что не заметила, когда я вошёл. Пришлось откашляться погромче.

— Чего надо? — отозвалась она, не отрывая глаз от экрана.

— Найди, пожалуйста, стволы.

— Найду, — сухо, со стальными нотками в голосе пообещала она.

— Только чтобы на этот раз они точно были на кого-нибудь зарегистрированы, — уточнил я для верности. В прошлый раз из-за этой мелочи охотники сразу пошли по нашим следам. А так была бы фора в несколько часов, за которые мы бы успели раствориться, словно никогда не существовали.

— Сказала же, сделаю, — напряглась Исида.

— Ладно, злись на здоровье, сколько тебе влезет. А я пока пойду отдохну.

Исида вдруг оттолкнула клавиатуру и резко развернулась ко мне. Пристально посмотрела, не говоря ни слова, а потом расслабилась и произнесла:

— Я погорячилась. Прости.

Я опешил и не сразу сообразил, что в таких случаях надо говорить. Да и Исида раньше никогда не извинялось. Даже в

самых очевидных ситуациях она упиралась до последнего, а когда аргументов не оставалось, просто переворачивала доску, как в том анекдоте про шахматы.

— Правда? — глупо спросил я в итоге.

— Знаешь, в играх иногда так бывает. Разработчик точно знает, что важно, но делает такие неоднозначные намёки, что понять ничего нельзя. А он увлекается этим и совсем забывает, что сказать хотел. Так вот, я, наверное, слишком зациклилась на совпадениях и забыла о главном.

— И что же ты считаешь главным?

— Ну, ты. Мы, то есть. Если ты считаешь, что другого варианта нет, то пусть будет этот. Это ведь всё ради нас?

Что-то меня настораживало в этой перемене, но что именно — я понять не мог. Когда такое было, чтобы Исида признала чужое мнение верным? Никогда. По крайней мере, за то время, что прошло со дня нашего знакомства. Уже тогда, невзирая на возраст, она обладала каменной волей и упрямством барана.

Тот день навсегда станет одним из самых странных в моей жизни. Мы с Олегом спасались после очередного ограбления. Не по плану пошло абсолютно всё и требовалось убраться из города как можно быстрее. Проще всего это было сделать поодиночке, и мы разделились.

Я остался без колёс, углубился в переулки, долго петлял между плотной застройкой человейников, но всё равно приходилось отстреливаться на каждом повороте. Патроны заканчивались, силы тоже, а ран на моём теле становилось всё больше. Я уже начинал подумывать, не лучше ли сдаться, но кто мог гарантировать, что меня не пристрелят для надёжности, чуть только я остановлюсь и подниму руки?

За одним из поворотов мне открылась совершенно обычная для таких мест картина. Два поддатых бомжа зажали в углу между мусорным баком и стеной девчонку лет четырнадцати. Один ждал очереди, другой через силу пытался её облапать и уже разорвал розовую футболку, оголив щуплое тельце. Одной рукой отбивался, другой настырно метился под мини-юбку. А девочка брыкалась и рычала, пыталась укусить мерзавца, как дикая загнанная лисица. Когда появился я, она посмотрела на меня с такой злобой, будто я тоже собирался ею воспользоваться.

А передо мной была дилемма. Пробежать мимо, как я чаще всего делал, или потратить последние патроны на двух подонков. Что мне до малолетних проституток, не нашедших общий язык с клиентами? Удивительно, но особо я не задумывался. Мне в тот момент было совершено плевать, кого и как насилуют, но рука машинально поднялась и сделала два точных выстрела в головы

бомжам.

Я рванул дальше, даже не спросив девочку, всё ли с ней в порядке. Слышал, что трое особо настырных охотника уже совсем рядом. Я и так потратил слишком много времени, и теперь весь запас, что был минуту назад, исчез.

Несколько поворотов я успел сделать, прежде чем охотники меня нагнали. Я навскидку выпустил последнюю пулю, сократив число охотников до двух, и остался безоружным. Как назло, подвёл меня и последний поворот, приведший в тупик.

Я попытался спрятаться за горой коробок, но прекрасно понимал, что это уже ничего не изменит. Мой конец настиг меня в вонючей подворотне — просто шикарное завершение того, что иногда называют жизнью.

Охотники не долго колебались, когда поняли, что спешить больше некуда. Наверное, гадали, есть ли у меня ещё оружие или можно брать голыми руками. И быстро пришли к мнению, что хорошо бы рискнуть.

Я наблюдал через прорехи между коробками, как охотники вошли в переулок, как целились в каждую тень, выискивая меня. Медленно, шаг за шагом приближались к моему укрытию.

Я искренне молил о спасении всех богов сразу, каких мог вспомнить, обещал всё хорошее, что только в голову приходило, начиная с отказа от онанизма и заканчивая праведной жизнью в монастыре. И тогда появилась Исида. Та мелкая девчонка в порванной розовой футболке. Она держала обеими руками пистолет охотника, которого я успел убить последней пулей. Исида была удивительно спокойна, словно уже поступала так не меньше сотни раз.

Она навела пистолет на одного из охотника и выстрелила, зажмурившись только в момент хлопка. Потом тут же перевела ствол на второго, пока тот не успел развернуться, и точно так же уложила его.

Тогда она была ещё ребёнком, но за прошедшие годы не сильно изменилась. Разве что жмуриться перестала при выстрелах. И как я мог не усомниться, что она просто так признала свою ошибку?

Впрочем, Исида знала, как заставить меня меньше думать головой. Даже сейчас, когда её тело скрывали мешковатые треники и давно вылинявшая худи, каждое движение было грациознее, чем у кошки в марте. Только хвоста не хватало, чтобы обвить мою шею и отрезать пути к бегству.

— Конечно, всё ради нас, — подтвердил я.

Исида встала и подошла ко мне. Пальцем провела от моей груди к подбородку и тихо продолжила плести свои чары:

— Ты ведь не злишься на меня?

— Нет, с чего бы?

— Я была плохой девочкой и очень хочу, чтобы ты меня наказал.

— Наказывать я люблю, да, — меня всё меньше волновало, с чего вдруг Исида передумала. Я смотрел в её томно прикрытые глаза, на нежные розовые губки, жаждущие поцелуя, и понимал, что не собираюсь даже пытаться сопротивляться.

Исида обогнула меня и нажала кнопку замка на двери.

— Ну так давай. Покажи мне, на что ты способен, — прошептала она на ухо и повела к кровати, что пряталась за стеной экранов.

Толкнула на постель и медленно, как будто нехотя, сняла худи. Под ней не было ничего, и мне открылся соблазнительный вид на её худое тело и на две аккуратные небольшие груди с розовыми затвердевшими сосками. Исида дотронулась до них с лукавой усмешкой. Потом поставила одно колено между моих ног и подалась вперёд.

Каждая секунда, в которой тела наши сливались воедино, была пропитана ароматом клубники со сливками и жасмина, оставшимися на Исиде после недавнего душа. Горячими сдавленными стонами, чтобы никто не услышал, мы делились нашими ощущениями.

Когда миг счастья подступил вплотную, Исида воссела на мне сверху, гордо оглядев своё королевство и нарочито неспешно двигая бёдрами. Её ноги подрагивали, и я знал, что сейчас она скорее дразнит себя, чем играется со мной. На каждом спуске из неё вырывался резкий выдох, а живот судорожно втягивался.

И наконец…

На хэндфоне Исиды запиликало оповещение. Она было пропустила его мимо ушей, но оповещение повторилось снова. Исида раздражённо провела по сенсору у себя на запястье и пробежала глазами открывшуюся голопроэкцию текста. Тут же лицо её переменилось, исказив блаженную негу серьёзным, совершенно неигривым сосредоточием.

— Валя в опасности, — сказала она осипшим голосом. — Его биопоказатели на уровне глубокой анестезии.

Исида всё ещё сидела на мне, а я всё ещё оставался в ней, готовый к стрельбе. И ничего не стоило просто продолжить. Минута-две ничего не изменят. Но это было не в моих правилах. Друзья превыше всего, чем бы не приходилось жертвовать.

— Чиркани Олегу и Лу, чтобы брали руки в ноги и вперёд.

— Может, наоборот? — спросила Исида, спрыгнув с меня и быстро набирая текст.

— Не важно. Мне три минуты надо, и вылетаем. Скинь геолокацию на флаер.

Глава 12

С тремя минутами я всё-таки погорячился, но уже через шесть с половиной, застёгивая на ходу лёгкий бронежилет чуть плотнее рубашки, вбежал в гараж. Опередил меня только Лу. Стоял, прислонившись к флаеру, заряжал магазин для автомата.

— Свидание обломалось, — констатировал он с таким безучастным видом, что я даже не понял, жалеет ли друга или, наоборот, радуется его неудаче.

— Меньше в Заблявь лезть надо было.

— Как будто в других местах спокойнее, — влился в разговор подоспевший Олег.

— Не важно. Заряжайте транквилизаторы, не стоит плодить трупы накануне дела.

— Но я уже боевыми два магазина нагрузил, — с лёгкой обидой цыкнул Лу.

— Едем, — не стал я тратить время на лишние разговоры.

Странно это было — вытаскивать друга со свалки на тачке премиум-класса. В салоне всё кожей натуральной обито, вставки из настоящего красного дерева. Даже в баре, если Валина зазноба не спёрла, должны остывать две бутылки виски десятилетней выдержки. На всякий случай, если вдруг понадобится какую-нибудь ВИП-леди уговаривать раздвинуть то, что обычно в Джун-Со раздвигают по первому намёку. А едем в дыру, где не то что флаер, даже обычная машина — уже роскошь.

Мы резво набрали скорость и всего за какие-то четверть часа ворвались в город на полном ходу. Оставалось не врезаться в какой-нибудь человейник на одном из поворотов, но с маневрированием по городским улицам автопилот справлялся на отлично. Вилял с такой лёгкостью, что у неподготовленного пассажира могла и голова закружиться.

— А как она вообще узнала? — ни с того ни с сего спросил Олег. Он так неожиданно нарушил молчание, что мы сразу и не поняли, о ком речь.

— Меньше надо разбрасывать повсюду свою порнуху, — предположил Лу.

— Если ты продолжишь за мной шпионить, я тебе нос отгрызу. А вообще я не об этом. Исида. Как она узнала, что Валька в передрягу попал?

Тут задумался и я. А ведь правда, Исида никогда не упоминала, что отслеживает биопоказатели Вали. И сразу появлялся вопрос: кого ещё она отслеживает? Может, и нас тоже? Кто знает? Вроде это неплохо, но разве такие вещи обычно не

обговаривают заранее? Иначе получается, что она вела свою игру за нашими спинами, а это уже попахивает чем-то неприятным.

— Потом выясню, — пообещал я.

— Я тебе точно говорю, эти двое странные какие-то последнее время, — подключился Лу, раскачивая и без того пошатнувшееся доверие.

— Сказал же, я с ними поговорю. Сейчас не это важно. Судя по тем данным, что прислала Исида, Валя находится на восемнадцатом этаже. Тут что с крыши спускаться, что подниматься — без разницы.

— Спускаться-то попроще будет.

— Лу прав. Побереги мои ножные протезы, они и так уже устарели. А ты бы, малой, мог и помочь, если бы ставил импланты не на скорость, а на нормальную мужскую силу.

— С мужской силой у меня всё в порядке, — отозвался Лу и зачем-то добавил: — Можешь у Влада спросить.

Олег удивлённо поднял брови и перевёл на меня вопросительный взгляд.

— Это в каком смысле? — спросил.

— В самом нормальном! — попытался Лу исправить свою ошибку. — То, что ты по ночам себе воображаешь, никого больше не интересует.

— Короче, — попытался я вернуть их к более насущному вопросу. — Значит, высадимся на крыше, спустимся до Вали на восемнадцатый. А потом на первый?

— Лучше поднимемся, — снова сухо посоветовал Лу.

— А нести Вальку, если что, будешь ты, что ли?

— Хватит ныть. Что ты как старая бабка? Скажи ещё, что колени болят, — огрызнулся Лу.

— Ну, коротышка, увидишь ты у меня…

— Лу прав. Если будем подниматься, то путь уже будет расчищен, — прервал я их.

— А как по мне, чем больше чертей мы завалим, тем лучше, — настаивал Олег.

— Так ты Валю нести будешь, — напомнил я.

— Короче, чего тут думать? Зайдём, выйдем, улетим. И всё.

Больше мы не спорили. Я указал автопилоту место посадки и в обнимку с автоматом следил, как приближается нужная крыша.

Башня «The Life» выплыла из-за человейников железобетонным чучелом. Сорокоэтажным щербатым монстром с разбитыми окнами, зияющими чернотой, и ещё целыми, но серыми от накопившейся за долгие годы грязи. Высотка пыталась казаться современной, стильной, округлыми углами изображала изящные формы, но выглядела как напомаженная проститутка

после месячного запоя и с сильнейшим детоксом. Может, когда-то, пока проект ещё был только макетом, Заблявь действительно был чудом авторского дизайна, но на деле получилось безвкусное пугало.

Флаер остановился над посадочной зоной и плавно опустился между обтрёпанным диваном и грудой упаковок из фастфуда. Оставлять автомобиль здесь я не собирался и сразу после высадки, переключив управление на хэндфон, приказал отлететь на безопасное расстояние.

Первые из местных, кого мы встретили, была кучка пьянчужек. Они шарахнулись при виде нас с такой скоростью, что я даже не успел разглядеть, сколько всего их было. Отметил только одного убогого, заменившего все конечности на искусственные, но не удосужившегося обтянуть всё это кожей.

— Воняет здесь, конечно, знатно, — скривился Лу, осматриваясь.

Мы с Олегом молча согласились, что запашок и впрямь тот ещё. Будто кто-то искупался в сточных водах, а затем попытался выпить сильно прокисшего пива, но вылил всё мимо рта на себя. Впрочем, это вряд ли было именно так. До сточных вод далековато.

Держа оружие наготове и контролируя сразу три направления, мы прошли к двери на лестницу. Пока всё было тихо. Где-то грохотала дребезжащая музыка, где-то шла перебранка на повышенных тонах, но в целом ничего необычного.

Проникли через пустой дверной проём на прокуренную лестничную клетку. Из-за мусора приходилось постоянно смотреть под ноги, чтобы не поскользнуться на гниющем куске пиццы, оставленном здесь ещё в прошлом месяце. Падать придётся в лучшем случае на лес пластиковых стаканчиков. В худшем — лучше об этом не думать. Некоторые местные жители даже не пытались добежать до туалета.

На нас давили едва живые диодные лампы и обшарпанные стены с обилием душевных излияний обдолбанных идиотов. С каждым шагом ощущалось, как грязь обволакивала одеялом нечистот и проникала внутрь. Мерзкое ощущение. Будто в яму с отбросами угодил, а выбраться не можешь и зарываешься всё глубже.

Пять этажей мы продвигались без препятствий. Все, кто встречались нам, либо разбегались, как ошпаренные, либо так и оставались неподвижными полуживыми тушами, через которые приходилось переступать. И только на пролёте между тридцать пятым и тридцать шестым этажами мы встретились с непреодолимым заграждением. С завалом из поломанной мебели,

мешков с мусором и россыпью мелкого сора.

— Иси, — позвонил я нашему незаменимому гиду. — Они всю лестницу загадили. Не пройти. Нам нужен обходной путь.

— Поняла, — отозвалась Исида и застучала клавишами. — На тридцать восьмом есть бордель. Он соединяет две лестницы.

Ловко она это делала. Искала пути, перемещаясь по камерам. Причём ей было совершено неважно, откуда смотреть. Одинаково быстро прыгала она с камеры наблюдения на глазной протез или вебку доисторического гаджета.

— Слышали? — обратился я к парням, и те кивнули, продолжая сосредоточенно контролировать подходы.

Мы поднялись до тридцать восьмого, где на одной из четырёх дверей, нисколько не стесняясь, висела табличка: «Самые юные девочки и самые сладкие мальчики».

Внутри оказался небольшой холл в кислотно-розовых тонах с двумя потёртыми креслами и стойкой. Отсюда начинался длинный коридор со множеством дверей по обе стороны. Громкая музыка тщетно пыталась заглушить страстные стоны на все лады, и всё это вместе звучало невнятной какофонией. Да и стойкий запах был не лучше, немедленно пробив на слезу. Ядрёная смесь мочи, латекса, белковой продукцией любви и чего-то кисло-сладкого, напоминающего подгнившие тропические фрукты.

Стоило нам войти, как два невзрачных паренька с первым пушком под носом рванули на выход. Тут же из-за стойки высунулась не особо качественная маска. Вернее, я принял её за маску. Но оказалось, что это было лицо администраторши, щедро замазанное дешёвой косметикой. Белое, будто отштукатуренное, с неестественным румянцем на щеках и ядовито красными губами. Злобные до колючести поросячьи глаза осмотрели нас, и немедленно из напомаженного рта-бантика прозвучал голос, похожий на гудок поезда.

— Мальчики! Тут к вам клиенты с пушками.

Мы не стали задерживаться и ждать каких-то мальчиков. Направились дальше. Я первый, Олег сразу за мной, целясь поверх моего плеча, а замыкал Лу, контролируя тыл.

Сложно было сдержать любопытство и не заглянуть хоть в одну из комнат. Там, в жуткой тесноте, где помещалась одна только кровать, я увидел жирное тело, прижимающее к постели миниатюрную азиатку. Девушка едва дышала и уже слегка отдавала в синеву, но стойко ждала, когда клиент завершит своё нелёгкое дело.

Больше я решил любопытству не потакать.

Мальчики появились в коридоре, когда мы миновали уже половину пути сквозь море похоти. Их было всего двое, и у

каждого по лазерной винтовке. У одного руки протезированы, у другого кислотный шрам на пол лица и протез глаза. И всё без кожи. То ли деньги они тут все жалеют на подобный пустяк, то ли специально кичатся своим уродством, как дикари, я не мог понять. Но выглядели они отвратительный.

— Я левого, — произнёс Олег.

Всё было просто и понятно. Мы одновременно выпустили короткие очереди по своим целям и двинулись дальше, перешагнув через моментально вырубившиеся тела. Не обратили внимания, что музыка тут же стихла, сменившись криком. Плевать нам было и на то, что за нашими спинами началась шумиха, из каждой коморки вывалились голые клиенты и не менее голые работники. Все толкались, пинались, рвались к выходу.

Пара клиентов выскочили наперевес с пистолетами, видимо, решив, что мы по их душу, но никто им ничего объяснять не стал. При первой же попытке направить на нас свои пуколки Лу успокоил их двумя точными выстрелами.

И мы шли дальше.

По второй лестнице мы спустились до двадцатого этажа без задержек. Остановились, только когда услышали ленивое переругивание.

— Иси, что там? — шепотом спросил я.

Исида ответила почти сразу:

— Вы почти на месте. Этажи с девятнадцатого по семнадцатый занимает подпольная клиника по пересадке органов. Судя по всему, это охрана. Точнее сказать не могу.

— Понял.

Я принял решение, достал шашку со снотворным газом.

Прежде чем сорвать чеку, мы надели противогазы, что до сих пор болтались на шее. Маска и респиратор. Простенькое средство, которое вряд ли поможет от чего-нибудь более серьёзного.

Шашка полетела вниз рикошетом от стены, раздался кашель, но быстро стих. А мы продолжили свой путь до восемнадцатого этажа.

Нужная нам дверь оказалась распахнутой настежь, и оттуда уже доносились отрывистые команды. Нас ждали, можно было даже не сомневаться. И теперь снотворное становилось бесполезным.

— Олег, — я указал на дальний угол двери, сам занял позицию на ближнем.

Олег проскользнул мимо дверного проёма, попутно осмотрев, что происходит внутри. А затем показал, что там четыре человека. Я кивнул.

Надо было действовать стремительно. Я отсчитал три, и на пару с Олегом мы высунулись из укрытия.

В просторном зале, перегороженном белыми целлофановыми занавесками, находилось шесть больничных коек, и лишь одну из них занимал пациент. Паренёк с длинными волосами, накрытый по грудь одеялом.

Зато охранников, как оказалось, действительно было четыре. Жилистая девка со свирепым, но чертовски притягательным лицом и три бугая. Они все суетились, к чему-то готовились и на нас не сразу обратили внимание. Ошибка их стала роковой. Беглый огонь уложил всех, кроме командирши. Та бросилась куда-то вглубь зала.

— Ловкая какая, — удивился Олег и вопросительно посмотрел на меня. — Люблю таких.

— Ну, вперёд тогда.

Олег быстрыми мелкими шажками, не убирая приклада от плеча, поспешил за жертвой. А мы с Лу чуть медленнее двинулись вслед за ним, попутно разглядывая устаревшие медицинские аппараты и грязь, которой было здесь в избытке. В такой обстановке только операции проводить. Не от кривых рук недохирурга помрёт пациент, так от сотни-другой инфекций.

Не прошло и минуты, как я услышал голос Олега:

— Ух ты, какая злая.

И тут же ему в ответ прожужжали выстрелы лазерной винтовки.

— Тихо ты, не бузи. А то ноги вырву.

И ещё несколько выстрелов.

Мы с Лу переглянулись и бросились к товарищу на помощь. Но уже в следующей комнате оказалось, что помощь нужна скорее командирше. Олег зажал её в углу, вырвал винтовку и пытался схватить так, чтобы она перестала брыкаться.

— Какого чёрта ты делаешь? — спросил я, когда осмотрелся получше и понял, что опасности нет. — Выруби её и пойдём дальше.

— Прости, Влад, но уж больно хороша чертовка, — извинился Олег, увернувшись от очередного резкого удара коленкой промеж ног.

— Я сказал: выруби её, и двигаемся дальше. Что непонятного?

Командирша пыталась кричать, оскорбляла нас, как только умела. Очень быстро мне это надоело, я навёл дуло автомата ей в грудь. Не хочет он, я сделаю всё сам.

— Погоди, погоди, — запротестовал Олег. — Давай её с собой возьмём?

Такое предложение меня ошеломило:

— Что? Какого чёрта ты несёшь?

— Серьезно. Я уверен, она будет лапочкой.

— Какой, нахрен, лапочкой? Нас Валя ждёт.

— Ну, правда, я обоих запросто унесу.

— Что за остановка? — нетерпеливо спросила Исида.

— Всё в порядке, — ответил я и выстрелил.

Командирша дёрнулась и обмякла. Олег разочарованно вздохнул, отпустил тело, дав командирше рухнуть на пол, и объявил:

— Нельзя так с женщинами. Они любят пожестче, но после такого вряд ли можно рассчитывать на вкусную глазунью с беконом.

— Тема закрыта, — твёрдо оборвал его я.

Мы двинулись дальше и уже за следующей дверью обнаружили помещение, разделённое на две половины. В одной стояли два операционных стола, над которыми нависли выключенные мощные лампы. Вторая половина больше напоминала склад. Вдоль стен стеллажи с медикаментами и хирургическими инструментами. Там же по центру стояла ванна, наполненная водой со льдом. В ней то и прохлаждался Валентин.

Он был без сознания, синевато-бледный. На боку сиял алый шрам, грубо зашитый бечёвкой. Под левой ключицей болтался катетер, от которого тянулась трубка к капельнице. Всё говорило о том, что похудел наш водитель как минимум на одну почку и теперь вряд ли поможет в нужный момент. Пару недель уж точно проваляется в больнице.

— Эх ты, самостояшка не доросшая, — прошептал я себе под нос.

Мы отключили Валю от капельницы, достали из ванны и прикрыли его скукожившееся не то от стыда, не то от холода достоинство.

— У нас гости, — крикнул Лу, оставшийся в зале с койками и чем-то активно загромыхал.

— Дождались, мать твою! — выругался я, глянув на Олега.

Но тот был слишком занят, чтобы это заметить.

Пока он копался здесь, я отправился на помощь Лу. Тот как раз закончил приготовления, соорудив себе укрытие из каталок.

— Думаешь, это поможет? — спросил я, устроившись рядом с ним.

— Ну ты же спрятался, — пожал Лу плечами.

В одном он был прав. Это лучше, чем ничего. К тому же мы остались незамеченным, когда в помещение ворвались охранники. По топоту я не мог определить, сколько их.

— На счёт три. — сказал я, и Лу кивнул. — Раз… два… три!

Мы выскочили одновременно и сразу открыли огонь, но были удивлены. Между занавесок на нас глядела толпа андроидов позапрошлого поколения. Те болванчики, что людей напоминали только когда на них натягивали силиконовую кожу, и то выглядели весьма убого. Сейчас же это была кучка жестянок, которые лишь чудом не проржавели насквозь.

Андроиды искрились от пуль, коротили. Их ориентация и голосовой аппарат сходили с ума от малейшего повреждения, так что скоро вся братия предстала в образе взбесившейся цирковой труппы. Что-то бубнили, носились по кругу и сталкивались друг с другом. Особо умный, но уже лежачий, беспрерывно спрашивал, чем он может нам помочь.

Олег показался, когда перестрелка закончилась. Вышел, бережно неся Валю на руках.

— Надо его поскорее в больницу отвезти, — глянув на приятеля, заявил Лу.

Олег бросил печальный взгляд на командиршу, перехватил Валю поудобнее и направился за нами к выходу.

Мы прошли по лестнице наверх до борделя. Хотели и дальше, но Исида вовремя сообщила, что дверь на крышу там заварена.

В коридоре между любовными ложами ночных бабочек было тихо. Музыку всё ещё не включили, зато убрали тела. Те из сотрудников, кто не убежал слишком далеко, собрались в холле и обсуждали произошедшее. Девушки в кружевных трусиках, два женственных паренька в стрингах и невысокий пухлый мужичок с густой рыжей бородой. Последний не стеснялся ничего и даже не прикрылся.

Стоило появится нам, как все они выстроились по струнке, прижались к стене и, как мне показалось, задержали дыхание. Может, решили, что теперь мы их владельцы? Впрочем, никто из них не проронил ни слова, а мы молча проследовали к двери.

На крыше пришлось немного подождать, когда прилетит флаер.

— Иси, мы в третью окружную клинику поедем, — сообщил я, пока выдалась свободная минута.

— Я буду там через час, — коротко ответила Исида.

Глава 13

В больницу мы приехали полные уверенности, что придётся долго и упорно врать. Опыт в этом имелся немалый, и правда всегда грозила лишними проблемами. Наверняка придётся потом с полицией разговаривать, а это выльется в такое количество взяток, что рад не будешь.

Наш автомобиль сел на полупустой крыше. Состоятельные, разваливающиеся на ходу пациенты были главными спонсорами всех медицинских заведений, так что не удивительно, что для них вместо вертолётной площадки сделали стоянку для флаеров.

Сообщать о прибытии не пришлось. Персонал засуетился сразу и уже через несколько минут к нам поднялся грузовой лифт. Из него выскочили два медбрата с каталкой. Все в белом, что на ярком солнце аж светились. Таких увидишь в горячке и за ангелов примешь. Только крыльев не хватало.

Олег не доверил им Валю и сам переложил на каталку. А в больницу идти не захотел.

— Влад, ты ведь знаешь, что меня мутит от всякой этой дряни. Я в Забляви чуть всё не заблявил, а тут точно не сдержусь, — потупив взгляд, напомнил он.

Недуг Олега был из тех, которые проявлялись лишь в момент особой надобности. В школе бы это назвали «воспаление хитрости», но Олег отыскал более наукообразное слово: «психосоматика». Впрочем, укорять я его и не подумал.

— Спасибо, что помог. Не парься. Я с ним останусь, пока что-нибудь не прояснится. Исиду дождусь. А дальше видно будет.

— Ага, ну да. Ты ведь не в обиде?

Вместо ответа я похлопал его по плечу и пожал на прощание руку.

Следом заговорил Лу:

— Я тоже пойду.

В отличии от Олега, он никаких мук совести не испытывал. Лу никогда не отличался особой чувствительностью, так что и теперь вряд ли понимал, зачем оставаться. Ситуация под контролем, врачи своё дело знают, да и Валя без сознания. Даже морально поддерживать его не надо. А я просто не мог уйти. Это казалось частью негласного договора о дружбе: быть рядом в трудный момент.

Пока мы прощались, медбратья вернулись к грузовому лифту и едва не уехали без меня. Пришлось протискиваться на всём ходу меж закрывающихся дверей. Иначе бы потом по всему корпусу бегал и искал, куда Валю определили.

На этаже приёмного отделения меня перехватил администратор.

— Но я же… — кивнул я вслед удаляющимся медбратьям.

— Не волнуйтесь. Ваш друг в надёжных руках. Пока он будет на первичном осмотре, нужно заполнить документы. Это сейчас для него гораздо важнее, — с ослепительной белозубой улыбкой успокоил администратор.

Лоснящийся тип, положивший жизнь на то, чтобы вытянуть из кого-нибудь лишнюю копейку. И вид он имел соответствующий. Лицо — будто реклама клиники пластической хирургии, атлетичное телосложение и маникюр для рукопожатия «на миллион». С такими ребятами я старался не связываться. Всегда где-то на границе маячит предчувствие, что тебя вот-вот облапошат. Но сейчас не было другого выхода.

Среди длинного списка вопросов, которые были на планшете администратора, я быстро отыскал тот, что касался палаты. Выбрал не самый дорогой вариант люкса, что моментально освободило от большинства прочих вопросов: гражданство, социальный статус, судимости, ещё какие-то уточнения о том, можно ли надеяться, что пациент не сопрёт одноразовые тапочки, когда будет выписываться. Больницы лучше прочих заведений знают: чем богаче клиент, тем важнее ему сохранить анонимность и меньше неприятностей от него будет. И пусть одним росчерком электронной подписи я израсходовал целое состояние, это было лучше, чем объясняться с полицией.

После первичного осмотра медбратья также стремительно перевезли Валю из кабинета врача на этаж для ВИП-пациентов и только в палате, наконец, оставили его в покое.

Люкс оказался куда скромнее, чем я мог представить. Выложил за него почти всё, что было у меня на счёте, а получил комнату, где кроме кровати, дивана и столика с двумя стульями не влезало ничего. Зато вид на парк с высоты птичьего полёта приятно порадовал. Небольшое утешение.

После небольшой передышки к Вале выстроилась очередь врачей со странными аппаратами. Я же сел в уголке, чтобы не мешать, и с ужасом наблюдал за обследованиями.

В считанные минуты Валю чем только не ощупали и куда только не заглянули. Если бы он и пришёл в себя, то вряд ли смог долго продержаться до следующей отключки. Его так настырно переворачивали с бока на бок, что свежая ещё рана начала кровоточить и быстро украсила постель бордовыми пятнами. Это никого не впечатлило. Сделали перевязку прямо в палате и продолжили экзекуцию.

А через полчаса приехала Исида. Спокойная и холодная она

дождалась, когда из палаты уйдут все лишние, и только потом взглянула на меня, приподняв левую бровь. Не знаю, хотела ли она вновь завести пластинку про неслучайные совпадения, но я решил не ждать и первым пошёл в наступление:

— Только не начинай. Я понимаю, как это выглядит, но даже теперь это просто совпадение. Валя — идиот. Он прекрасно знал, куда лезет и что в Забляви не терпят всех кто не одевается на помойке. Мы с ним говорили об этом буквально накануне. Но он же самый умный, у него любовь. Решил, что нашёл единственную жемчужинку во всём этом гнилом болоте. А оказалось, что это просто сосалка с истёкшим сроком годности.

— Заметь, я ещё ничего не сказала.

— Но подумала! Слушай, правда, мне это надоело. Послезавтра мы сделаем всё, что собираемся и выйдем из бизнеса. Хочешь? — заводился я.

— Не выйдем.

— Хорошо. Уедем куда-нибудь на юг, к морю. И будем там просаживать деньги, пока не потратим последний рубль.

— Не уедем.

— Иси, прекрати! Куда делась та бесшабашная девчонка, которую я знал? Ты её съела? А ну выплюни! Она мне больше нравится, — попытался я сбавить напряжение.

Но Исида даже не моргнула. Смотрела на меня ледяным взглядом и чего-то ждала. Известно, чего. Чтобы я поднял белый флаг и пошёл на поводу у её фантазии. Вот только это не ролевая игра в запертой комнате.

— Я не откажусь от дела. Точка, — серьёзно попытался я закончить разговор.

— Я знаю, — произнесла Исида так спокойно, что укор читался в каждом её вздохе.

И это меня вывело из себя. Едва не закричав, я спросил:

— Тогда чего ты от меня хочешь?

Исида приоткрыла рот, будто собираясь сказать что-то ещё, но резко развернулась и ушла. Оставила мерзкое ощущение, что я редкостный козёл. Может, это и впрямь было так, но ей ведь не объяснишь, почему отказаться невозможно. Не понимает она слова «Нет».

С Валей я оставался до самого вечера. Несколько раз бегал в холл за кофе и за водой, прочитал пару статей в интернете. Всё ждал, когда Валя придёт в себя, но он, похоже, только вошёл во вкус. Вряд ли видел сны, но точно набирался сил. Кожа потихоньку возвращала здоровый цвет, дыхание стало глубже. По крайней мере, теперь я видел, как вздымается его грудь.

В палате автоматически включился свет, когда на улице

сгустились сумерки, а небо окрасилось в тёмно-синий цвет. Я встал перед окном и увидел, как ночь преобразила город. Будто художник брызнул на холст краской, рассыпались огни и огоньки среди бетонных великанов, разлинованных освещёнными окнами, засияли пёстрые рекламные вывески. Изменился и парк. Подсветка тропинок раскрасила почерневшие заросли витиеватой сетью, вспыхнули маленькие пятачки кафешек.

— Воды… — прошипел вдруг Валя так тихо, что лишь чудом я его услышал.

Развернулся, схватил бутылку со стола и поднёс горлышком к его рту. Валя жадно сделал несколько глотков, после чего прикрыл глаза, показывая, что напился.

— Она сказала, что нельзя вскрывать ячейку, — первым делом сообщил он слабым голосом, когда я убрал бутылку.

— Кто?

Я приблизился к нему, чтобы не упустить ни слова. Слишком тихо он говорил, да и языком ворочил так, словно выпил не меньше литра водки залпом.

— Рита. Она меня убила из-за ячейки.

— Рита — это твоя новая девушка? — уточнил я. Валя ответил, утвердительно прикрыв глаза. От такого его настроя мурашки пробежали по моей коже и захотелось как-то подбодрить друга: — Чёрта лысого она угадала! Валька так просто не сдаётся! Он только прикидывается больным, а на самом деле чуть что, сразу педаль газа вдавит в пол и на всём ходу уйдёт в занос.

Валя слегка улыбнулся и повторил то, с чего начал:

— Она сказала, что ячейку вскрывать нельзя.

— Какое ей до неё дело? Сама, что ли, её арендовала?

— Не знаю. Просто ударила меня ножом и сказала.

Валя вновь уснул, и я не стал его будить. Вернулся за стол, отхлебнул кофе. И долго сидел, уставившись на спокойное лицо друга.

Так значит, Исида права? По крайней мере в этом случае причиной действительно стало наше будущее дело. Вот только рассказывать ей об этом я не собирался. Всё равно, что подлить керосину в огонь — полыхнёт так, что рад не будешь. Потом, если Валя захочет, сам всё расскажет. А пока это останется нашим маленьким секретом.

До поздней ночи я сидел в палате и надеялся, что Валя снова придёт в себя. Хотелось расспросить про эту Риту побольше. Как-то ведь она связана с ячейкой. Или она просто исполнительница? Но все мои вопросы так и остались лишь у меня в голове. Валя не очнулся. А глубоко за полночь, когда мои глаза уже настойчиво

закрывались, я позвонил Олегу и попросил меня забрать.

До его прибытия было около получаса, и чтобы скоротать время я решил пообщаться с дежурным врачом. Оставил Валю наедине с размеренным писком аппарата гемометрии и тихонько прикрыл за собой дверь.

В самом центре отделения, откуда шли в четырёх направлениях шли одинаковые, зеркально похожие один на другой, коридоры, находился пост медсестры. Там мне подсказали, где найти доктора.

Он сидел в ординаторской и что-то усердно печатал. Единственным источником света здесь была настольная лампа, но хватало её только на стол да вокруг него. Остальная же часть ординаторской покоилась в темноте и представилась мне неясными очертаниями мебели.

— Здравствуйте, вы заняты? — постучавшись, обратился я к доктору.

— А что вы хотели? — не отрывая взгляда от монитора, отозвался тот.

— Спросить. Там Климов Валентин. Я сейчас уезжаю, хотел спросить, как у него дела?

— А вы?..

— Я его друг.

— Понятно. С ним всё в порядке. Больше сказать не могу. Врачебная тайна, — безразлично проговорил доктор.

Это меня возмутило:

— В смысле? Как деньги брать, так вы ни про какую тайну не упоминали, а теперь слова лишнего боитесь сказать? Какие-то у вас приколы странные.

Врач немедленно развернулся ко мне и расплылся в улыбке:

— Так вы его спонсор? Это всё меняет. Как, говорите, зовут пациента?

— Климов Валентин. Палата три тысячи двадцать один.

Доктор взял планшет и постучал пальцем по экрану.

— Так, нашёл я вашего… Климов, ага. Всё с ним в порядке. Показатели ещё не пришли в норму, но тенденция к восстановлению высокая. Молодой организм. Всё заживает, как на собаке. Так что не переживайте, с вашим другом всё будет в порядке. Денёк-другой и побежит, не сомневайтесь. Максимум две недели.

— Да уж, в порядке. Какой тут порядок без одной почки? — нервно хохотнул я.

— С чего вы взяли, что он без почки? — удивился доктор и ещё раз пробежался глазами по истории болезни Вали. — Ну да, операцию ему провели грубовато, придётся завтра по новой

накладывать швы. Но в целом, если бы так оперативно не сработали, было бы куда хуже. Это, знаете ли, редкий случай, когда так везёт.

— Значит, у него всё на месте? — обрадовался я. — То есть ничего не удалили из того, что обычно удаляют.

— Всё на месте, говорю же. Но если хотите, можем ему что-нибудь заменить. С согласием, думаю, проблем не будет: вашего достаточно. Вот прайс-лист…

— Не надо! — замотал я головой, пока доктор ничего мне не показал.

— Понимаю, — пожал плечами тот, явно расстроившись. — Вы тоже ждёте акции?

— Можно и так сказать.

— Вот и я собираюсь себе кое-что поставить. Почему нет? За такие деньги сам Бог велел.

Своё мнение и об акции, и о о киберимплантах я оставил при себе. Если уж медик так запросто повёлся на эту чушь, то спорить глупо. Наверняка дело во мне. Слишком привык к особенностям своего организма, вот и не понимаю, чего все так носятся с этими модификациями.

Я попрощался с доктором, пожелав ему удачного дежурства. Он в ответ пожелал мне больше ничего не желать. И на этом мы разошлись.

По приезду в бункер я хотел переговорить с Исидой. Но она заперлась в своей комнате и лишь скинула сообщением на хэндфон адрес, где надо будет завтра забрать оружие. Хоть палки в колёса не вставляла, и на том спасибо.

На следующий день работы навалилось с избытком. С утра договорился с механиком, чтобы он осмотрел и укрепил купленные для ограбления машины. Потом съездил на встречу и привёз в бункер целый багажник оружия. Когда немного выдохнул, взялся за план действий и слегка его откорректировал. И уже под вечер созвал всех, чтобы окончательно распределить их роли.

Ребята слушали внимательно, не перебивали. И когда я закончил, вопросов ни у кого не возникло. Но всё же Лу дождался, пока все остальные покинут кабинет, и обратился ко мне вполголоса:

— Думай обо мне что хочешь, но я подглядывал за Исидой.

Я ошарашенно уставился на него, не в силах решить сразу в морду бить или дать договорить. И Лу воспользовался моей заминкой:

— Сейчас не важно зачем, но я установил камеру с микрофоном в её комнате. Иногда смотрел и слушал. Ничего

такого, о чём ты подумал. Просто я ей не доверяю. Она мутная.

— Это всё, что ты хотел мне сказать? — сухо уточнил я, когда Лу замялся.

— Нет. Вчера, после возвращения из больницы, она кому-то звонила и говорила, что так поступать нельзя. Очень ругалась.

— Может, дело в игре? Ну, знаешь, кланмейты, всё такое. Очередной неудачный рейд…

— Нет! — уверенно заявил Лу. — Она повторяла, что об этом в прошлый раз договорились. А прошлый раз был в тот день, когда ты отсыпался после неудачного похода в клуб. Правда тогда у неё скорее истерика была и собеседник её в основном успокаивал, как я понял.

— Даже так? — нахмурился я. — А раньше она об этом с кем-нибудь разговаривала? Ну, я имею ввиду до прошлого раза.

— Не знаю. Я установил наблюдение за ней незадолго до первого разговора.

— Это… Я понятия не имею, как это объяснить. А Исида наверняка найдёт, как выкрутиться.

— Слушай, я всё понимаю. Она с нами давно, у вас роман. Но Влад, ты в ней уверен? Я точно нет.

— Уверен! — не так твёрдо, как хотелось бы, ответил я.

Лу посеял во мне сомнения, и те начали быстро крепнуть. Но что делать? Исида правды не скажет, даже пробовать бессмысленно. Идти на дело без её поддержки — самоубийство. Но и гарантировать, что в сложный момент она не устроит подлянку — тоже наивно. Теперь уж точно наивно.

— Так что ты об этом думаешь? — выждав минуту, Лу напомнил о себе.

— Это странно. Правда. Но я разберусь с Исидой после дела. Иначе вариантов нет.

— Ясно. Поступай, как знаешь, — кивнул он и ушёл.

А я так и не понял, что он сам думает о моём решении и насколько не согласен.

Глава 14

На следующий день, ещё засветло, Даня и Ваня отвезли два автомобиля на место, где нам предстояло разделиться. В глухой переулок в глубине Очаково Дистрикт. Не самый нищий район, но зато там было полно пустырей и целых заброшенных кварталов, где нет ни лишних глаз, ни камер. Никто и не пошевелится, когда мы подпалим третий автомобиль и сменим транспорт.

Чтобы не мотаться лишний раз, а заодно убедиться, что с тачками всё будет в порядке, Ваня остался там дожидаться нашего появления. Даня же на обратном пути несколько раз сменил такси, путая следы. Самому ему эта мысль казалась глупой, но я настоял, что это лишь повысит наши шансы на успех.

В назначенное время — пять утра — все собрались в гараже. Нервничали, молчали. Даже Исида соизволила выйти к нам, но выглядела она неважно. Мне показалось, что её бледность сегодня была совсем уж нездоровой. А красные глаза выдавали долгую и мучительную ночь без сна.

Когда она вошла, Лу уставился на меня вопросительным взглядом. А я едва заметно мотнул головой, чтобы прекратил сеять смуту. Сейчас для разборок было самое неподходящее время.

— Ну что, ребят? — произнёс, когда ждать уже стало нечего. — Это наш день. Сегодня мы станем хозяевами своих жизней. Не скажу, что это будет легко, но все мы знаем, что стоит на кону. Так пойдём и заберём это золото!

Все одобрительно загудели, и только Исида несогласно хмыкнула. Но кроме меня на это никто не обратил внимания. А потом она ушла, не дожидаясь нашего отъезда.

Мы погрузились в автомобиль и двинулись к городу. Несмотря на раннее время, улицы были битком забиты машинами, а пешеходы, казалось, суетились не меньше, чем днём. Город, который никогда не спит. Моссити.

Не доехав до площади Лованиэль два квартала, Даня припарковался. Лу выбрался из машины и отправился к подземной стоянке восточной башни «Нео-Квант». Оттуда и начинался его путь по вентиляции. Предстояло всего лишь незаметно прокрасться в техническое помещение. Там проще всего забраться в вентиляционную шахту, а потом подняться по ней до второго этажа банка, на котором помимо офисов находилась комната охраны.

В салоне повисла тишина. Каждый морально готовился к

самому сложному делу своей жизни, и только я усердно отмахивался от мыслей про Исиду. Всё это время она была на связи и меня подмывало обратиться к ней с прямыми вопросами. Чтобы все услышали, какая она змея. Но тогда про ограбление можно будет забыть. А так ли это плохо? Вдруг это и впрямь ловушка, как говорила Исида?

И так я метался от желания немедленно всё свернуть к твёрдой уверенности, что всё пройдёт, как по рельсам.

— Может, перекусим на дорожку? — непривычно скромно предложил Олег спустя несколько минут молчаливого ожидания.

— Дома надо было есть, — строго отрезал я.

— Я вот тоже так думал. И даже приготовил кое-что на утро. Но времени не нашёл. И так чуть не опоздал.

— Чем же ты таким важным занимался?

— Да знаешь… Как-то… Спал, — признался Олег, тяжело вздохнув.

Я ничего не ответил, но мысленно ему позавидовал. Он то хоть спал. А я всю ночь ворочался, так и не сомкнув глаз. После вчерашнего разговора с Лу в голову лезли такие дикие мысли, что сам поражался. Я подозревал всех подряд и каждого по очереди, отыскивал причины никому не доверять. И пусть все мои размышления напоминали овсянку с кроваво-красной смородиной, но я в них так верил, что лишь усилием воли не шёл выяснять, насколько оказался прав. А по утру наваждение рассеялось, как не бывало. Остались лишь головная боль и лёгкое чувство стыда за все подозрения и сомнения.

— Я в вентиляции, — шепотом сообщил Лу.

— Понял тебя, — отозвался я и хлопнул Даню по плечу.

Пора.

Неторопливо мы выехали на площадь и остановились перед банком среди автомобилей более законопослушных посетителей. Осмотрелись.

Внутри, как всегда, людей было немного. Три мужчины и две женщины в повседневной одежде, три пёстрых, как попугаи, подростка и дама преклонных лет, одетая в дорогой дизайнерский костюм. В глубине за кассой виднелись три работницы.

— Шашку бросил, все уснули, — оповестил Лу через минуту.

— Понял. Иси, ты готова? — спросил я.

— Да. Как только войдёте, включу глушилку и затонирую окна, — сухо ответила та.

— Ну что ж. Погнали!

Мы нацепили маски, передёрнули затворы на автоматах. Я в придачу накинул на плечи сумку, забитую сумками для золота и

перфоратором для ячеек. И все разом вышли из машины. Я, Олег и Саня.

Влетели в отделение. Выстрел в потолок. Я вскочил на диван и заорал:

— Все мордами в пол! Лежать, не рыпаться! Если дёрнетесь, сдохните прямо здесь!

Люди немедленно исполнили требование. Кто-то решил было возмутиться, но тут же Саня пустил несколько пуль рядом с головой умника.

Олег первым делом закрыл дверь и вставил стойку для оградительных канатов в ручки. Я же быстро пересёк зал и заглянул за витрину. Три работницы банка — смазливые девочки в чёрно-белых костюмах с бантами на шеях — сбились под кассой и тряслись от страха. Одна из них пыталась что-то набрать на хэндфоне и не понимала, почему не ловит сеть. Другая долбила по красной кнопке на полу и не сразу остановилась, когда появился я. Пришлось пустить пулю рядом с ней, чтобы прекратила.

Я указал дулом на каждую и короткими фразами приказал:

— Быстро в зал! Лечь на пол! Не вздумайте пищать!

Девушки гуськом, на согнутых ногах и глотая слёзы, просеменили мимо меня и прилегли рядом с остальными заложниками.

А я направился в глубь отделения искать администратора. На верхних этажах ещё был персонал, но Лу сейчас как раз должен был перекрыть им выход на лестницу и запереть там. А вот кабинет администратора находился на первом этаже, рядом с конференц-залом.

Я прошёл по коридору со стеклянными стенами, за которыми находились какие-то рабочие помещения. Потом мимо зала, большую часть которого занимал длинный глянцевый стол, окруженный жёсткими чёрными стульями. И упёрся в коричневую дверь с надписью на английском: «Администратор коммерческого банка «Концерн» Грин В. Г.».

Изнутри не доносилось ни звука. Но вряд ли Грин уже знал о происходящем. Шумоизоляция бережно хранила его покой, но сейчас сыграла мне на руку. Куда проще застать воротничка врасплох, чем искать потом, за каким шкафом находится его секретное убежище.

Не долго думая, я вынес дверь с ноги и ворвался внутрь с автоматом на изготовке.

Грин сидел за столом в конце вытянутого, дорого обставленного кабинета. Настоящие картины на стенах, замысловатые фигуры и ковёр на полу. Несколько полок, где

стояли книги в кожаных переплётах с позолотой.

От неожиданности Грин опешил, отклонился на спинку чёрного кресла и перевернулся вместе с ним. Оказавшись на полу, он заёрзал и, будто жук, заполз под стол.

— Тук-тук-тук, — пропел я, ухмыльнуляясь.

Грин отозвался громким истеричным всхлипом. В таком состоянии он мог и удивить. Кто знает, что взбредёт в голову человека, который в один миг разучился говорить?

Я взял стол под прицел и осторожно пересёк кабинет. Зашёл со стороны стены, которую украшала панорамная мозаика, и сел на корточки.

Волноваться не стоило. Раскрасневшийся от волнения Грин долбил по хэндфону и сдавлено матерился. Искал помощи там, откуда её прийти не могло, а на большее он был не способен. Как простая кассирша с галстучком из зала. Только щёки отъел, что они колыхались от каждого движения.

— Можешь не париться, всё равно не заработает, — дал я ему бесплатный совет.

— Что вам надо? Это беспредел! Вы хоть понимаете, что с вами сделают? — истерично прокричал он, но хэндфон в покое не оставил. То одно приложение открывал, то другое. Игру какую-то запустил, но тут же свернул.

— На второй вопрос отвечу тебе сразу: мне плевать. Ну а в остальном всё ещё проще. Ты откроешь хранилища и с выпученными глазёнками будешь наблюдать, как твоё золото становится нашим. А взамен мы позволим тебе сохранить свою жалкую шкурку целой и невредимой. Так что накрути сопли на кулак и поднимайся. У нас мало времени.

— У вас ничего не получится! Вас даже не арестуют! Убьют! Всех убьют, сколько бы вас не было. Уничтожат и смоют в канализацию! — завопил Грин.

А потом заелозил ногами, пытаясь забиться ещё глубже, но только с противным скрипом сдвинул стол.

— У меня нет времени на твои сладкие фантазии, что не ясного? — озлобился я. Ткнул в него автоматом: — Быстро встал и пошёл!

— Не могу! Это же абсурд! Если я вам помогу, меня тоже убьют! Решат, что я ваш пособник, и даже разбираться не станут!

— А если не поможешь, то…

Я активировал свой хэндфон и вывел проекцию фотографии семейства Гринов. Сам администратор, его жена и два малолетних сына за обеденным столом.

— Вы что, с ума сошли? — округлил глаза Грин. — Это уже ни в какие рамки не лезет!

— Может и так, но вот эти два красавца будут не рады, что появились на свет. Да и в бейсбол уже вряд ли сыграют, — я перелистнул фотографию на следующую. Там дети играли в бейсбол на школьном стадионе.

— Вы жалкий маньяк! Это всё чушь собачья! Я не вчера родился, чтобы повестись на эту разводку! Просто нашли мои фото в интернете и думаете, что я вам поверю? Ничего у вас не получится!

— Подожди брызгать слюнями, мордатый. Я подготовился, — растянул я губы в улыбке, пусть через маску этого и не было видно.

Ещё раз провёл пальцем. Фотография сменилась на снимок двух связанных пацанов с кляпами. Исида постаралась на славу. Так и не скажешь, что это подделка. Фоторедактор, чуточку материалов из криминальной сводки, снимки сыновей Грина в высоком качестве и вуаля! Никакого мошенничества. Почти.

Поверил и Грин. Он надрывно застонал, окунул лицо в ладони и сидел так несколько секунд без движения. Потом поднял голову. Жалкий, сломленный с потускневшими глазами человека, который собственноручно подписал себе смертный приговор.

— Я всё открою, — убитым голосом согласился он.

Вылез из укрытия и весь помятый, сутулый направился к хранилищу. Путь лежал мимо операционно-кассового зал, и Грин мельком заглянул туда. Вид привёл его в ещё большее уныние. Люди на полу, грабители, к которым уже присоединился Лу, и прозрачные стены, за которыми город жил прежней жизнью.

— Не тормози! — ткнул я его дулом.

И Грин ускорился. Мимо тесной лестницы наверх, которая предназначалась персоналу, мы прошли к внушительной бронированной двери, распахнутой настежь. За ней начинался спуск в хранилище. Ярко освещённые мраморные ступени, покрытые красной ковровой дорожкой. Аренда ячеек стоила немало, потому и лестница должна была соответствовать статусу таких клиентов.

Внизу оказалась просторная белая комната, разделённая решёткой. По обе стороны находились две огромные хромированные гермодвери, похожие на сейфовые, но в разы больше, а похожие на штурвал вентили в человеческий рост и вовсе как будто предназначались для великанов.

— Здесь ячейки? — указал я на ту дверь, что была прямо напротив лестницы.

Грин кивнул и после толчка в спину пошёл открывать. Достал с пояса связку ключей на цепочке, выбрал нужный, вставил, потом

набрал код на панели. Штурвал пришёл в движение и завертелся. Дверь зашипела и медленно, будто двигал её живой человек, открылась.

За ней оказалась анфилада из трёх комнат, все стены которых испещряли небольшие прямоугольные дверцы с серебристыми номерами. Нечто подобное встречалось в крупных жилых домов, где число квартир переваливало за две-три тысячи, и у каждой имелся свой почтовый ящик в холле.

Я невольно представил, сколько здесь должно быть всякого интересного. Семейные реликвии, папки с компроматом, загадочные безделушки, которые ведут к несметным сокровищам. Было бы в запасе несколько часов, я бы выгреб пару сотен ячеек. Но, увы, сейчас нужны были только три.

— Ребят, хранилище вскрыто. Ячейки передо мной, — оповестил я товарищей.

— Сейчас спущусь, — отозвался Олег. Именно он и должен был вскрыть нужные нам ячейки.

А я тем временем толкнул Грина к решётке, за которой находилось второе хранилище. С золотом.

— Вы ведь даже не понимаете, почему так просто открыть эти двери? — печально спросил Грин, распахивая решётку.

— Удиви меня.

— Есть гарантии и договорённости. Есть правила игры. Не нужно изощряться, если знаешь, что ни одному недоумку не придёт в голову сюда лезть.

— Ты бы за языком следил, а то пулю на твою тыковку я жалеть не стану, — пригрозил я, чтобы Грин не начал корчить из себя храбреца.

— А вы не задавали себе вопрос, почему наш банк ни разу за пятьдесят лет даже не пытались ограбить? Есть правило. Мы являемся основой «Helex», а они один из основных игроков в стране. Крупнее только «One Health», и то лишь за счёт фармацевтики. Вам это о чём-нибудь говорит? Или вы только и способны, что про золото думать?

— Ты давай хранилище открывай! Разболтался тут. Плевать мне на все ваши Хелексы-Шмелексы.

Грин хмыкнул и вставил ключ. Тем временем с лестницы послышались тяжёлые быстрые шаги, а потом к нам ворвался Олег:

— Ну, что тут у нас? Я начинаю?

— Валяй.

Я снял сумку с плеч и достал из неё перфоратор. Олег взял его, нажал пару раз на кнопку и, убедившись, что сверло вертится, отправился в хранилище. Через минуту оттуда

донеслось монотонное жужжание.

В то же время Грин наконец справился с замком. Автоматически провернулся штурвал. Дверь, как и первая, зашипела и отодвинулась. И взгляд мой упёрся в небольшую кучку золота. Никаких полтонны здесь не было и в помине. От силы сотня килограммов.

— Это что, мать твою, такое? — ошалело проревел я.

Подскочил к Грину, прижал его к стене и так надавил на шею, что тот начал задыхаться.

— Где, сука, полтонны?

Я готов был опорожнить в него весь рожок. Накачать его жирное пузо свинцом под завязку. Казалось, именно Грин спрятал всё то, что по праву причиталось нам.

На мой крик Олег прекратил мучить ячейки и высунулся из-за двери:

— Что там? Только не говори, что…

— Нет, золото есть. Но его, чтоб вы жили здорово, гораздо меньше обещанного.

— Это обычная практика, — попытался оправдаться Грин, чуть только моя хватка ослабла. — Если признаться, что заявленного количества золота нет, это отпугнёт инвесторов. Все так работают. Наверное. Ещё хорошо, что оно вообще есть, а то могли и в другой филиал перевезти.

— Ладно, разбирайтесь там, а я пока со своим закончу, — произнёс Олег и скрылся. Вновь зажужжал перфоратор.

Олег то всё воспринимал со спокойствием удава, но для меня новость стала оглушительной. На ватных ногах я вошёл в хранилище и потянулся к слиткам, сложенным в несколько рядов. Каждый совсем небольшой. Размером с ладонь и толщиной в два пальца. И все такого соблазнительного цвета, что нестерпимо хотелось их потрогать.

— Не вздумайте прикасаться к слиткам голыми руками, — опередил меня Грин. — Тогда золото начнёт окисляться и потеряет в стоимости.

Я сжал кулак в бессильной злобе. Передо мной лежало огромное богатство, какого я и рядом никогда не видел. Но чувство, будто мне харкнули в лицо и отобрали гораздо большее, портило всё. В голове с новой силой запульсировала мысль о предательстве. И так хотелось поговорить с Исидой об этом, высказать ей всё. Но глушилки ни один сигнал за пределы банка не пропускали, а значит, придётся взять себя в руки и довести начатое до конца.

Глава 15

Грузить золото я приказал Грину. Не откладывать же мне оружие и таскать всё самому, пока этот гад прохлаждается в стороне. Нет уж! Лучше я постою и автоматом в него потычу.

Заодно появилось время осмотреться получше. Впрочем, глядеть тут оказалось не на что. В хранилище было стерильнее, чем в больнице. Железных полок столько, что на них уместилась бы не одна тонна. Но все пустые.

Вскоре Олег закончил работу и вышел из хранилища с пачкой больших толстых тетрадей. Одну из них он листал, хоть и без особого интереса.

— И за этой хренью нас сюда послали? — недовольно протянул он и всучил мне находку.

Тетради оказались исписанными мелким текстом, какими-то формулами, излинованы непонятными схемами. Если всё это и имело значение, то от меня оно бесследно ускользало. Какая-то научная тарабарщина. Очень умная и очень неинтересная.

— Это не наше дело, — отрезал я и бросил всю стопку в ту сумку, куда Грин уже закончил складывать золото.

Чтобы не прикасаться к слиткам голыми руками, он обхватывал их пиджаком, от чего работа сильно замедлилась. Олег успел перетаскать все сумки к тому моменту, когда Грин наконец заполнил последнюю.

— Иди к лестнице, — приказал я, когда промокший от пота администратор устало откинул пиджак и распрямился.

— Вы что, издеваетесь? — надрывно спросил тот, утирая рукавом лоб.

— Я сказал: иди наверх!

— Да меня начальство с дерьмом сожрёт, если после всего этого я останусь целым и невредимым. Вы хоть понимаете, как это всё будет выглядеть? — затараторил Грин. — Они решат, что я с вами за одно, обдерут меня как липку и бросят в тюрьму к сраным насильникам и убийцам!

— Заткнись уже! Тебе что, по морде заехать? — поразился я такой самоотверженности.

— Нет, лицо это моя визитная карточка.

— Хреновая какая-то карточка.

— Ну, какая есть, — пожал плечами Грин, нисколько не уязвлённый.

— И чего тогда? Выстрелить в тебя, что ли?

— Да! Думаю, одного выстрела хватит.

— Ты, походу, дешёвых фильмов пересмотрел. Или хренов

мазохист.

— Я серьёзно, выстрелите в меня, — Грин нервно дёрнулся и встал ровно.

— Ну, если настаиваешь…

Я поднял автомат и выстрелил. Попал аккуратно в центр живота, от чего Грин моментально скорчился, потерял равновесие и упал.

— Больно то как! Могли бы в ногу! Или в руку! — застонал он.

— Ты бы лучше порадовался, что не в голову. Ладно, кайфуй на здоровье, — оставил я его стенать от боли в одиночестве.

А сам вернулся в зал.

Наверху всё выглядело спокойным. Ребята разгуливали по периметру, не выпуская из рук автоматы. Заложники притихли и даже не двигались. Но смущало меня то, что полиция ещё не появилась. Времени прошло много, а они ничего не заподозрили? Невозможно!

Я подошёл к окну и пристально осмотрел площадь. Вроде всё в порядке: люди, машины. Привычная суета. Но…

Среди припаркованных машин явно выделялись четыре одинаковых чёрных минивэна. И никакая это была не полиция. Служба безопасности «Helix»?

— Эй, глянь-ка, — подозвал я Лу, что прохаживался рядом. — Ничего подозрительного не замечаешь?

— Подозрительного? — удивился тот и глянул в окно. — По-моему, тут всё подозрительное.

— Например?

Ответить он не успел. Позади нас раздался выстрел. И тут же автоматная очередь застрочила в ответ.

Мы с Лу разом обернулись, вскинув автоматы. Но было поздно. Саня лежал без движения, распластавшись в луже собственной крови. С краю от группы заложников лежал другой труп — изрешечённая дама в дорогом костюме.

— Какого хрена? — спросил я.

— Чёртова старуха пистолет заныкала, — объяснил Олег.

Он подошёл к Сане, склонился над ним. Ткнул ботинком его руку, но реакции не последовало.

Я ж отправился к телу старухи. Хотел забрать ствол и удостоверится, что никому в голову таких дурных идей больше не придёт. Вот только пистолета рядом с телом не оказалось.

Я осмотрелся. Поблизости была работница банка, но она уткнулась лицом в руки и вздрагивала от каждого моего шага. Если кто и мог забрать оружие, то лишь она.

— А ну встань! — толкнул я её автоматом в бок.

Девушка приподнялась, и сразу стало ясно, что я угадал. Под ней пистолет и лежал. Я дёрнул девку за плечо, ставя на ноги, и холодно спросил:

— Ты что, тварь, решила повторить судьбу этой карги?

— Не… Не… Не… Не… — попыталась она что-то выдавить, но заикалась так, будто забыла все слова разом. — Не убивайте меня. По… По… Пожалуйста.

Только теперь, глядя на её бледное заискивающее лицо, я понял, что мы знакомы. Та дрянь, что несколько дней назад искромсала меня и оставила подыхать в грязном переулке, стояла передо мной ни живая, ни мёртвая. И боялась так, как никогда в жизни. Наверное.

— Что? Не убивать? — усмехнулся я и приставил дуло ей к щеке. — Почему?

— Пожалуйста! Я сделаю всё, что скажете! — взвизгнула она, как обожённая.

— Пойдёшь с нами, — решил я. Заложница не помешает, если нас уже пасут. Как минимум, заставит лишний раз подумать перед выстрелом в нас.

Олег тем временем снял с Сани сумку с золотом и надел на себя.

— Уходим! — крикнул я.

Дольше задерживаться не имело смысла. Вдруг ещё кто-то ждёт момента, чтобы порадовать нас своим сюрпризом.

Мы подошли к двери. Выдохнули. И вывалили на улицу. Сходу сорвались на бег. Всего несколько шагов до машины, но они оказались самыми долгими.

Снайперы немедленно открыли огонь. Пули залязгали под ногами, засвистели рядом с ушами. Лу ойкнул, но шаг не сбавил. Олег открыл огонь вслепую, но тут же получил пулю в плечо.

Я распахнул дверь тачки и толкнул внутрь заложницу. Залез сам. Ребята оббежали машину и сели с другой стороны. Сумки кинули себе под ноги, чтобы не мешались.

— Где брат? — рявкнул Даня, вдавливая педаль газа.

— Потом объясню. Гони! — пообещал ему Олег, что расположился спереди.

Тачка с визгом покрышек сорвалась с места. Вывернула на дорогу, набирая скорость. Наперерез нам уже мчался один из чёрных минивэнов. Всего мгновение и мы поравнялись. Его задняя дверь отодвинулась, из салона высунулись два спецназовца.

Я рывком наклонил вопящую заложницу, установил на её спину автомат. Лу, что сидел дальше, опустил окно. И мы разом открыли огонь.

Один спецназовец вывалился и попал под колёса минивэна. Автомобиль подскочил, завилял и остался позади.

— Где Саня? — заревел Даня, чуть только преследователь остался позади.

Ответить ему никто не успел, на следующем повороте в нас на полном ходу врезался новый минивэн. Протащил несколько метров. Заложница влетела мне на колени и ударилась лбом о стекло. Лу придавил меня к двери.

— Даня, ты живой? Лу? — спросил я, откашлявшись.

— Живой вроде, — отозвался Даня.

Пришёл в себя Лу, отполз, смахнул осколки стекла. Зашевелился и Олег. Только заложница валялась на мне в отключке. Пока я скидывал её с себя, Даня снова завёл машину, сорвался с места.

И очень вовремя. Вслед по нам щедро затрещали автоматы. Но догнать они нас не могли.

— Влад, ты можешь ответить, наконец? — только сейчас услышал я в наушнике голос Исиды.

— Мы вышли! Детка! — закричал я.

Адреналин в крови зашкаливал, мы потеряли друга, раны покрывали наши тела. Но мы были живы, а в ногах болтались сумки с таким количеством золота, что до конца жизни хватит.

— Я рада за вас, — Исида явно не разделяла моего ликования. — За вами вертушка летит.

— Что?

Пояснять ей не пришлось. Поверх уличного шума и постукивание в двигателе нашей машины я услышал тарахтение вертолётных лопастей.

Опустил окно и высунулся. Вертолёт блуждал между небоскрёбов. Открывать по нему огонь сейчас было глупо. Слишком далеко. А вот попытаться скрыться ещё возможно.

— По переулкам уходи, — велел я, вернувшись на место.

Даня кивнул и на полном ходу, с заносом юркнул в ближайший переулок. Узкий настолько, что даже одной машине там было тесно. Да ещё такой вертлявый, что от поворотов нас замотало по салону.

Заложница, как тряпичная окровавленная кукла, клонилась то на меня, то на Лу. То вовсе падала вперёд. А потом пришла в себя, ошарашено огляделась и забилась в истерике:

— Пустите меня! Пустите! Я ничего не скажу!

Она полезла через Лу к окну, но я вернул её на место.

— Прекрати орать и сиди ровно!

— Зачем я вам? Ну зачем? — разрыдалась она и сжалась. — Я никому ничего не сделала.

— Правда? — рыкнул я.

Хотел ей врезать, но сдержался. Вместо этого стянул с себя маску. Заложница сразу замолчала. Её глаза округлились от ужаса, будто она увидела призрака. Впрочем, для неё это было именно так.

— Что, узнала? — скрипя зубами спросил я.

— Но ты же… Я же…

— Ты ведь понимаешь, что с тобой будет?

— Что у вас происходит? Влад! Завязывай в молчанку играть! — требовала Исида.

— Позже, — коротко ответил я и выключил наушник. Потом наставил автомат на нос заложницы. — Мне было больно умирать, знаешь ли.

— Ты это заслужил, — сглотнув, просипела та.

— Заслужил? Да ты обо мне не знаешь ни хрена. В первый раз увидела! Чем же я два десятка ножевых заслужил?

— Ты же… насиловал их. Трёх девушек. Изнасиловал и убил.

От такого откровения на заложницу обернулись все, а Даня поражённо крякнул:

— Ничего себе!

— Кого, прости, я насиловал и убивал? — удивился и я.

— Трёх девушек. Мне скинули инфу о тебе…

— Влад, Исида требует немедленно включить наушник, — сообщил Олёг.

— Подождёт! — отрезал я, уставился на заложницу: — Кто тебе эту информацию скинул?

— Не знаю. Человек представился «Пустынным странником».

— Влад, она настаивает, чтобы ты ответил. Говорит, это очень важно, — вновь обратился ко мне Олег.

Я включил наушник.

— Слушай, у меня тут очень интересный разговор. Если хочешь пофлиртовать…

— Влад, ты можешь заткнуться хоть на минуту? — осекла меня Исида. — Только не перебивай! Я знаю, кто подстроил покушение на тебя и на Валю. Я просила их не делать этого, но они… Всё из-за бумаг, которые вы вынесли из банка. Они не должны попасть в руки «One Health» ни в коем случае.

— Почему? — переборов желание задать кучу других вопросов, спросил я.

— Двадцать лет назад был убит великий учёный. Он нашёл способ сделать человека неуязвимым к болезням и способного без дополнительных средств носить импланты. То, что ты выкрал, это суть его исследований.

— Мой… Мой отец? — выдохнул я.

— Да! Твой отец! Теперь ты понимаешь, что эти бумаги не должны попасть в чужие руки?

Исида ошарашила меня этой новостью. Но поддых ударила другая. Исида сдала меня, едва не убила. И теперь даже как будто не сожалеет. Всё тот же назидательный тон, всё та же уверенность в собственной правоте.

— А вот эти ребята, кому ты меня слила, почему сами не стырили эти бумаги? Что, не нужны великие секреты, что ли?

— Они зашифрованы. Их не трогали, потому что это стало бы неоправданным риском.

— То есть это ради бесполезных бумажек можно друзей предавать?

— Влад, всё не так просто. Это исследование положит конец всей системы, пойми.

— Но расшифровать его никто не может, — нервно усмехнулся я.

— Пока не может. Пока!

— А ведь я был готов ради тебя на всё. Не думал, что схемки и диаграммки тебе важнее.

— Влад, не отдавай…

Она хотела ещё что-то сказать, но я выключил наушник. Хватит. Я услышал достаточно. Пусть тетради и принадлежали моему отцу, для меня они не имели никакой ценности. Очередное исследование, которое способно перевернуть мир, но никогда не увидит свет. Сказки, в которые верят романтики и дураки, меня не впечатляют.

Тем временем Даня, виляя по переулкам, как заведённый, оторвался от вертолёта и почти добрался до места пересадки. Я лишь примерно понимал, где мы находимся, но сказать точно не мог. Слишком уж все переулки походили один на другой.

— Остановись здесь, — попросил я.

Без лишних вопросов Даня затормозил.

Я вылез из машины и потянулся. Лихая погоня выдалась. Спина, да и всё тело изнывали от глухой боли. Но остановку я сделал не для того, чтобы размяться.

Расправив конечности и попрыгав на месте, я заглянул в салон и схватил заложницу за плечо. Та забилась в истерике, ухватилась за сидение. Не хотела вылезать, словно в машине ей было безопаснее.

— Прекрати уже брыкаться, а то пристрелю, — буркнул я.

И девка притихла. Неуклюже выбралась и уставилась на меня глазами, полными слёз. Не было в ней той красоты, что пленила меня в клубе. Потрёпанная, с рассечённым лбом и ссадинами по всему лицу, рукам, даже коленки умудрилась разбить.

Она ждала, что я её пристрелю? Это было бы честно. Но мне не хотелось лишать её жизни. Она просто дура, которой воспользовались. Сыграли с ней жестокую игру, оттоптавшись на чём-то личном и явно глубоком.

— Беги, чё стоишь? — велел я.

Но девка как будто не услышала. Глядела на меня, не моргая.

— Беги! — рявкнул я.

Она вздрогнула, сделала пару шагов и застыла спиной ко мне. Ждала выстрела?

Я вернулся в машину и хлопнул дверью.

— Едем, — сказал.

И долго смотрел в зеркало заднего вида на девушку, которая так и не шелохнулась, пока мы не скрылись за поворотом.

— Зря ты её отпустил, — повернулся ко мне Олег. — Такая и слить может.

— Да поздно уже. Исида нас всех слила и не поморщилась. Ты сказал Дане, что произошло с Саней?

— Сказал, — хрипло ответил за него Даня.

Мы замолчали и до самой пересадки не проронили ни слова.

У свежих машин нас встретил повеселевший Ваня. Но стоило ему разглядеть наши лица, как улыбка сползла с его лица.

Даня, Олег и я вышли, обступили его. Вполголоса сообщили о смерти брата. Ваня принял новость тяжелее всех нас. Он не видел, как это произошло, не понимал, почему мы не забрали его тело. По мнению Вани мы кинули Саню.

— Брат, мы бы все там легли, — попытался утешить его Даня. Обнял, отвёл в сторону.

А мы с Олегом тем временам принялись перетаскивать золото.

— Мелкий, ты какого хрена сидишь? — окликнул Олег Лу.

Тот так и не вылез из машины. Сидел, уронив голову на грудь, будто спал. Олег подошёл, потряс его. Лу не реагировал.

— Он вообще живой? — спросил я.

Неприятно предчувствие закралось в голову. Вторая смерть за одно задание? Чёрт, это золото становилось слишком дорогим.

Олег открыл дверь. Лу накренился и мог бы вывалится, но Олег подхватил его здоровой рукой. Тут и я подскочил. И уже вместе мы выволокли друга, положили на землю. Смотрели на него, не понимая, что делать дальше.

— Хреново получилось, — прокомментировал подошедший Даня.

Ваня встал рядом, тяжело дышал, но хранил молчание.

— Его нельзя здесь оставлять, — произнёс я. — Давайте его в тачку перетащим, на которой Даня с Олегом поедут.

— Да что ты говоришь? — взорвался Ваня. — А с каких пор ты решил не бросать друзей?

— Брат, не надо, — попытался успокоить его Даня.

Но Ваню несло:

— А почему не надо? Нашего брата он и не попытался вытащить! Знаешь, что с ним теперь будет? Его сожгут и поставят в колумбарии для преступников. А мы даже не будем знать, под каким номером.

— Я не мог рисковать… — слабо оправдывался я, как загнанный в угол зверёк.

— Потому что тебе плевать! На всех нас плевать, на моего брата плевать! И на Лу тебе тоже плевать!

— Думай, что хочешь.

— Знаешь что, Влад? С этим делом разберёмся и в разбег. Я не хочу с такими людьми дел вести.

— Брат, ты не прав… — вновь попытался вмешаться Даня.

— Ты то хоть не лезь! Ты ведь знаешь, что я прав!

Ваня пнул по машине и ушёл. Я не мог его судить. Многое из сказанного я бы даже подтвердил. И от этого на душе становилось так тошно, что хоть в петлю лезь.

Мы с Даней перетащили Лу. Переложили оставшиеся сумки. Подожгли машину, на которой улепётывали из банка. И разъехались.

Ваня долго молчал. Я почти слышал его мысли. Он ненавидел меня и проклинал тот день, когда ввязался в это ограбление. И так натужно сопел, что сидеть рядом с ним становилось совсем неуютно. Будто в любой момент Ваня мог достать пистолет и, не отрывая взгляда от дороги, пустить пулю мне в висок.

Город остался позади, потом и пригород. Мы вырвались на просторы Рассеи и неслись, колёсами вздымая пыль. Только теперь Ваня пробурчал недовольно:

— Чёрт знает что! Саню бросили.

— Прости. Мы не могли его вытащить. Ты можешь думать, что угодно, но мы сами еле выскочили.

— Да понял я, понял. Данька уже всё рассказал. Просто не могу я в это поверить. Всегда знал, что именно так всё будет, но всё равно в голове не укладывается.

— К сожалению, никто из нас не застрахован, — развёл я руками.

— И не говори. Я вот сегодня сон вещий видел, а всё равно не понял ничего.

— Сон? — удивился я.

О том, что Курносовы суеверны примерно так же, как и религиозны, я знал. Но про какие-то вещие сны слышал впервые.

— Да! Я видел, что смерть в чёрных одеждах бежит за тобой. Мы держимся все вместе, но постепенно нас убивают. И вот когда остаёшься ты один, то оказывается, что и у смерти твоё лицо. Вот такая вот шляпа.

Я подумал с минуту, что этим хотел сказать Ваня, но так и не понял, обвинял он меня или нет.

— Я никого из наших никогда бы и пальцем не тронул, — заверил в итоге его.

— Знаю, Влад. Просто сон никак из головы не лезет. И Саню завалили.

Заказчик ждал под одним из тех мостов, которые не рухнули до сих пор лишь чудом. Стоял в одиночестве, весь в чёрном. Издалека напоминал кусок арматуры, вылезшей из земли.

Когда машина остановилась, я достал из сумки с золотом тетради, пролистал их и отправился на встречу.

— Добрый день, — улыбнулся заказчик при моём приближении.

Худой, высокий, затянутый в похоронный костюм, он и вблизи не сильно отличался от арматуры. А бледное лицо с впалыми щеками и глубоко посаженными карими глазами казалось совсем белым. На вид ему было от сорока до девяноста лет. Такие люди не стареют. Они уже как будто родились старыми.

— Добрый, — через силу ответил я.

— Вы принесли бумаги, о которых я просил.

Я приподнял тетради, показывая, что это они. Подошёл ближе и протянул ему. Заказчик немедленно принялся их изучать.

— Отлично, просто превосходно, — приговаривал он.

— Я свою часть сделки выполнил. Как будем поступать с золотом?

— Вы сделали великое дело. Даже не представляете, насколько великое. Моё начальство это ценит, — продолжал урчать заказчик.

— Вы меня слышите?

— Прекрасно слышу, — он поднял на меня взгляд.

И за секунду до выстрела я понял, что меня кинули.

Глава 16

13.06.2110.Сибериан Империал. Федерация Независимых Конгломераций.

Рабочий день в субботу — самое отвратительное, что можно придумать. Шестой день, когда сил ни на что нет, голова едва соображает, а большинство задач выполняются на автомате. Конечно, к этому привыкаешь, да и ничего лучше всё равно не найти. Но всё же, когда перед глазами проплывают сонные сотрудники с пластмассовыми лицами, невольно впадёшь в аппатию, вольёшься в это болото живых машин и ничем отличаться не будешь.

Кира привычно вскользь глянула на часы на хэндфоне, повела затёкшими плечами и продолжила набирать текст. Её строгое неподвижное лицо напоминало восковую маску. Тонкий нос, тонкие губы, тонкие брови. Всё будто застыло навек. И только ясные зелёные глаза выдавали сейчас в ней человека.

Внезапно хэндфон завибрировал. Кира вздрогнула, провела по сенсору на запястье и прочитала сообщение:

«Кира! Мы должны поговорить, это важно! Прекрати меня игнорировать! Я не собираюсь за тобой бегать!»

Писал Максим, бывший парень Киры. Теперь уже точно бывший. За четыре года совместной жизни Кира наконец научилась не боятся его. Пусть он отморозок, пусть возомнил себя едва ли не мафиози, сколотив небольшую банду и вытрясая из мелких лавочников последние копейки «за крышу». Уйти от него было необходимо, потому что Максим перестал видеть в Кире человека. Бесплатную прислугу? Да. Боксёрскую грушу? Тоже да. Безотказную секс-игрушку? Безусловно. Способ расплатиться по мелким долгам? Дошло и до этого. Но про то, что Кира — человек, он забыл напрочь.

Кира уходила от Максима и раньше. Пряталась у тёти, пыталась начать новую жизнь. Но каждый раз Максим находил нужные слова, притворялся, будто всё понял, будто исправился. Становился паинькой, о котором любая женщина мечтает. Цветы, подарки, комплименты. И Кира, как дура, ему верила и возвращалась. Потом жалела, страдала, ревела, закрывшись в ванной и включив воду. И снова убегала. Замкнутый круг, который превратился в один непрекращающийся кошмар. Но теперь ему точно пришёл конец. Две недели свободы. Так долго Кира не держалась ещё никогда.

Максим не сдавался. Он писал и звонил, искал встречи. Поначалу извинялся, вымаливал прощение и раскаивался во всём.

Но когда излюбленный приём не сработал и Максим наткнулся на глухую стену безразличия, в нём закипела злоба. Он принялся угрожать Кире, проклинать и оскорблять её.

Дважды за всё это время ему удалось встретиться с Кирой, подкараулив возле дома. В первый раз он напился настолько, что едва на ногах держался. Принял самый несчастный вид, лишь бы его пожалели. Не получилось. Кира прошла мимо, даже не взглянув в его сторону.

Во второй раз Максим сменил тактику. Дождался, когда Кира вернётся с работы и встретил её на тропинке к подъезду. Пока та прикидывала, как лучше его обойти, Максим двинулся к ней.

— Отойди. Я не хочу с тобой разговаривать, — проговорила Кира и пошла в обход, набирая скорость.

Она успела добежать до двери, но пока ковырялась с кодовым замком, Максим нагнал её, схватил за руку и дёрнул к себе.

— Не тупи, детка. Эта хрень затянулась. Мне же может надоесть за тобой бегать, — эту фразу Максим повторял так долго, что Кира устала ждать, когда же терпение его наконец закончится.

— Пусти! Я устала. Хочу есть и спать!

Кира попыталась вывернуться, но Максим лишь усилил хватку. Кира пискнула от боли и повторила громче, в надежде, что кто-нибудь услышит и придёт на помощь:

— Пусти!

Максим прижал её к стене, схватил за горло. Сдавил так, что она воздуха стало не хватать.

— Я тоже много чего хочу, детка. А если я чего-то хочу, я это получаю. Сейчас я хочу тебя. Это понятно?

Кире было до одури страшно. Она прекрасно знала, что в гневе у Максима нет тормозов. Раньше бы Кира сдалась, смирилась, согласилась бы на всё, лишь бы не испытывать судьбу. Но сейчас она зажмурилась, сглотнула, подавив подступивший к горлу ком, и нащупала в кармане ключи. Зажала их в кулаке, выставив между пальцев.

— А мне плевать, чего ты хочешь! — набралась она смелости и хрипло продавила сквозь пальцы на горле. — Плевать! Да! Я уже поняла, что ты за человек. Мне хватило!

— Да брось! Чё ты ломаешься, как целка? Мы же с тобой оба понимаем, чем дело кончится. Ты всё равно вернёшься.

Он говорил с кривой ухмылкой. Приблизился так, что Кира почувствовала запах многодневного запоя. Отвернулась, не в силах вынести шальной взгляд голубых глаз Максима.

— Чё ты нос воротишь? — оскорбился он. — Чё, забыла, как я из тебя нормального человека сделал?

— Прекрати нести чушь! Совсем крыша поехала?

— Чушь? Да без меня ты никто! Простая дешёвая шлюха. Так что перестань выкаблучиваться. Давай лучше, как в старые добрые…

Максим ухватил Киру за подбородок, повернул к себе. Попытался поцеловать. И тут Кира решилась впервые дать отпор. Подняла руку с ключами и ударила Максима по лицу. Разодрала ему щёку, оставив три красные полосы.

Максим отстранился, схватившись за рану. Рассвирепел, матом заорал. Ринулся в атаку, замахиваясь.

Кира же сжалась от ужаса, застыла, готовая к боли.

Но вместо удара запиликал домофон, открылась дверь, и на улицу вышел сосед. Пока они с Максимом разглядывали друг друга, оценивали, Кира заскочила в подъезд и пулей взмыла на четвёртый этаж, где находилась квартира тёти Кристи.

С того вечера прошло два дня. Максим больше не звонил и не писал, не искал встреч. Кира даже начала думать, что он наконец всё понял и сдался. Но не тут-то было. Сообщение, за ним ещё одно и ещё. Когда Кира сбилась со счёта, начались звонки. Максим сегодня был настойчив, как баран. И пусть Кира не отвечала и не сбрасывала, будто вовсе ничего не слышала, но всё равно не могла сосредоточиться на работе. Назойливая вибрация занимала мысли и сеяла в сердце беспокойство.

И вдруг всё стихло. Только теперь, когда хэндфон прекратился биться в истерике, Киру охватила дикая слабость. На глазах её навернулись слёзы, которые Кира быстро смахнула, лишь бы коллеги не успели заметить. Иначе начнутся расспросы, сплетни, слухи.

Домой идти Кира боялась. Чувствовала, что Максим что-то задумал. И хотя теперь в кармане рядом с ключами лежал ещё и перцовый балончик, уверенности он не прибавлял. Потому, когда хэндфон завибрировал вновь, внутри Киры что-то ухнуло, а сердце вовсе будто замерло.

Звонила соседка. Марта Семёновна. Иногда та просила купить по пути домой лекарства или ещё что-нибудь небольшое. Экономная старушка не любила доплачивать тридцать процентов за доставку. Вот только сегодня Кира была уверена, что речь пойдёт не про таблетки от давления или кошачий корм.

— Алло, да, Марта Семёновна? — Кира старалась говорить спокойно.

— Кира? — прошептала старушка. — Кирочка, ты домой когда приедешь?

— Как обычно, часов в десять. Сейчас ещё минут двадцать и поеду.

— Не приезжай, Кирочка. Не надо.

— Что, простите? — не поняла Кира, но неладное почувствовала совершенно отчётливо. В голове разом вспыхнули сотни догадок и предположений, и загалдели они так, что в ушах зашумело. — Марта Семёновна, что-то случилось?

— Да. Случилось. Не приезжай, Кирочка. Послушай старуху. Нечего тебе здесь делать.

— А куда же мне… — хотела спросить Кира, но связь оборвалась, и фраза прозвучала в пустоту. — …ехать?

Остаток рабочего дня Кира уже не могла думать ни о чём другом. Прокручивала в уме все вероятные варианты, что могли случиться и почему такие важные вещи не сообщила тётя Кристи? Не могла же она ни с того ни с сего обозлиться на племянницу? А что, если Максим надавил на Марту Семёновну? Уже до такого опустился?

Автоконтроллер оповестил Киру об окончании рабочего дня, зачислении зарплаты и штрафе. Каждая минута бездействия была подсчитана и вычтена из оклада в троекратном размере. Вроде бы плохая новость: зарплата и без того крошечная. Но в этот раз Кира даже не взглянула на плашку на мониторе.

Первым делом она выбрала в списке контактов на хэндфоне номер тёти Кристи и прислушалась к гудкам.

Ничего. До самого оповещения, что абонент не отвечает или временно не доступен.

Кира взволновалась не на шутку. Не попрощавшись с коллегами и заказав летающее такси, чтобы не стоять в пробке, она поспешила домой. Не имело значения, что на дорогу ушла половина дневной получки. Медлить она не могла себе позволить.

Покинув флаер во дворе дома и держа на готове перцовый балончик, Кира забежала в подъезд, поднялась на свой этаж. И уже на подходе поняла, что дело плохо. Вырванная с корнем дверь была приставлена к стене, а дверной проём пустовал.

В квартире царил жуткий бардак. Выворочено, разломано и перевёрнуто было всё. Кровати и обивка диванов выпотрошены. Содержимое шкафов и тумбочек устилало пол, а технику вынесли. Пропали моноблок, планшеты, телевизоры. Даже две портативные колонки исчезли. При этом немногочисленные золотые украшения Киры валялись на полу рядом с расколотой шкатулкой.

Кира обошла всю квартиру, кроме дальней комнаты. Интуиция подсказывала: туда заходить не стоит. Но слушать внутренний голос сегодня Кира наотрез отказывалась. Она подошла к распахнутой двери и заглянула внутрь. Тут же из её

груди вырвался оглушительный, раздирающий глотку крик.

Посреди комнаты сидела тётушка Кристи, привязанная к стулу. Лицо её было изуродовано до неузнаваемости: лицо покрывали ссадины и кровоподтёки, разлинованные бурыми трещинами, губы опухли, нос припал к левой щеке. А в остекленевших безжизненных глазах заледенел ужас. Ни одного целого места не осталось на теле тёти Кристи. Ещё влажная от крови изодранная одежда оголила груди и живот. Под стулом разлилась жёлтая лужица.

Ноги Киры подкосились, когда кричать не осталось сил. Она плечом припала к дверному косяку и осела, хрипя от боли. Слёзы хлынули из глаз.

Долго она сидела, надрываясь, стараясь выдавить всё то отчаяние, что поселилось в сердце. Да только бесполезно. От каждого всхлипа пустота внутри будто лишь расширялась.

Кира не заметила, как к ней подошла Марта Семёновна и молча встала рядом. В руках теребила платок. Чего-то ждала. А когда наконец заговорила, то голос её прозвучал блекло:

— Кирочка, ну зачем же ты приехала?

Кира от неожиданности дёрнулась в сторону и повалилась на пол. Взглянула на пожилую соседку, но узнала её с трудом. Невысокая, полноватая, с добрым морщинистым лицом и пучком седых волос на затылке. В голове Киры так всё смешалось, что даже знакомая не первый год соседка показалась совсем чужой.

— Марта Семёновна? — неподатливым языком произнесла Кира.

— Тише, моя хорошая. Будет.

— Это он? — всхлипнула Кира. — Это Максим? Мой бывший?

— Максим… Максима они привезли сюда едва живым. Не думаю, что они его отпустили. Убили, наверное, но не здесь, — скорбно поведала Марта Семёновна.

— Они? — не поняла Кира. — Какие ещё «они»? Кто мог сделать такое?

— Не знаю, Кирочка. Прилетели два флаера, из них вышло человек десять. Все в костюмах, в чёрных очках. Вытащили твоего Максима. Я его еле узнала. Весь в крови, отёкший, смотреть страшно, — Марта Семёновна замолчала, тяжело вздохнула, чтобы успокоиться, и продолжила: — Они заволокли его в подъезд. А потом… Грохот, крики… Когда они ушли, я выглянула посмотреть, что произошло. А тут вот… — она кивнула на дверь в комнату с тётей Кристи. — Я и в скорую позвонила, и в полицию, на очередь встала. Обещали завтра в три часа приехать. А потом тебя предупредить решила. Но ты всё равно приехала.

Кира слушала её, не отрывая взгляда от своих коленей.

Обняла их, прижала к груди, будто это помогало унять боль. И когда соседка закончила говорить, спросила:

— Куда же мне уезжать? Зачем?

— Кирочка, я ведь слышала их вопросы. Всё слышала. Стены-то у нас картонные. Они всё про тебя да про Влада вызнавали.

— Про Влада?

— Да. Он их больше всего интересовал. Где живёт, чем занимается. А Кристи и не знала ничего.

— И я не знаю, — соврала Кира. — Он как уехал, так и не позвонил ни разу.

Марта Семёновна тяжко вздохнула и развела руками.

— Тебе надо поскорее уходить отсюда, пока они не вернулись.

— Куда? — Кира взглянула на соседку так, словно надеялась услышать адрес самого безопасного места на земле.

— Не знаю, Кирочка. Но здесь оставаться опасно.

— Наверное.

Киру разрывало между желанием остаться, навести порядок и позаботиться о том, чтобы тётю Кристи достойно похоронили, и пониманием, что соседка права. И хуже всего было то, что обратиться за помощью не к кому. Подруги не станут укрывать её. Они и во времена ссор с Максимом старательно искали отговорки, лишь бы побыть в стороне. А теперь открытым текстом скажут нечто вроде: «Ну ты же понимаешь, я не могу так рисковать.» и захлопнут дверь перед самым носом.

Гостиница? Наверное, это был лучший из всех вариантов, чтобы переждать несколько дней. Где-нибудь недалеко от дома, чтобы следить за обстановкой.

Марта Семёновна оставалась с Кирой, пока та собирала вещи, помогала укладывать сумку. Впрочем, Кире и брать особо было нечего. Почти вся одежда растоптана, заляпана, разодрана, флаконы и баночки с косметикой разбиты вдребезги. Кира с трудом отыскала чистых вещей на несколько дней. На первое время хватит, а там видно будет.

Перед уходом Кира ещё раз позвонила в полицию и убедилась, что её адрес в очереди. Потом прошлась по квартире и проверила, не забыла ли чего важного. Нашла игрушечную красную «Ferrari» Влада, что завалилась под диван и только потому уцелела. Последний подарок родителей.

Не заглянула Кира только в комнату, где было тело тёти. На это не нашлось сил. Да и зачем лишний раз смотреть на неё в таком состоянии? Это было невыносимо. Но теперь это стало реальностью.

Глава 17

Гостиница «Dandy», которую Кира выбрала, чтобы переждать несколько дней, находилась всего в двух остановках автобуса от дома и занимала цоколь жилой тридцатиэтажки. Обыкновенная ночлежка и приют для ценителей продажной любви в одном флаконе. Сервис соответствовал постояльцам и практически отсутствовал. Зато всё это делало цену номеров достаточно низкой, чтобы не разориться за первую же ночь.

Кира раньше и не замечала этой гостиницы. А теперь, увидев среди ночной темноты тусклую вывеску, с интересом подошла и, не спускаясь ко входу, осмотрела холл через панорамные окна.

Небольшое, скромно обставленное помещение встречало постояльцев днём и ночью, без перерывов на обед. В глубине напротив двери расположилась угловая бежевая стойка. Из-за неё выглядывала одна лишь голова портье — заскучавшей усталой женщины за сорок. Первые глубокие морщины покрывали её лицо, лишённое косметики, в нерасчёсанных волосах до плеч запуталась ранняя седина. А набухшие мешки под глазами ярче слов подсказывали, что портье работает не первую смену подряд и на гостеприимную улыбку можно даже не рассчитывать.

Слева от двери расположились два дивана коричневых дивана под кожу, между ними подпирсли друг друга кофейный аппарат и кулер. А в глубине, за диванами темнел проход в коридор с номерами.

Кира поправила спортивную сумку на плече, спустилась по крутой лестнице в четыре ступеньки и вошла.

— Ты одна? — буднично, но как будто с лёгким удивлением спросила портье.

Кира опешила и даже обернулась. С чего бы к ней так фамильярно обратилась совершенно незнакомая женщина? Но позади не было никого, и лишь дверной доводчик щёлкнул замком, будто отрезая путь к отступлению.

— Я хотела снять номер на ночь, — хриплым слабым голосом произнесла Кира и поразилась, как несчастно это прозвучало.

— Это понятно. На двоих номер?

— Нет. На одну меня.

— Ясно всё, — неожиданно смягчилась портье. Положила на стойку планшет с анкетой и, пока Кира заполняла её, спросила: — Муж, да?

— Что? — испуганно взглянула на неё Кира.

— Да ладно тебе, я всё понимаю. Сама намучилась в своё время, пока не включила голову и не сбежала от этого козла в

другой город. Так что могу дать тебе совет, причём совершенно бесплатно: если ушла, не возвращайся. Иначе будет хуже. Уж можешь мне поверить.

Кира кивнула, не поднимая взгляда, взяла ключ и направилась к коридору с номерами.

— Последняя дверь справа, — крикнула ей вслед портье, подумала секунду и добавила: — Доброй ночи.

По узкому сумрачному коридору Кира прошла до упора и открыла нужную дверь. Она уже была готова ко всему, потому совсем не удивилась, увидев убогую комнатушку с пластмассовой одноместной кроватью да шатким шкафчиком, будто собранным из картона. Тревожным показалось лишь то, что окно, которое в комнате располагалось выше привычного, на улицу выходило почти в ровень с землёй. Любой прохожий мог заглянуть внутрь и без всяких усилий рассмотреть то, чем постоялец занимается. Как в зоопарке каком-то, только вместо зверей — живые люди.

Кроме основной комнаты, на входе в номер была ещё дверь в ванную. Крошечный закуток, где унитаз теснился между душевой кабинкой и угловой раковиной, а на стене висело мутное заляпанное зеркало. Почему-то в голову сразу лезли мысли о том, что обыкновенно постояльцами здесь были проститутки и их клиенты, а вместе с тем воображение рисовало пошлые, мерзкие картины.

Одним словом, номер не выглядел тем самым местом, которое можно назвать надёжным убежищем от смертельной опасности. Но ничего лучше найти сейчас было невозможно. Радовало только то, что завтра выходной. Можно будет привести мысли в порядок и подыскать что-нибудь получше.

Кира не стала перекладывать вещи в шкаф. Просто кинула сумку в угол, достала пижаму и переоделась. А потом легла в чужую кровать, выключила свет. И долго разглядывала тени от разросшихся за окном кустов. Но мысли её были уже не здесь. Она по кругу перебирала события прошедшего дня. Как утром всё было привычно и не предвещало даже незначительных перемен. Чашка кофе, два бутерброда с сыром, дорога до работы и несколько часов рутины. Потом начались все эти сообщения, звонки и, наконец, возвращение домой. И всё по новой, словно где-то среди десятков привычных действий должен был появиться тот самый миг, который исказил всё до неузнаваемости. Но заметить его не удавалось.

Странно, но в какой-то момент Кира поняла, что больше ничего не чувствует. Эмоции исчезли, иссякли до последней капли, оставив в душе зияющую пустоту.

Кира была уверена, что этой ночью не сможет заснуть. И всё

же через час или около того провалилась в темноту.

В следующий раз она открыла глаза среди ночи, вздрогнув от громкого до отвращения весёлого женского смеха за стеной. Ещё что-то говорил басовитый мужской голос, но ни одного слова было не разобрать. Наверное, какие-то пошлости. Вряд лизвучит в такой час может звучать что-то другое.

Кира постаралась снова уснуть, не обращать внимания на соседские прелюдии, но смех казался навязчивее комариного писка. Он блуждал по комнате, витал под потолком и в то же время звучал у самого уха. А когда сменился страстными стонами и размеренным постукиванием, терпение Киры кончилось. Она врезала по стене и громко потребовала:

— Трахайтесь потише, пожалуйста! Здесь люди спят, между прочим!

Но никто на просьбу не отреагировал, и даже наоборот, как будто назло парочка ускорилась. Повторять Кира не стала. Бессмысленно. Хотелось только верить, что закончится это быстрее, чем стонущая девка получит удовольствие.

Раз уж сон откладывался, Кира решила промочить горло. Вода из-под крана не подходила. Ею даже зубы чистить не советовали, да и кто знает, кто и что в этой раковине мыл в последний раз. Лучше дойти до кулера в холле. Можно и в пижаме. Она закрывала куда больше, чем уличная одежда у многих потаскух.

Портье сидела на прежнем месте и что-то набирала на хэндфоне.

— Не спится? — спросила она Киру, когда та подошла.

— Вроде того. С соседями не повезло.

— Что, кричат громко?

— Можно и так сказать. Я воды хотела попить. Можно?

— Пей, сколько влезет, — пожала плечами портье и вернулась к переписке.

Кира задержалась ненадолго у кулера и выпила сразу два стакана воды. Потом выглянула в окно, но смотреть там было не на что. Спальный район ночью казался почти вымершим. Ни машин на дороге, ни людей на тротуарах, и лишь редкие окна высоток горели на чёрных монолитных стенах.

Жуткий день наконец прошёл. Только теперь, спустя несколько часов, Кира могла чуть трезвее взглянуть на случившееся и содрогнуться. Второй раз она бы такого не пережила. Свихнулась бы. Вот так зайти через выломанную дверь и увидеть тётю…

Так страшно Кире было лишь однажды. Двадцать лет назад, когда за одну ночь она лишилась двух самых близких людей.

Тогда Кира мало чего соображала и била ночного гостя просто потому, что хотела отомстить. О брате она думала в последнюю очередь.

Влад… Этот мальчишка появился в семье, когда Кире было всего шесть лет. Она обрадовалась и первым делом, ещё когда он не родился, решила, что будет возиться с братиком, как с куклой. Одевать его, кормить, учить правильно играть со своими игрушками. Но родители держали их подальше друг от друга.

Влада с мамой часто и надолго куда-то увозили. Иногда они могли пропадать и месяц-другой. А Кира оставалась с отцом и необщительной няней.

— Папуль, а Влад что, болеет, что ли? — спросила как-то Кира.

Это случилось, когда мама и Влад впервые уехали больше чем на месяц, а Кире такая разлука давалась всё сложнее. Она уже извела папу и няню вопросами, когда же все уже вернуться. А потом решила поставить вопрос ребром.

— Не думай об этом, милая, — посоветовал папа, будто это пустяк.

— А мама тоже болеет? — не сдавалась Кира.

Вместо того, чтобы сочинить непритязательную, но понятную историю, отец вдруг посадил Киру себе на колено, погладил по головке и рассказал всё как есть:

— Видишь ли, милая, Влад не просто человек. Он прототип человека будущего. Он поможет излечить все болезни и позволит спокойно жить куда дольше обычных ста лет. Но его надо постоянно изучать и наблюдать. Никто точно не знает, как происходит его развитие и не ум… не улетит ли он в другой город от избытка иммунитета.

Кира расплакалась и убежала. Всё, что она поняла из слов отца, это то, что Влад для него гораздо важнее, чем она.

Тогда это поселило в сердце маленькой девочки холод и неприязнь к брату. Она не видела в нём ничего такого, о чём говорил отец. Самый обыкновенный мальчишка. В чём-то даже хуже остальных. Мерзкий, непослушный, избалованный засранец, которому всё сходило с рук. И лишь после гибели родителей Кира поняла, как ошибалась. В ту ночь она наговорила много лишнего, но потом, наблюдая за страданиями Влада, Кира раскаялась в своей чёрствости. Она прониклась к брату, заботилась о нём, пыталась восполнить ему хотя бы часть родительской любви. Она искупала вину, о которой Влад и не помышлял.

Тот страшный вечер в корне изменил жизнь Киры. Как бы со второй попытки судьба не сломала её окончательно.

Кира выбросила стаканчик и отправилась обратно в номер.

Но не успела открыть дверь, как услышала из холла грохот и возмущённый голос портье.

— Новикова Кира Евгеньевна в каком номере? — грозно потребовал кто-то.

Повторять не требовалось. Кира юркнула в свою комнату и заперлась. Сердце колотилось быстрее, чем стучала кровать за стеной. А соображать надо было ещё скорее.

Кира бросилась к вещам, в которых проходила вчера весь день, наспех переодела штаны, а вот рубашку только снять успела. В коридоре послышались быстрые тяжёлые шаги.

Время кончалось. Кира достала балончик с перцовым газом. Приготовилась. Но тут же в голову пришла очевидная мысль: если будет бороться, то подпишет себе смертный приговор. Надо бежать!

Кира кинулась к окну в тот самый момент, когда в дверь забарабанили. Кира распахнула окно, дёрнулась к сумке с вещами. И тут дверь в номер с грохотом вылетела, в проём протиснулись два бугая и ринулись на Киру.

Та машинально выставила руку с баллончиком и, не раздумывая, зажала кнопку. Комната быстро наполнилась едким газом, от которого незваные гости мигом закашлялись и потеряли пыл. Сама же Кира, как по наитию, закрыла лицо футболкой. Но даже так почувствовала, как запершило в горле и защипало глаза. Опустошив баллончик, схватила сумку, Кира вернулась к окну, забралась на подоконник. И вылезла в тот самый момент, когда в номер забежали ещё двое.

Ноги уносили Киру прочь. Она не знала, преследуют ли её, но останавливаться не собиралась. Так толком и не одевшись, не выбросив пустой баллончик. Но куда она бежала, не имела ни малейшего понятия. Лишь бы только подальше от гостиницы.

Она выбилась из сил и окончательно заблудилась уже перед рассветом. В сумерках каждая тень казалась опасной, за каждым углом мерещились враги. Город как будто ожил и решил уничтожить Киру. Чужой город. Злой город.

Кире было что терять: дом, друзья, работа. Всё это до недавней поры она считала самым важным. Но было и то, ради чего она могла оставить всё это позади. Жизнь.

Шаг за шагом Кира всё ближе подходила к мысли, что непременно надо уехать. Немедленно и как можно дальше. Куда? Да хоть в Моссити, к Владу. В прошлый раз они говорили три недели назад. Тогда он настаивал, чтобы Кира переехала к нему, обещал познакомить со своими друзьями и с девушкой. Почему бы сейчас не принять его приглашение?

Так, с первыми лучами горячего Сибирского солнца Кира

нашла выход и самую малость успокоилась. Конечно, ещё в голове и груди её бурлили переживания, но впереди появилась цель. Это мотивировало действовать.

Кира вызвала такси до ближайшего аэропорта, но уже через минуту заказ отменила. Если её так просто выследили в гостинице, то и это узнают. Надо путать следы.

Для начала Кира просмотрела все ближайшие рейсы в трёх аэропортах. Забронировала четыре билета. На Дальний Восток, Урал, Чёрное море и в Моссити. Потом заказала шесть такси, но отправные точки выбрала в ближайших районах. И ещё две машины отправила к себе.

В итоге Кира потратила почти все накопления, которые оставались на счёте, но уже через два часа, когда самолёт оторвался от взлётной полосы, а в животе все органы как будто сползли к копчику, Кира вздохнула с облегчением.

Весь путь до Моссити она проспала. Не помешали ей ни дети на соседнем ряду, ни тучный мужчина с одышкой по правую руку. Давно уже Кира не спала так глубоко. А проснулась лишь когда командир самолёта сообщил о приземлении.

Потом ещё немного толкотни, длинных переходов по путанным коридорам и, наконец, Кира вышла на улицу. Вечерняя жара пахнула ей в лицо вместе со смогом. А пространства пугали своим простором. Огромная парковка, дальний край которой терялся за пёстрыми автомобилями. Терминал, оказавшийся куда больше, чем Кира думала, дугой тянулся от горизонта до горизонта. И гул пассажиров, которых здесь на каждом шагу было столько, что постоянно приходилось сосредоточено вилять, лишь бы в кого-нибудь не врезаться.

Кира с минуту стояла и осматривалась, не понимая, что делать дальше. Но вскоре пришла в себя и позвонила Владу. Гадала, как начать разговор и сообщить, что тётю убили? Как объяснить, почему Кира приехала почти без вещей? Вот только все эти вопросы наткнулись на автоответчик. Второй и третий звонок так же не принесли результаты. Влад не отвечал.

Это усложняло всё. Денег на дорогу от аэропорта до города не хватало. А значит, идти придётся пешком и очень-очень долго.

Глава 18

14.06.2110. Окрестности Моссити. Федерация Независимых Конгломераций.

Я лежал и слушал, как ветер гуляет по полю. Нежными порывами шелестит травой, шепчет, путаясь в обломках моста. Я вдыхал прожаренный солнцем пыльный воздух. Почему-то он пах горелой резиной и ещё чём-то, напоминающим подрумяненное на углях мясо. От этого хотелось есть только сильнее.

Больно мне не было. Но я чувствовал то мерзкое потягивание, которое при малейшем движении превратится в нестерпимую агонию. Так уже бывало не раз, когда в перестрелках я ловил пули грудью. Но раньше очаг этого потягивание находился лишь там, куда пули попали. А теперь, казалось, всё тело стало таким очагом, и я прекрасно понимал, во что это превратится.

Несколько раз я терял сознание и снова приходил в себя. Поначалу слабость была столь сильная, что даже дышать получалось с трудом. Но постепенно организм восстанавливался, органы приходили в порядок, раны зарастали. Я сбился со счёта, сколько времени прошло. День? Два? Может, три?

Хотелось пить. С каждым пробуждением всё сильнее, и в итоге жажда стала невыносимой. Пересохли горло и язык, растрескались и воспалились губы. Тогда я понял, что дольше ждать не смогу, и открыл глаза.

Адская боль в один миг пронзила всё тело, будто в один момент в меня воткнули сотни игл. Я сжался, повернулся на бок и закусил губу, чтобы переждать первый приступ. Дальше будет проще, главное привыкнуть и перетерпеть. Но боль… Даже в глазах от неё потемнело.

Я старался дышать ровно, глубоко. Мысленно унимал самые болезненные места. И боль постепенно стихала.

Когда появилась возможность двигаться, я осмотрел себя. Ранений оказалось всего два. Совсем не то, что я ожидал увидеть. Одна пуля попала в грудь, но, судя по всему, сердце не задела. А вторая угодила в шею, ровно в позвоночник. Видать, и спинной мозг задела, раз тело так на это отреагировало.

Теперь уже самое неприятное было позади. Оставалось вернуться домой, хорошенько наесться и отлежаться. А потом уже буду думать, как выбираться из того дерьма, куда я угодил на полном ходу, и что делать с золотом, которое ещё несколько лет вряд ли кто-нибудь купит. Отмывать такой товар сложно, дорого и долго. Даже когда на слитках нет оттисков, которые разыскивают по всему городу.

Я кое-как встал и, поймав равновесие, увидел свою машину, обгоревшую до угольной черноты. На месте водителя сидел огарок человека. Даже издалека я понял, что это Ваня. Никого другого там быть не могло. А значит, жертвами этого долбанного ограбления стали уже трое.

Подходить ближе мне было тошно, но я хотел убедиться, что в салоне не осталось двух сумок с золотом. Глупо, конечно, но в глубине души у меня всё же тлела надежда, что такое богатство оставили рядом с двумя трупами.

Не угадал. Кузов расстрелянный в решето, перекошенный чёрный труп Вани и на этом всё. Сумки пропали.

Хотелось заорать от отчаяния, но понимание, сколько боли при этом придётся вытерпеть, останавливало. Заставляло давить всё то негодование, что бурлило внутри.

Следом возник новый вопрос? Как отсюда добраться до дома? Пешком идти не вариант. Я помру по дороге уже через пару километров, если не раньше. Разве что позвонить кому-нибудь и попросить меня забрать.

На хэндфоне я выбрал номер Олега и дождался, когда тот ответит:

— Кто? — голос звучал грубо, словно в ответ на спам-звонок.

— Ты что, уже удалил мой номер?

Я еле выдавливал слова. Со скрипом и хрипом обезвоженная глотка вспоминала, как разговаривать, а сухой язык противно корябал по нёбу. Вряд ли я сам бы себя сейчас узнал. Вот и Олег замешкался:

— Влад? Это точно ты? Или это хренова нейросеть?

— Чёрт, Олег, хватит чушь пороть. И без этого тошно. Сейчас видео включу.

Я перевёл звонок на видеосвязь и выставил перед собой руку. На спроэцированном экране над запястьем отобразилось лицо Олега. Он так поражено всматривался в камеру, что я оскорбился:

— Ты меня уже похоронил, что ли?

— Ну, выглядишь ты как покойник, это точно. Скажи мне, что и Ванька там рядом где-то ошивается.

— Нет. Он погиб.

— Ясно, — подавлено буркнул Олег и опустил взгляд. — Мы думали, что вас обоих… Того, — он помолчал немного и спросил: — И золото у вас тоже нет?

— Нет.

— Чёрт возьми! Влад, это капец. Даня в запое, Исида…

— Не говори о ней. Мне плевать, — оборвал я его.

Это имя даже просто услышать сейчас мне было как ножом по стеклу. И дело не в предательстве. Как это ни странно, я винил

себя, что не прислушался к её совету. Отказ больше не казался таким уж невозможным. По крайней мере, крови бы пролилось не больше.

— Понимаю, — выдохнул Олег.

— Ты сейчас в бункере?

— Где же ещё? Сижу и охреневаю от того, что я здесь один. Ни коротышки со своими киношками, ни этой грымзы. Вальку тоже хрен поймёт, когда выпишут.

— Можешь меня забрать? Я сам не доползу.

— Конечно! Чего это я сам не додумался, — хлопнул себя по лбу Олег. — Скидывай координаты.

Я отправил ему геолокацию и собирался окончить разговор. Но Олег окликнул напоследок:

— Влад, слушай… Я рад, что ты жив. Правда.

— Почему-то я не сомневаюсь в этом, — растянул я губы в улыбке.

Олег разъединился.

Новая волна слабости накрыла меня, словно разговор отнял весь тот небольшой запас сил, которые скопились во мне после расстрела. Я лёг на землю и закрыл глаза. Заснуть не надеялся. Просто лежал и прислушивался к ощущениям. Как ноют мышцы, как пощипывают нервы, зудит кожа. И то ли из-за паршивого настроения, то ли просто это было очевидно, но мне казалось, что произошедшее напоминало тот самый бой с предпоследним боссом. Меня смяли, переживали и бросили со скалы. Как всегда. Может, стоило закончить уже эти попытки? Смириться? Найти себе молчаливую жену-интровертку, которая неделями не выходит из дома, устроиться на работу, где все дни похожи один на другой, а коллеги в перерывы на обед хихикают над свежими мемами. Прожить так какие-нибудь сто двадцать лет, а потом переехать на Луну, где к тому времени построят город, обещанный ещё в середине прошлого века. Чем не хорошая жизнь? Скучная и простая, без всяких рисков очутиться посреди Рассеи с пулей в груди.

Я уже представлял маленькую квартирку на окраине Моссити, где на какой-нибудь из стен висел бы морской пейзаж. Даже видел, как, не отрывая взгляда от новостной ленты, из комнаты на кухню и обратно курсирует жена в мешковатой домашней одежде. Но низкий голос Олега разрушил вдруг этот кошмар:

— Ты живой?

Я открыл один глаз и увидел на небесно-голубом фоне озадаченное лицо друга. Правое плечо его было перемотано, но в остальном выглядел он бодро.

— Ты б ещё палкой ткнул, — проворчал я, поднимаясь.

Олег помог мне сесть в машину, а сам оглядел то, что осталось от Вани. Покачал головой и вернулся со словами:

— Надо бы Дане об этом сказать. Что ж ты не говорил, где будет встреча? Мы бы давно вас забрали.

Ответить мне было нечего. Рассчитывал, что всё пройдёт как по маслу. Обычно я никогда не говорил, где встречаюсь с заказчиками. Кто же знал, что в этот раз меня кинут? Кроме Исиды…

Путь домой дался мне не легко. На кочках и выбоинах я изнывал от боли, несколько раз потерял сознание. Причём совершенно не важно было, гнал ли Олег, утопив педаль газа до упора, или наоборот, пытался аккуратничать. Всё равно я вспомнил добрым всех и всё, пока мы не юркнули в гараж и не остановились.

Олег заботливо подстраховал меня по дороге до комнаты. А там уже я с огромным удовольствием упал на кровать и немедленно заснул.

Когда вновь продрал глаза, увидел рядом складной стол, ломящийся от всякой вкуснятины. Мясо, колбаса, сыр, выпечка, соки и морс. Я и не думал, что у нас это есть. Или Олег купил столько всего для меня? Впрочем, сейчас это волновало меня в последнюю очередь. Желудок призвал немедленно его наполнить, и я не возражал.

Еды только на первый взгляд казалось много. Стоило начать, как всё стремительно закончилось. И, надо сказать, я не наелся. Не хватило ещё пары кусочков колбасы, наверное. Но настроение моё, как и самочувствие, заметно улучшились.

Я открыл хэндфон проверить почту и увидел десяток пропущенных звонков от Киры. Что за срочность заставила её так настойчиво мне названивать? Откладывать разговор я не стал, пусть и хотелось поваляться ещё часок-другой.

— Слава Богу, ты ответил! — Кира сняла трубку почти сразу. — Господи, Влад, я уже думала, они и до тебя добрались. Не знала, что делать. Звонила тебе, звонила, а там всё этот долбанный автоответчик.

— Кто добрался? Зачем? — нахмурился я. В голове прояснилось не достаточно, чтобы разобраться в Кирином потоке сознания.

— Я не знаю, кто это такие, но они убили тётю Кристи и идут за тобой.

— Стой! Что?

— Они убили тётю Кристи, — дрогнувшим голосом повторила Кира.

— Да что ж такое?! — вспылил я. — Какого лешего всё это решило случиться в один день? Просто звездец какой-то!

— Влад, ты о чём?

— Не важно. Это долгая история. Надеюсь, у тебя там есть к кому обратиться за помощью? Я сейчас не могу прилететь.

— Я в Моссити, — скромно сообщила Кира, будто заранее оправдываясь.

Но для меня это была прекрасная новость. Единственный лучик во всём этом непроглядном мареве. Увидеть сестру. Наконец-то она рядом, а я уж сделаю так, чтобы ни одна тварь не причинила ей вреда.

— Нам надо встретиться! — заявил я. — Ты где сейчас? Есть время?

— Я… Я не знаю тут ничего. Скажи, куда мне приехать?

— У тебя есть рядом какое-нибудь кафе или что-то в этом роде? Скинь мне геолокацию и жди там.

— Тут через квартал стоит какая-то одноэтажная закусочная.

Кира отправила мне координаты и уже через полчаса я нёсся на флаере к городу. Олегу долго объяснять в чём дело не пришлось. Когда речь зашла про Киру, он поморщился и сказал, что плохо её помнит. Ещё бы! Она винила его во всех моих неприятностях и норовила отчитать даже тогда, когда отчитывать ещё было не за что. Олег же вечно дразнил её старой грымзой. У них была любовь настолько сильная, что со временем она вряд ли забылась.

Место, где ждала меня Кира, находилось на границе пригорода и Рассеи в Балашиха Дистрикт. Небольшая закусочная, собранная из секций на подобии контейнеров, с яркой вывеской в виде вертела с мясом и надписью «Open» на входной двери. И подавали здесь дрянь, от которой все кишки в узел сворачивались. Шаурма, суши, шашлыки и всё из синтмяса такого качества, что консервы столетней давности могли показаться здоровым питанием.

В зале на десять столиков я легко нашёл Киру. Она сидела в дальнем от кухни углу, смотрела в окно и пила кофе из бумажного стаканчика. Повзрослела с последней нашей встречи, но всё равно осталась нежной и хрупкой девушкой. Десять лет прошло, столько всего изменилось. Как будто целая жизнь миновала. А я всё равно смотрел на неё, как на старшую сестру. С уважением и уверенностью, что она знает ответ на любой вопрос и всегда делает правильный выбор.

Кира встала мне навстречу и улыбнулась, крепко обняла меня.

— Как же я рада, Владик, что ты в порядке, — сказала.

А я лишь хмыкнул и сел за стол. Назвать порядком последние события в моей жизни язык не поворачивался.

— Я тоже соскучился по тебе, — признался я. — Почему же ты раньше не приезжала? Я столько раз предлагал. Билеты бы купил, встретил бы.

— Дела были… Не знаю. Не могла выбраться, вот и всё. Или не хотела.

— Ладно, — я не стал давить. Эта тема оказалась для неё слишком больной. — Ты говорила про тётю Кристи. Это серьёзно?

— Конечно, серьёзно, Влад! Я бы в жизни такими вещами шутить не стала.

И Кира пересказала всё то, что произошло перед её отъездом из Сибериан Империал. А я только и успевал удивляться, как одновременно неприятности настигли нас обоих. Какое-то родовое проклятие, не иначе.

— … В итоге я переночевала на какой-то картонке под автострадой. А утром позвонил ты. Вот и всё, — закончила Кира свою историю. — Понимаю, как это всё звучит, но я боялась там оставаться. Наверное, ты думаешь, что это какая-то дичь…

— Нет-нет, вовсе нет. Я и сам в такую жопу попал, что пока даже не представляю, как из неё выбраться. Поэтому… Не знаю. Если они нас ищут, то рано или поздно найдут. Надо быть к этому готовым, — я блуждал потерянным взглядом по столу и пытался заставить ослабевшие извилины шевелиться. — Мы что-нибудь придумаем. А пока… Тебе нужно сменить счёт и айди. Иначе вычислят быстрее, чем допьёшь этот стакан кофе.

— Это дорого? У меня деньги кончились, пока следы путала. На счёте пятнадцать рублей всего.

— Не волнуйся. Если знать как, это можно сделать почти бесплатно. Дай мне свой хэндфон.

Кира сняла браслет с руки и протянула мне. На своём хэндфоне я зашёл через чистые порты на сайт серых аккаунтов и в считанные секунды купил всё необходимое. Потом с хэндфона сестры вскрыл протокол безопасности, изменил пару цифр. Потом авторизовался в новых аккаунтах.

— Вот и всё. Я кину тебе тысяч двадцать. У самого сейчас не густо, так что больше не получится.

— Влад, спасибо тебе огромное. Даже не думала, что всё так просто.

— Не парься. Скажи лучше, ты ко мне в бункер поедешь? Или в городе осядешь?

Кира задумалась на секунду и спросила, нахмурившись:

— Он ведь в Рассеи, да?

— Точно. Там гораздо безопаснее, чем в городе. И если

незваные гости придут, то мы дадим им лещей на всю зарплату.

— Я никогда в Рассеи не была и как-то, знаешь, не тянет. Ты извини, но я лучше где-нибудь в городе жильё сниму.

— Как хочешь. Главное, будь на связи, — развёл я руками.

Мы посидели ещё часок и поболтали обо всём на свете. Оказалось, что по телефону Кира не упоминала и о половине своих новостей. Да и о важном рассказывала вскользь и в общих чертах. Зато теперь её жизнь для меня наполнилась красками и подробностями.

— Влад, я когда убегала, захватила вот это, — перед тем, как попрощаться, Кира достала мою красную машинку. — Я помню, как ты переживал, что оставил её в Сибири. В общем, возвращаю в целости и сохранности.

Я протянул руку и осторожно коснулся стального кузова, который запросто помещался на ладони сестры. Столько воспоминаний связано с этой машинкой. Хорошими их не назвать, но они яркой вспышкой оживили дни из далёкого детства. Наверное, сейчас для них было не лучшее время. Но и отказаться от машинки я не мог.

— Спасибо. Это важно для меня, да.

И мы разошлись. Кира обещала сообщить новый адрес, как только найдёт подходящее место. Денег, что я ей перевёл, должно было хватить и на аренду средненькой студии и на первое время. Так что я не переживал, что Кира будет ночевать непойми где.

А сам я вернулся в бункер, закрылся в своей комнате и долго сидел на кровати, разглядывая игрушечную «Ferrari». Снова она появилась в моей жизни в самый тяжёлый момент. Снова я потерял почти всех, кем дорожил. И снова не понимал, как жить дальше. А в руках всё та же машинка.

Внезапный прилив гнева помутил мой рассудок. Я и понять не успел, как швырнул машинку о стену. Детали от неё разлетелись в разные стороны. И пускай! Но один обломок явно отличался. Мне даже показалось, что это какой-то чип. Флэшка? Кто вообще ещё пользуется флэшками? Они лет семьдесят, как стали старым хламом.

И я угадал. На полу недалеко от места крушения машинки валялся чип с USB-входом.

Глава 19

Чип удивил меня настолько, что все прочие мысли отступили на задний план. Откуда он там взялся? Его Кира подложила? Или те люди, которые ворвались к ней домой? Почему тогда спрятали машинку под диваном? Ведь если это жучок, то Кира вовсе могла его не найти.

Чтобы не теряться в догадках, я набрал новый номер Киры, но решил зайти издалека.

— Привет, как ты? Уже нашла что-нибудь подходящее?

— Привет, Влад. Пока не успела. Выбрала несколько объявлений об аренде. Сейчас как раз еду на первый адрес. Не знаю, как там соседи, но на фотках квартира выглядит неплохо.

— Надо было тебе всё-таки в бункере поселиться. Не пришлось бы так заморачиваться да и мне спокойнее бы было.

— Влад, пожалуйста, только не начинай уговаривать. Пустошь для меня это что-то такое дикое и страшное, от чего стоит держаться подальше. Уж лучше я в городе останусь. Тут, по крайней мере, люди вокруг есть.

— Как знаешь, дело твоё. Но если что, у меня куча свободных комнат. Если надумаешь, я буду только рад. Слушай, я спросить хотел. По поводу машинки. Ты ничего в неё не клала? Чипа там, или ещё чего-нибудь такого.

— Не-ет, а что? — заинтриговано протянула Кира.

— Да так. Просто сидел, её разглядывал и что-то такое заметил. Не знаю, может, просто показалось, — приврал я. Не говорить же, что расколотил вещицу, которую она так бережно хранила всё это время.

А у Киры немедленно возникло предположение:

— Влад, а может, это жучок какой-то? Может, те люди, кто за нами охотится, подсунули его в машинку, чтобы знать, где мы?

Я покрутил чип в руках, но ничего похожего на жучок не увидел. Для передачи сигнала должна быть антенна и батарейка, а тут просто плата с транзисторами. Если это и жучок, то из тех, которые даже на чёрном рынке не достать.

— Вряд ли. Думаю, это какой-то мусор. Попробую его вытащить и проверить.

Что ж, по крайней мере, одной версией меньше. Разобраться с остальными было бы проще, если бы Исида сидела в соседней комнате. Впрочем, вся её техника до сих пор стояла в соседней комнате. Вдруг среди кучи аппаратов неизвестного предназначения там найдётся то, что мне надо?

Компьютеры Исиды по прежнему были включены, хотя

мониторы потухли, и комната погрузилась в непривычный мрак. Я подошёл к столу и дёрнул за мышку, отчего все экраны вспыхнули в один момент.

— И куда тут что пихать? — пробормотал я, разглядывая беспорядок на столе.

Какие-то винчестеры, адаптеры, переходники, от которых к системному блоку змейками тянулись провода. Были тут и головоломки из проволоки, и фигурки персонажей из игр, стикеры с корявым убористым почерком, даже кружка с недопитым чаем. Исида, может, и разбиралась, что здесь где лежит, но меня это ввело в ступор.

Я решил действовать наугад. Брал каждый адаптер или переходник, искал отверстие и пытался воткнуть свой чип. Напоминало это занятие ответ у доски, когда не выучил домашнее задание и пытаешься припомнить, что вы проходили на прошлом уроке. Перебираешь, перебираешь и снова перебираешь, пока учителю не надоест и он не влепит заслуженную двойку. Хотелось только надеяться, что никто в этот момент в комнату не войдёт.

Я перебрал все переходники, и лишь последний оказался именно тем, куда чип вошёл как родной. Тут же что-то пиликнуло, и на одном из мониторов отобразилось окошко с файлами. Формат большинства из них компьютеру Исиды был неизвестен. Остальные же представляли из себя текстовые файлы.

Я ткнул на первый из файлов. Открылся блокнот со списком. Каждый пункт состоял из набора цифр, наукообразным словом и ссылкой на «Тетрадь #2» или «Терадь #4», или ещё на какую-нибудь тетрадь с точным указанием страницы и строчки.

Не требовалось становиться гением дедукции, чтобы понять, что всё это было связано с теми документами, что я отдал заказчику. И вдруг вся эта подстава заиграла новыми красками. Я не придавал тетрадям какого-то значения, потому что расшифровать их всё равно никто не мог. А теперь ключ от них был у меня в кармане, но пользы от него никакой.

Я блуждал глазами по спискам то в одном файле, то в другом и постепенно приходил к простой, но очень интересной мысли. Денег у меня сейчас было в обрез, Исида настолько переживала за это исследование, что чуть меня не прикончила. Так может, она заплатит за ключ? Всё лучше, чем ничего. А если её друзья так волнуются за судьбу человечества, то, наверное, найдут пару миллионов за такие важные документы.

Оставалось только найти смелость позвонить Исиде. Вдруг это будет выглядеть, словно я простил ей двойную игру? Я даже не был уверен, стоит ли продавать этот чип.

За подсказкой, а ещё за тем, чтобы немного спихнуть с себя груз ответственности, я отправился посоветоваться с Олегом. Он как раз готовил на кухне ужин. Положил тарелку с тройной порцией мяса на стол, а сам у барной стойки замешивал протеиновый коктейль.

— Приятного, — буркнул я и сел.

— Ага, спасибо. Кушать будешь? А то тут немного осталось, в меня не влезет, — кивнул он на противень с небольшим куском мяса, которому почему-то в тарелке не нашлось места.

— Не, что-то не охота. Я тут нашёл кое-что. Гляди.

Олег повернул голову, но, увидев в моей руке чип, скривился.

— Если это то, о чём я думаю, то лучше выкинь и помой руки. И вообще, нечего на кухню всякую гадость тащить.

— Уж не знаю, чего ты там себе навыдумывал, но это чип с информацией.

— А-а-а, тогда ладно. Но мне это всё равно ни о чём не говорит.

— Да и мне, честно говоря, тоже. Нашёл его в машинке, которую мне когда-то подарил отец. Вот думаю теперь, что с этим делать.

Олег закончил смешивать коктейль, перелил всё в стакан и сел к своей тарелке.

— Если там что-нибудь ценное, то можно и продать, — рассудил, отрезая первый кусок.

— Не знаю, насколько это ценно. Может, вообще ничего не стоит. Но мне кажется, там находится то, что искала Исида.

Олег на мгновение замер, не донеся вилку до рта, и предположил:

— Меч Повелителя Драконов?

— Не. Не совсем. Это вообще не важно и я даже не уверен, что я прав.

— Ну так позвони ей и спроси, сколько она заплатит за то, не знаю что.

— После всего, что она сделала?

Олег молчал. Тщательно работал челюстью, пережёвывая очередной кусок. Потом сглотнул и просто сравнил:

— Ну ты же не просишься к ней носом в трусы залезть. Бизнес есть бизнес. Если она сможет хорошо заплатить, то почему нет?

Слова Олега меня немного взбодрили. В качестве благодарности я перестал ему мешать и оставил наедине с мясом. А сам вернулся в свою комнату, заперся и нашёл в списке контактов на хэндфоне номер Исиды. Поколебался для приличия и всё же нажал «Вызов».

— Влад? Ты? — удивилась она.

— Да. Дело есть. Можем встретиться? — отрывисто проговорил я, чтобы не позволить просочиться даже намёку, будто мне она не безразлична. Получилось грубовато, но оно и к лучшему.

— Конечно. У тебя что-то случилось? Как ты вообще? Я слышала…

Я скинул вызов и отправил ей адрес той кафешки, где несколько часов назад встречался с Кирой. Достаточно убогое место, чтобы никто из нас не решил, что это свидание.

И, конечно же, я явился на встречу с опозданием. Хотел, чтобы Исида ждала меня и ломала голову, о чём пойдёт разговор. Понимал, что веду себя, как обиженная девчонка, но ничего не мог с собой поделать.

Исида ждала меня вся в чёрном. Даже капюшоном закрыла белые волосы. И на меня взглянула совсем не так, как я надеялся. Холодно и выжидающе. Как на человека, который ничего для неё не значит, но что-то от неё хочет.

— Тут кофе хороший. Я думал, ты попробуешь, — начал я разговор с первого, что пришло в голову.

— Спасибо, я уже попробовала и выплюнула всё обратно в стакан, — колюче сообщила Исида.

— Очень интересно.

— Будешь продолжать прелюдии или наконец перейдёшь к делу?

— Да, перейду. Просто надеялся услышать извинения или что-то вроде того.

— Влад, ты такой наивный, я не могу! — издевательски рассмеялась Исида. — Ты считаешь меня предательницей, но сам же назначаешь встречу, чтобы я извинилась? Серьёзно?

— Вообще-то я тебя не за этим позвал. Но просто интересно, как оно у тебя в голове всё устроено. Вдруг, не знаю, совесть мучает, — принял я её тон.

— Совесть меня мучает только из-за того, что не дала тебе вовремя подзатыльник и не заставила отказаться от этого дела. Хоть теперь ты не станешь спорить, что тебя кинули?

— Не стану, — скрипя сердце согласился я. — Но из-за твоей лживой натуры меня и Валю чуть не убили. Это тоже не очень, знаешь ли, круто.

— Да, тут я налажала, есть такое. И вот за это извинюсь. Но это не предательство!

— А что же? — с вызовом подался я вперёд.

— Скажу тебе твоим же языком: малыш, это всё было ради нас. Просто переборщила.

— Ты передёргиваешь! — откинулся я на спинку стула.

— Ну, ясно. Я, короче, главное зло. Только объясни мне тогда, ангелочек мой белокрылый, какого хрена по моей вине никто не погиб, а от твоего упорства уже трёх человек не стало? Даня Курносов как теперь жить будет? Он и не представлял, небось, что из всей троицы останется один. Но да, проще всего обвинять во всём меня, — выпалила Исида.

И самое гадкое, что на всю эту тираду я не знал, что ответить. Исида ударила по самому больному и сделала это так расчётливо, что мои челюсти сжались от немого протеста. Спорить с этим было противно, да и аргументов я уже подобрать не мог.

В итоге посидел немного, натужно сопя. Осматривал полупустой зал, лишь бы не видеть торжество победы в глазах Исиды. Почему-то я думал, что она непременно наслаждалась этим. Но когда я взглянул на Исиду вновь, то увидел печаль и тоску. Ни следа торжества, ни капли радости. Говорить об этом ей было не менее больно, чем мне. И сердце моё смягчилось.

— Прости. Ты права. Я полный идиот. Но ты же могла мне всё объяснить нормальным языком. Неужели ты думаешь, что я бы не понял?

— Не понял бы. Ты не хотел ничего понимать и никого не слушал. Сколько раз я тебе говорила, что это ловушка? А что ты всё время отвечал? Всё нормально, просто совпадение, — передразнила она меня.

— Наверное, ты права, — принял я и этот удар.

— Влад, я люблю тебя. И если бы ты хоть раз это вспомнил бы и послушал…

— Ну, хватит. И без того тошно. В любом случае, теперь уже ничего не изменить.

Исида протянула руку и легко коснулась моей ладони. Холодная кожа на кончиках её пальцев будто разрядом тока пронзила моё тело, мурашки пробежали по спине. Хотелось большего, но сейчас это казалось сродни капитуляции. И я не хотел окончательно превратиться в её глазах в тряпку.

— Не вини себя, Влад, — нежно произнесла Исида. — Ты попал в игру людей, которым ничего не стоит уничтожить человека. Я бы сказала, что мы ещё легко отделались.

— Да уж. А ещё я отдал им те бумаги.

— Ничего страшного. Ты был прав, их вряд ли получится когда-нибудь расшифровать. Ещё одно великое открытие, которое могло перевернуть мир, но так и осталось загадкой, — поглаживала мою руку Исида, пытаясь заглянуть мне в глаза.

Но я упорно не отрывал взгляд от стола и набирался духу.

— А если бы я сказал, что у меня есть ключ?

Исида замерла. Убрала руку и подалась вперёд:

— Ты сейчас шутишь?

— Вот, — я достал чип и положил перед собой. — Я нашёл это в машинке, которую подарил мне отец в день своей смерти.

— Серьёзно?

— Да, я посмотрел на твоём компьютере, что там находится. Мне кажется, это именно то, что ты искала.

Исида изменилась в лице, и я при всём желании не мог понять, что она сейчас чувствует. Злость? Радость? Огорчение? Казалось, всё сейчас смешалось в том взгляде, с которым она разглядывала чип.

— А раньше ты не мог его найти? — укорила она меня, растягивая слова.

— Нет. Кира только сегодня отдала мне ту игрушку, а я… В общем, я её разбил её об стену и нашёл чип.

— Кира? Твоя сестра? Она же в Сибири живёт, разве нет?

— Теперь нет. Какие-то люди охотятся на неё, убили нашу тётю и пытаются… Кира сказала, что они ищут меня.

Исида нахмурилась, стала серьёзной. Взяла меня за руку и твёрдо произнесла:

— Они решили закрыть проект окончательно. Чтобы никто и не помыслил его возродить. И то, что они пока не знают, что ты — это ты, просто вопрос времени. Влад. Если они пошли в наступление, значит, мы на пороге чего-то очень страшного.

— Почему-то я тебе верю, — признался я. И пусть меня переполняли сомнения и хотелось отпустить неуместную шуточку, я всё же решил не перечить Исиде хотя бы сейчас. — Но тетради…

— Я должна тебя кое с кем познакомить. Пойдём.

Исида быстро собралась, встала и направилась на выход. А я попытался не отставать.

Глава 20

За всю дорогу до места, которое Исида хотела мне показать, она не сказала ни одного лишнего слова. На все мои вопросы отвечала одно и тоже:

— Когда приедем, сам всё увидишь.

И лишь подсказывала, где и куда поворачивать.

Так мы пересекли город насквозь и на западных окраинах спустились на подземный уровень. Когда-то эту сеть начинали строить, чтобы разгрузить район, но так и не довели дело до конца. Появился новый вид личного транспорта — флаеры. Все, кто могли повлиять на городские службы и требовали продолжать строительство, пересели на летающие машины и напрочь забыли о пробках. А заторы так и остались вечной проблемой запада.

Как и во многих недостроях, охрана сети подземных дорог была только на бумаге. Ограждения разобрали сразу после их установки, и каждый желающий стал сокращать путь по тем туннелям, которые уже были завершены. Но постепенно сеть застраивалась трущобами, куда стягивались бездомные со всего Моссити. Город нищих в считанные годы заполнил все мало-мальски пригодные для жизни уголки подземки и, пользуясь нежеланием Моссити замечать проблемы, стал практически независимым государством с населением в несколько десятков тысяч отщепенцев. Со своими законами, со своими властями, со своей армией готовых на всё отморозков. И чужаков здесь не любили.

Ехать по подземному городу мне было неприятно. Шестиполосные дороги, застроенные мрачными хибарами, где с трудом протискивались редкие автомобили. А двухполосные ответвления перестали быть проезжими, полностью увязнув в палатках. Но кое-что беспокоило меня больше тесноты и спёртого грязного воздуха. Я чувствовал, что на нас постоянно оборачиваются и провожают взглядом с вопросом: «Какого чёрта ты здесь забыл?».

— Что-то я сомневаюсь, что нам здесь помогут, — озвучил я свои подозрения после третьего поворота, когда стало ясно, что в случае чего я даже развернуться не успею.

— Только здесь нам и помогут, — коротко парировала Исида и указала на новый поворот.

В самой глубине сети, где обитали люди, ни разу в жизни не выбиравшиеся на поверхность, находилось многоэтажное техническое помещение. Там должен был располагаться центр контроля за движением, но во что это место превратилось при

новых хозяевах, оставалось лишь гадать.

Здесь мы и остановились. Рядом с одинокой синей дверью, которую охраняли два человека в боевых экзоскелетах. Такие штуки я видел только в кино и уж точно не думал, что встречу среди отбросов. Но ребята выглядели как машины для убийств, и это подбавило мне тревоги.

— По-моему, нам здесь не рады, — поделился я с Исидой своими опасениями.

— Здесь всем не рады. У них работа такая.

— Так может, нам лучше уехать?

— Не лучше. Возьми уже себя в руки. Ведёшь себя хуже девчонки.

Я выдохнул и вылез из машины вслед за Исидой.

Она пружинящим лёгким шагом подбежала к охране и что-то вполголоса проговорила, показывая на меня пальцем. Те отвечали тихо и коротко. По лицам было ясно, что им плевать и на неё, и на меня, и вообще хочется лишь того, чтобы смена поскорее закончилась. Так что через пару фраз Исида обернулась ко мне, всё так же стоявшему у машины, и позвала:

— Ну, чего ты там застрял? Давай быстрее.

Затея нравилась мне всё меньше. Видя, какие люди меня здесь окружали, я совершенно точно понимал, что стоит мне оставить машину, как с неё снимут всё, вплоть до боковых зеркал. Но раз уж я решил довериться Исиде, сейчас было не лучшее время, чтобы давать заднюю.

За дверью оказался удивительно чистый для этих мест коридор. Множество дверей по обе стороны были закрыты, но за ними звучали отголоски разговоров, обрывки телепередач, фильмов, где-то звучало музыка, а за некоторыми и вовсе раздавался храп.

— Здесь жилые комнаты, — пояснила Исида, когда мы поравнялись. Потом взглянула на меня и звонко рассмеялась: — Да расслабься ты. Такой напряжённый, как будто я тебя на эшафот веду.

— Ну да, — многозначительно буркнул я.

— В смысле? Ты правда думаешь, что я тебя веду в ловушку? — игриво возмутилась Исида, остановилась.

Застыл на месте и я.

— Иси, я не думаю сейчас вообще ничего, но это всё странно. Здесь живут дикари похлеще гопстеров. Как они могут нам помочь?

— Здесь живут разные люди. Есть наркоманы, шлюхи и прочие алкаши. А есть те, кто решил пойти против системы, и система их выдавила.

— А, понимаю, непризнанные гении, которым злые капиталюги подрезали крылья, — усмехнулся я.

Но Исида не оценила. Смерила меня ледяным взглядом, от чего ухмылка не сползла с моего лица, а потом напомнила так колко, будто нож в меня вонзала:

— Ты сам для системы лишний человек. Забыл? Тебя точно также выдавили, чтобы не мешался. Просто попал ты не сюда, а в пустошь.

— Ладно, ладно, я понял, — поднял я руки. — Прекращаю нудеть и иду молча к господину гению.

Исида закатила глаза, всем видом показывая, что обо мне думает, и пошла дальше.

Коридор упирался в лестничную клетку, и мы, как оказалось, были на нижнем этаже. Поднялись два пролёта и вышли в просторный зал, напоминающий какой-нибудь центр управления полётами. Одна стена скрывалась за огромным экраном, собранным из небольших панелей. Перед ним полукругом выстроились несколько рядов столов и кресел. А за ними, с другого края зала находилась небольшая кухонка и столовая. Впрочем, как бы не выглядел зал технологично, ни экран, ни встроенные в стол голопроекторы не работали. Может, просто были выключены, но у меня сложилось впечатление, что ничего из этого уже не работает и осталось в наследство от прежних хозяев.

Людей здесь собралось немного, и все либо что-то записывали, либо просто тихо разговаривали.

— Тут что, на Марс лететь собираются? — пошутил я.

Но Исида сделала вид, будто ничего не услышала. Провела меня к неприметной двери сбоку от экрана, и через неё мы попали в новый коридор. Прошли мимо трёх плотно закрытых дверей и остановились возле четвёртой. Исида постучала и, заглянув внутрь, спросила:

— Виктор Игоревич, к вам можно?

— Лика, ну что это такое? Ты же прекрасно знаешь, что у меня мало времени. Это срочно? — прозвучал в ответ приятный голос, явно уставший требовать от Исиды дисциплины.

Но смутило меня другое:

— Лика? — удивился я.

Исида вновь не обратила на меня никакого внимания.

— Это очень срочно. Это так срочно, что вы даже не поверите! — продолжала она говорить с таинственным Виктором Игоревичем.

— Ладно, так и быть. У тебя пять минут.

Исида распахнула дверь и втолкнула меня в небольшой

кабинет. Может, раньше здесь и было много места, но теперь всюду стояли серые архивные шкафы. Напротив входа расположился большой стол с двумя вогнутыми мониторами, за которым сидел Виктор Игоревич. Из-за короткой седой бороды я бы сказал, что ему перевалило за шестьдесят, но ясные голубые глаза заставляли сделать скидку лет на десять. Весь вид Виктора Игоревича говорил о том, что к науке он имел самое тесное отношение. Может, даже занимался ею профессионально. Но что заставило его перебраться сюда?

— Лика, а зачем ты привела сюда Новикова? — спросил он, хмуро меня разглядывая. Но от следующей фразы я едва не уронил челюсть: — Он ведь не закончил процесс регенерации. Ему надо сейчас отдыхать и побольше есть. Неужели это не могло подождать?

— Нет, не могло. Влад, расскажи ему, — толкнула меня локтём Исида.

— Что рассказать? — прикинулся я дурачком.

С чего вдруг я вообще должен был что-то рассказывать человеку, которого видел впервые? Уж лучше бы он для начала объяснил, откуда знает про меня такие подробности? Я даже не всех друзей посвещал в такие особенности своего организма. Но, судя по всему, на мои вопросы никто здесь отвечать не собирался.

— Он нашёл чип, на котором находится ключ от документов по альфа-моду! — выпалила Исида, будто ничего лучше в жизни не говорила.

— Лика, это невозможно. Женя если и оставил его, то спрятал достаточно хорошо, чтобы никто не нашёл. Да и откуда Владу знать, что это именно ключ? — не разделил её радости Виктор Игоревич.

— Да! Почему ты так решил? — поддержала его Исида.

— Какая вообще разница? Там ссылки какие-то на тетради, куча файлов непонятных. Мне кажется, это ключ. А уж так оно или нет, думайте сами. Просто заплатите мне за эти документы и разбежимся.

— Мне надо посмотреть, что это такое. Можно? — спросил Виктор Игоревич.

— Можно. Только давайте сразу договоримся, что потом вы не начнёте юлить. Я этого не люблю. Сразу скажите, готовы ли вы мне заплатить за это, скажем, три миллиона?

— Три? — повторил Виктор Игоревич и погладил бороду. — Наверное, мы сможем собрать такие деньги. Но если это действительно ключ, а я объясню вам, что это значит для человечества, вы вряд ли потребуете плату. Впрочем, дело ваше.

Я кивнул, подошёл к столу и положил перед ним чип. Исида

выскочила из кабинета и вернулась через пару долгих минут с адаптером. Воткнула провод в системный блок, вставила в разъём чип и замерла, всматриваясь в монитор. Нависла над левым плечом Виктора Игоревича такая заведёная, что готова была в любой момент взорваться. Не удержался от любопытства и я.

Виктор Игоревич открыл окошко с файлами чипа, и уже тут я увидел, что был прав. Все те ярлыки, чей формат компьютер Исиды не знал, здесь считывались. Виктор Игоревич нажал на самый первый. Открылась программа, а затем прогрузилось и изображение. Какие-то шарики и палочки в хаосе блуждали в трёхмерном пространстве. При наведении на любой из элементов по периметру экрана открывались графики и схемы. Что-то это всё должно было значить, но я даже языка не понимал, на котором были написаны слова.

Виктор Игоревич молчал. Я уж начал думать, что находка его не впечатлила, но стоило перевести на него взгляд, как всё стало ясно: он просто лишился дара речи. Прикрыл рот рукой, на глазах проступили слёзы. Неужели это всё действительно было так важно?

В том же тихом восторге была и Исида. Прикусив губу, улыбалась, не в силах оторвать от экрана взгляд.

— Так это то или не то? — спросил я, когда понял, что глядеть на это странное зрелище они могут вечно.

— Влад, скажите, что вы слышали про акцию «MenthPharm», которая начнётся в июле? — ответил вопросом на вопрос Виктор Игоревич.

— Не больше остальных, — пожал я плечами. — Начнут по-дешёвке продавать имплантаты, за копейки их устанавливать, а лекарства, чтобы всё это нормально приживалось, взлетят в цене. Обычная попытка срубить бабла в долгую.

— В целом всё так, — кивнул Виктор Игоревич. — Но есть один маленький нюанс. «One Health», которому принадлежит «MenthPharm», монополист в киберимплантологии.

— Ну и это понятно. Станут хозяевами страны. Ничего нового.

— Вот именно! В этом стремлении установить контроль над людьми нет ничего нового. Но вот здесь, — Виктор Игоревич ткнул пальцем в экран. — Здесь спрятан способ сделать человека с идеальным здоровьем. А с нынешним развитием киберимплантов ещё и человеком будущего. Человеком, которого невозможно лишить свободы теми хитрыми приёмами, которыми пользуются нынешние хозяева мира. Только представьте: никаких вечных таблеток и постоянной необходимости на них зарабатывать, никакой дряхлой старости, когда человек начинает

мечтать о смерти, потому что кроме боли в его жизни ничего больше не остаётся. И при этом расширить физические возможности проще, чем сходить в кино. Корпорация думает, что разбогатеет на страданиях людей, но мы воспользуемся их близорукостью, воспользуемся их жадностью и подлостью, а потом нанесём сокрушительный удар по самому ценному, что у них есть. По их кошельку! И отправим всех этих умников доживать свой век на пыльных полках истории. Если раньше это было лишь заветной мечтой, которая не давала нам окончательно опустить руки, то теперь до её реализации осталось всего ничего.

— Ну да, на словах это красиво. Но я даже не представляю, что для этого надо сделать. Звучит так, словно вы собираетесь вывести человека в пробирке. Вы говорите с таким азартом, будто уже завтра мир проснётся другим. А на деле опять понадобятся века, чтобы хоть что-то сдвинулось с мёртвой точки, — озвучил я свои сомнения.

— Нет, всё гораздо проще. Но немного сложнее. На основе образцов костного мозга мы выведем инъекцию, которая позволит изменить в ДНК ряд нуклеотидов, чтобы задать нужный нам алгоритм развития новых клеток. Дело не быстрое, но в какие-то год-два мы сможем изменить жизнь тысячам людей. А дальше этот процесс уже будет неостановим.

Я перевёл взгляд на сияющее от счастья лицо Исиды. Она верила в слова Виктора Игоревича, как в неопровержимую истину. А мне всё это казалось фанатичным бредом. Разве может всё быть так просто? По щелчку пальцев изменить то, что всегда было неизменным.

— Почему же вы раньше этого не сделали? — спросил я, сложив руки на груди. — Мне всё-таки двадцать шесть лет, как-никак. Значит, и этой технологии тоже не меньше.

— Мы с вашим отцом долгие четыре года работали над этой проблемой, прежде чем появились вы, Влад. И ваше рождение было скорее нарушением всех моральных и этических законов. На тот момент исследование проводилось только на мышах. Да, результаты превосходили все ожидания, но это даже не приматы. Тогда Женя решил в тайне от всех, без одобрения руководства, испытать технологию на человеке. Ваша мать тогда только забеременела, и он ввёл её плоду инъекцию. Так появились вы. Потом были ещё шесть лет исследований, попыток понять процесс развития плода, проследить развитие ребёнка. И всё это параллельно с легальными исследованиями. А когда нам, наконец, дали добро для опытов с людьми, случилась та самая трагедия. Это не щелчок пальцев. Десятилетие работы, риск на грани с безумием и передовое оборудование «One Health».

Квантовые компьютеры, молекулярные пинцеты, неограниченное финансирование. Чёрт, да о тех условиях могли мечтать все, кто хоть раз занимался исследованиями.

— Откуда такая щедрость?

— Сильные мира сего искали эликсир бессмертия не один век. Наверное, это тоже была одной из таких попыток. Точную задачу знал только Женя и куратор проекта, но, думаю, исследование пошло не в том направлении, на которое компания рассчитывала.

— Хорошо. Искали вы искали. Но ведь не один мой отец понимал, как там и чего устроено.

— Каждый из нас занимался конкретным блоком проекта, а Женя видел всё целиком. Это его детище, и только он, как конструктор, мог собрать все блоки воедино. Ваш отец был гением, до которого никто из нас даже на цыпочках не дотягивал. Именно поэтому его смерть превратила всю работу в китайскую грамоту. Но он догадывался, что может случиться, и спрятал описание проекта за день до того, как доложил об успехах.

— И до своей смерти, — подытожил я, безвольно опустив руки.

— Да, и до своей смерти. Тогда проект спешно свернули, все наработки были уничтожены, а команда… Кто вовремя не спрятался, того настигла участь Жени. Но теперь у нас все части мозаики есть. Мы сможем довести дело до конца!

— Все части? — печально хмыкнул я. — Тетради ведь уже у ребят из «One Health». Они их, небось, сожгли в тот же день, когда получили.

— Лика, ты ему ещё не сказала? — Виктор Игоревич повернул голову к Исиде.

— Не успела, — повинилась та. — Влад, ты отдал им описание исследований нового антибиотика, Я уговорила Олега поменять тетради. Только не говори, что и он предатель. Я объяснила ему, что это очень важные документы и что всё ради твоего блага.

— Серьёзно? — вспыхнул я. — Ты даже Олегу рассказала, в чём фишка, а мне язык не повернулся, что ли, объяснить по-человечески?

— Я сказала ему не больше, чем тебе. Но он, по крайней мере, меня выслушал и понял.

Я щёлкнул зубами, но настаивать не стал. Чего ещё можно ждать, когда все вокруг играют в свою игру? Наверное, это лучшее из всего, что могло получится при таком раскладе.

— Да ну вас всех, — буркнул я, подумал немного и спросил: — И что от меня сейчас требуется?

— Всё просто. Вам нужно разрешить взять у вас образец костного мозга и другие анализы: кровь, моча, кал. Ничего сложного. Пункция — немного болезненная процедура, но после неё ваш организм восстановится так быстро, что вы и глазом моргнуть не успеете, — объяснил Виктор Игоревич.

— Да уж, дырок в моём теле, видимо, пока недостаточно. Пойдёмте делать вашу пункцию, а то домой уже хочется.

— Можете остаться на ночь у нас. Мы подыщем вам свободную комнату…

— Зачем? — удивилась Исида. — В моей комнате полно места. К тому же нам с Владом надо ещё многое обсудить.

Я поколебался немного, но в итоге решил, что этот вариант мне нравится больше.

Глава 21

Исида взяла меня за руку и вывела в коридор.

— Подожди, — остановил я её, прежде чем мы отправились дальше. — Лика?

— Да, меня так зовут, — призналась она, улыбаясь краюшками губ. А потом протянула руку и добавила: — Анжелика Карпова.

— А чего ж ты раньше не говорила, как тебя на самом деле зовут? Я всё «Исида», да «Исида».

— Исидой меня называли с самого детства, — пожала она плечами. — Я и привыкла уже. Даже ник придумывать не пришлось.

— Могла бы сказать. Ты вон обо мне сколько всего знаешь. Наверное, даже сколько я при рождении весил и какое первое слово сказал где-нибудь в личном деле прочитала. А мне, получается, просто имени настоящего назвать не захотела.

— Ох, Влад, пока всё расскажешь, на самое интересное времени не останется.

Она приблизилась и провела пальцами по моей груди. Пыталась отвлечь? Я убрал её руку и серьёзно спросил:

— И что ещё я о тебе не знаю? Может, сразу вскроешь все карты?

— Не-а, — рассмеялась Исида. — Это скучно. Я лучше останусь самой таинственной девушкой в твоей жизни.

И пошла прочь, виляя бёдрами. Я постоял, переваривая всё сказанное и решая, стоит ли вообще на этом заморачиваться, так ли это всё важно? А потом плюнул и отправился за Исидой.

Пункцию мне сделали в одной из лабораторий уже через полтора часа. Третий этаж весь отводился под специализированные помещения, и найти там можно было всё, что угодно. Пока мы шли к медицинскому кабинету я заметил и химическую лабораторию, и биологическую. Конечно, оборудование там не поражало, было скромным и дешёвым, но всё же какие-то исследования на нём проводились.

В смежной с медицинской лабораторией комнате мне предстояло подготовиться к операции. Я не привык к такому. Даже если и попадал в больницы, дальше перевязочных никогда не уходил. А тут мне всучили голубой халат, заставили выпить слабительное, от которого почти сразу я рванул в туалет. И всё для того, чтобы в итоге войти в ярко освещённую комнату, лечь на койку под яркие лампы и потерпеть два укола. Первый — болезненный, от которого я вздрогнул и стиснул зубы. А второй

— совсем не ощутимый. В мою грудь что-то ввинтили, но кроме лёгкого дискомфорта, я ничего не почувствовал. Увидеть, что там происходит, не позволяла тряпичная шторка, которой отделили мою голову от тела. Так что оставалось только молиться, чтобы булькающий звук не оказался признаком какой-нибудь врачебной ошибки.

— Ну, вот и отмучился, — встретила меня Исида в комнате, где остались мои вещи. — Ничего страшного, да?

— Вроде ничего, — согласился я, одеваясь. — Надеюсь, этого будет достаточно и никто не решит, что меня надо разобрать по кусочкам.

— Пятьдесят на пятьдесят.

— В смысле? — выпрямился я, успев натянуть лишь одну штанину. Сердце противно ёкнуло от отчаяния.

— Ну как: либо да, либо нет. Как в анекдоте про блондинок. Знаешь? Какая вероятность, что встретишь на улице динозавра? Пятьдесят на пятьдесят.

— Иси, кончай шутить! — мотнул я головой и принялся за вторую штанину.

Я и без анекдотов чувствовал себя, как на иголках под мечом, повисшим на тоненькой ниточке. Не верилось, что так просто от меня отстанут. Конечно, это всего лишь последствие череды неудач, но сейчас юмор я воспринимал слишком буквально. И хорошо бы никому не пришло в голову отмочить ещё что-нибудь пожёстче. Иначе нервы могут и подвести.

Когда я оделся, Исида провела меня к себе в комнату на первом этаже. Тесноватую для двух человек и больше смахивающую на номер в отеле. Шкаф, встроенный в стену, туалетный столик с двумя ноутбуками вместо косметики. Было ещё кресло, но поначалу я принял его за гору тряпья. Исида небрежно свалила сюда всю свою одежду, но при этом в шкафу висело одно лишь розовое худи с драконом. А вместо окна на одной из стен комнаты была квадратная живая картина с видом на небольшой водопад. Сейчас на ней уже вечерело, на тёмно-синем небе высыпало столько звёзд, что невольно начинал искать среди них созвездия, а песок будто сиял в свете Луны.

Войдя, Исида первым делом прыгнула на кровать и села, по-турецки сложив ноги. А мне осталось разве что на пуфике у стола расположиться. Не разбирать же кресло.

— Итак, — сказал я, потому что надо было что-то сказать. — Ты здесь живёшь.

— Ага. Места маловато, но ничего не поделать. Ты бы меня покусал, если бы встретил в бункере сразу после дела.

Я поморщился, но спорить не стал. Глупо. Именно так бы и

было. Я бы устроил скандал и высказал всё, что накопилось. А то и лишнего бы наболтал, о чём потом бы крепко пожалел.

— И давно ты знакома с местными? — спросил я, не зная, что говорить. Но натянутое молчание вовсе было невыносимо.

— Давно. Слушай, ты правда хочешь в этом копаться? — нахмурилась Исида. — Ну, типа, ничего приятнее не придумал?

— Приятнее? Иси, я только после тяжёлой операции. У меня наркоз ещё не отошёл. Да и потом…

— Короче, заканчивай ныть и иди сюда, — перебила она меня, стягивая кофту.

Возражать мне не захотелось. Увидел хрупкие обнажённые плечи Исиды, изящное тонкое тело и маленькие аппетитные груди, манящие к поцелуям розовые соски, и мысли мои устремились лишь в одном направлении. Я сорвался с места, бросился на Исиду и повалил на кровать. Впился в неё губами, руку запустил между резинкой её трико и плоским животом, и нащупал мягкое, нежное, влажное.

После всего, что было, эта близость стала одновременно и расплатой, и благодарностью, и просьбой о прощении. В каждом движении, в каждом поцелуе, блуждая по её телу, концентрировалось счастье от того, что Исида есть, что она рядом и никуда не делась.

Исида понимала меня. Отвечала на всё и позволяла то, на что раньше соглашалась нехотя. И каждый раз с наслаждением выдыхала, когда я угадывал самые тонкие струны её тела. Это становилось нотами, они складывались в песню, и не раз та достигала кульминации, потом стихала, но, не прерываясь, плавно текла дальше. То вспыхивала, выбивая дробь кроватными ножками, то с оттяжкой грузно ухала, выдувая воздух из матраца. То замирала, когда истома пронзала тела наши нестерпимым всплеском счастья, от которого и вздохнуть не получалось.

Лишь когда рассвет разлился на картине над неугомонным водопадом, а свежая зелень увлажнилась росой, силы покинули нас. Мы рухнули навзничь и уставились в потолок. Молчали. Тяжело дышали. Слушали друг друга. И уснули, даже не заметив, когда закрыли глаза.

Разбудил меня звонок. Навязчивый, будто зубная боль, он ворвался в мой сладкий неуловимый сон и безжалостно разметал его, оставив послевкусие чего-то приятного на пересохшем языке. Звонил Олег.

— Я сплю, — коротко, вязко разлепая губы, попросил я и сбросил.

Но Олег был настойчив. Мой отказ его как будто только раззадорил. Он позвонил ещё три раза, пока окончательно не

прогнал тяжесть в моих веках.

— Ну что ты хочешь? — шёпотом, боясь шелохнуться, спросил я. Исида лежала на моей груди и умилительно сопела. Не хватало ещё её растрясти.

— Мужик, у нас пипец, какие проблемы, — Олег говорил так, словно собрался бежать в гущу драки, но ещё не решил, с какой стороны заходить.

— Эти проблемы не могут ещё пару часиков подождать? У меня очень тяжёлая ночь выдалась.

— Наш бункер захватили. Это может подождать?

— Повтори-ка. Мне послышалось? — удивился я во весь голос.

Исида проснулась, приподняла голову и сонно промурлыкала:

— Что-то случилось?

— Влад, я тебе всё на месте объясню. Договорились? — предложил Олег.

— Еду, — выпалил я и сбросил звонок. Встал и, наспех одеваясь, обратился уже к Исиде: — Олег звонил. Говорит, бункер захватили. Понятия не имею, что там у него стряслось. Обещал рассказать на месте поподробнее.

— Охренеть можно, — зевнув, прокомментировала Исида и села. Одеваться не стала. Просто смотрела, как я борюсь с носками, и тихонько хихикала.

— Ты что-то об этом знаешь? — спросил я в лоб. Уж больно странным мне показалось то, что её эта новость совсем не зацепила.

— С чего бы? — так же с вызовом возмутилась Исида. — Рано или поздно это должно было случиться. Особенно, если из вас в бункере остался один человек. Кто ж от такого лакомого кусочка удержится?

Мне такого объяснения было вполне достаточно.

— Ладно, я побежал. Будь на связи.

— Ага. Дорогу-то сам найдёшь?

— Если машина цела, найду.

Чмокнул её в губы и побежал на выход.

На моё удивление машина и впрямь оказалась цела и даже стояла на том самом месте, где я её оставил. А вот с дорогой я погорячился. Пришлось навернуть несколько кругов, пока я не наткнулся на выезд из сети. Совсем не тот, через который вчера въезжал. А дальше уже путь до бункера был делом времени.

Новый звонок Олега настиг меня через полтора часа, когда я только-только покинул Моссити и на полной скорости мчался к бункеру.

— Я уже рядом. Ты как там? — спросил я, прежде чем он сказал хоть слово.

— Спрятался и жду тебя. Хотел предупредить, чтобы ты к самому бункеру не подъезжал. Гопстеры пока не знают, что я о них знаю. Так что мы можем их как-нибудь незаметно всех поубивать к чёртовой матери.

— Поубиваем, не сомневайся. Скоро буду.

Вовремя он предупредил. Я и не думал, что можно не врываться в самую гущу на полном ходу.

Я остановился за километр от нашего посёлка и прошёл остаток пути напрямую через лес. Ещё на подходе до меня донеслись крики гопстеров. Как всегда осипшие от беспробудной пьянки, состоящие из ядрёной солянки из мата, фени, и английских словечек. Язык гопстеров можно было понять, только если привык болтать после литра-другого спиртного. Я не состоял в кругу таких счастливчиков, так что даже не стал прислушиваться.

На всякий случай я сразу пригнулся и продолжил путь, перебегая от дерева к дереву. Вряд ли гопстеров волновала безопасность, да и постов они, скорее всего, не выставили. Но подстраховаться не мешало.

А вот что меня сейчас беспокоило, так это отсутствие оружия. У меня не было даже ножа, чтобы в случае чего защититься без лишнего шума. И оставалось только надеяться, что ствол найдётся у Олега.

Я добрался до рухнувшей недавно хижины на окраине посёлка и осторожно высунулся из-за угла. Наш участок отсюда просматривался хорошо, и только несколько ветвистых кустов оставляли мёртвые зоны. Вокруг дома бродили четыре гопстера неочевидного пола. Их женщины всегда стриглись коротко и имели достаточно крупное телосложение, чтобы издалека сойти за мужчину. Впрочем, значения это не имело. Когда начнётся заварушка, они все станут целью, и каждый сможет пустить пулю в ответ.

Временами гопстеры заходили в дом, и я не мог точно сказать, выходили ли те же или уже другие. Так что реальное их число могло оказаться куда больше. Проще было заранее рассчитывать, что их человек двенадцать. Но такое количество вооружённых людей окажется непосильной задачей для нас с Олегом. Впрочем, если у него найдутся автоматы, это может поменять расстановку сил.

Олег объявился сам, даже ждать не потребовалось. Пока я рассматривал, как грязные дикари устраивают беспорядок у меня дома, тот подкрался сзади и похлопал меня по плечу.

— Это я, не бойся, — сказал он вполголоса.

— Даже не собирался. Что тут произошло?

— Я ночью ответил на зов любви и умчался в город. А когда вернулся, эти ребятки были уже здесь.

— Только не говори, что ты бункер оставил нараспашку. И вообще, почему ты не мог подождать, пока я приеду? — заводился я. — Столько сил туда вложено, и всё насмарку. Как теперь этих сволочей выгонять будем?

— Да ладно тебе. Сейчас выбьем их, поджопников отвесим. И потом ещё полгода ни у кого даже мысли не появится к нам лезть.

— Опасно, блин, — оценил я план и ещё раз взглянул на участок. — Сколько их там, ты смог посчитать?

— Около десяти. Если мы аккуратно войдём, то они уже не выйдут.

— Ладно. Попробовать можно. У тебя есть, чем стрелять? Я пустой.

Олег долго и молча смотрел на меня с совершенно каменным лицом, а потом виновато опустил глаза:

— Я думал, у тебя пушки есть.

— Серьёзно? — поразился его тупости. — Ты бы мог сразу сказать, что единственное, чем можешь их поубивать, это вид твоего голого зада? Я бы хоть по пути что-нибудь придумал.

— Влад, ну чего ты начинаешь? Нет ствола, и ладно. Просто придушим их всех, и дело с концом.

— Ага, ну конечно. У тебя плечо уже перестало кровоточить после того, как ты в последний раз что-нибудь душил?

— Да нормальное у меня плечо…

Я положил руку ему на перебинтованную рану и слегка надавил. Олег тут же сдавлено застонал.

— Вижу! Так нормально, что ты от простого касание уже в обморок едва не грохнулся.

— Ты преувеличиваешь. Просто я ещё не размялся.

— То есть ты на полном серьёзе убеждаешь меня, что хочешь словить пулю от этих тварей? Завязывай и приходи в себя.

Олег громко выдохнул и склонил голову, показывая, что сдаётся. А потом подавлено спросил:

— И что тогда делать?

— Позвоним Дане. Может, он что подскажет?

— Вряд ли он во вменяемом состояние. Когда я в прошлый раз с ним говорил, он уже не особо соображал.

— Вот заодно и проверим.

Глава 22

Мы отползли к моей машине и позвонили Дане Курносову. Он включил видеосвязь, не заметив этого, и направил камеру в землю на свой грязный башмак.

— Я ща не хочу с тобой, сука, разговаривать. Понял меня? — пережёвывая слова яростнее, чем свиные ушки, промычал Даня.

— Это понятно, Дань, — мягко заговорил я, — но у нас очень срочное дело.

— Опять у тебя дела какие-то. Я уже всех братьёв потерял, а тебе всё мало. Что ж ты за мудак такой?

— Я же говорил, что это дохлый номер, — тихо прокомментировал Олег. Он едва не прижался ко мне, чтобы понимать, о чём говорит Даня.

А тот услышал знакомый голос и сразу переключился:

— Олежка, и ты там? А ещё Лу мне не хватает. Хотя… Его бы здесь прибили. Он же Катюху обрюхатил, мелкий гадёныш. Митрич с ног сбился, мужика ей нового ищет. А кому оно надо? Чужого ребёнка нянчить. Был бы Лу жив, я б его за шкирку и сюда. Пущай женится, коль писюн в штанах не держит.

— Дань, нам очень нужна твоя помощь, — напомнил я, дав ему выговориться. — Бункер захватили а у нас с Олегом ни пушек, ни сил толком нет.

— Конечно! Сразу про Даню вспомнили! А я, может, не могу. У меня, может, недоморванле… нетор… недермо…

Даня запнулся, так и не говорив, и громкими глотками приложился к бутылке. Я воспользовался паузой:

— Я понимаю, каково тебе. Сам близких терял. Но, Дань, мы ведь друзья. Я же за тебя в любую заваруху без всяких вопросов.

— Это да, базара нет. Знаешь ты, сучёныш, как на больное надавить. Нет бы пришёл, поставил бутылку и сказал: давай, брат, выпьем за наших. А ты ведь нет, ты сразу давить начинаешь. А мне что? Мне и терять уже нечего. Мне, может быть, и сдохнуть охота. Да только кто же мне пушку даст, если ноги плясом ходят? Митрич ещё огреет, чем под руку попадётся.

— Так может, я сам с ним поговорю? — ухватился я за тонкую ниточку и осторожно потянул. — Ты на той стоянке, где мы машины покупали?

— Митрич — мужик мировой, но суровый, — продолжал Даня какую-то свою мысль, в которой уже давно запутался и вряд ли собирался заканчивать. — Но за так он и муху не обидит. А гопстеры ведь хуже мух. Лезут и лезут, сволочи. Как будто им мёдом намазано, где люди хорошие живут. И ладно бы…

— Дань, так мы приедем?

Даня вздрогнул и поднял руку. Уставился в камеру, будто впервые хэндфон увидел. И мягко, с улыбкой спросил:

— А ты всё время здесь был?

— Короче, едем, — заключил Олег.

Через два часа мы остановились перед КПП стоянки. На нас уже наставили автоматы, а нам ничего не оставалось, кроме как выйти и поднять руки.

— Мы безоружные, — заверил я.

— Даже ножей нет, — грустно усмехнулся Олег.

— Чего надо? Соскучились, что ли? — грубо спросил один из охранников. Жилистый дед с пышными усами.

— Нам бы с Митричом поговорить. Дело есть.

— Ну, коль дело хорошее, то почему бы и не поговорить. Петь, сгоняй-ка за главным. Пусть подойдёт и решит, сильно этих гавриков бить, или только для профилактики, — велел дед безусому пареньку, который и автомат толком держать не умел.

Тот угукнул и рванул вглубь заводских территорий.

— Чего сразу бить-то? — возмутился Олег.

— А чтоб баб чужих не трогали, — хитро ухмыльнулся дед.

— Так это же не мы!

— Ну, дружок ваш. Какая разница, кому ответ держать? А дальше пущай Митрич решает. Его дочка, как-никак.

Митрич вскоре подошёл с тремя здоровяками. За ними не сразу я разглядел и Петю. Семенил, всё не зная, как автомат половчее перехватить.

— Вы чего тут выстроились, как морские звёзды? — вместо приветствия удивился Митрич и обернулся к деду: — Колян, твоя, что ль, работа?

— И ничего не моя, — пробубнил тот. — Сами вылезли и руки подняли. Как только в присядку не пустились, ума не приложу?

Все кочевники разом загоготали, будто услышали забористую шутку. А мы медленно опустили руки и переглянулись. Что ещё нам было делать, если в нас автоматами тычут? Городская привычка от общения с полицией.

— Нам бы поговорить, — предложил я, когда все стихли.

— Да знаю я. Данька рассказал, чего вам надо, — всё ещё весело пояснил Митрич.

— А чего он сам не пришёл?

— Он спит. Нажрался в дрова, а вы как позвонили, так он за ружьё схватился. Смотрю: намылился куда-то. Ну, думаю, не к добру это. Пораспрошал, что к чему да какого лешего ему на месте не сидится. А он всё и рассказал, как на духу. Я ему: ружьё-

то положи, не то в ногу пальнёшь и не заметишь. Да и чего с двустволкой против гопстеров делать? Много не навоюешь. Но Данька-то, сами знаете, парень лихой, как в голову что взбредёт, так и не отвадишь. Он не в какую. А я ему по уху да спать отправил. В общем, дрыхнет Данька, и не скоро ещё проснётся.

Я не понимал, к чему он клонит. Казалось, разговор постепенно движется к моменту, когда Митрич скажет «Идите вы куда хотите, ребята. Нам с вами не по пути.». И что потом делать? К кому ещё бежать за помощью? Не мириться же так просто с тем, что дальше придётся жить без бункера?

Того же мнения был и Олег. Он уже потерял интерес к разговору и ковырял носом ботинка камешек.

— Послушайте… — решился я на последнюю попытку, пока не прозвучал отказ. — Я понимаю, что в прошлый раз мы разошлись не очень хорошо…

— Это точно, — не дал мне договорить Митрич. — Но что было, помянем в другой раз. А сейчас надо с гопстерами вопрос решать. Раз Даня так рвался вам помогать, значит, своими считает. А мы своих не бросаем, хоть и творят они порой дичь несусветную.

— То есть вы нам поможете? — хором переспросили мы с Олегом.

— А для чего мы тут с мужиками собрались тогда? — хохотнул Митрич.

— Но у нас нет оружия, — скромно произнёс я.

— Ну, бойцы! Как только вы помните, что шнурки завязывать надо перед выходом? Ладно, сейчас Петька сбегает до склада и притащит два ствола. Слышал меня, Петь?

Тот вздрогнул от неожиданности и заозирался. Все смотрели на него, а он, всё прослушав, и не понял, что происходит и чего от него требуется.

— Петь, хватит уже ворон считать! Метнись до склада и пару автоматов притащи. И штук шесть магазинов с патронами.

Тот кивнул и умчался выполнять поручение. Тем временем подъехал из глубины стоянки автомобиль ещё с двумя молодчиками. Пока остальные рассаживались кто куда, вернулся и Петька. Он еле нёс то оружие, что полагалось нам с Олегом, да ещё со своим автоматом усердно боролся. Тот висел на плече и норовил попасть под ноги, а то и зацепиться за какой-нибудь камень. Но Петька не сдавался.

— Ну вот, теперь ваши души довольны? — усмехнулся Митрич, когда мы осмотрели автоматы.

— Я даже не знаю, как мы будем рассчитываться… — начал было я. Хотел сразу разобраться, чем придётся платить, чтобы не

оказаться потом по уши в долгах.

Но Митрич взмахнул автоматом, передёрнул затвор и серьёзно произнёс:

— Для начала постарайтесь не отдать Богу души. А то потом и рассчитаться не сможете.

И с этими словами он влез к нам в машину.

Ближе к вечеру мы вернулись к посёлку и остановились всё там же, за лесом. Решили дождаться наступления темноты. Иначе будем, как на ладони, и даже подойти не успеем, когда нас заметят и расстреляют, всё равно что мишени в тире.

— Только ты не думай, что дочь свою я вам так прощу, — заявил Митрич, пока мы сидели и ждали.

— Да, я понимаю, — заверил его я. — Даже не думал, что Лу такое выкинет. Но что нам-то теперь делать? Он мёртв, а мы и рады бы…

— Рады бы что? — резко и с интересом подался вперёд Митрич.

— Не знаю. Помочь как-нибудь, о ребёнке позаботиться. Купить что-нибудь.

— Это всё пустяки, — отмахнулся Митрич. — С этим и мы поможем. А вот что замуж ей теперь не выйти, тут проблема.

— Да уж, ситуация, — протянул Олег. — Любовь порой приносит проблем больше, чем радости.

— А ты что, философ? — удивился четвёртый пассажир. Один из людей Митрича, которого звали Максом. Большую часть времени он молчал, и лишь теперь вдруг оказалось, что говорить всё ещё умеет.

А Олег и рад был такому вопросу, будто давно репетировал ответ:

— Я просто знаю, что сердце несёт человека к любви, а мозг понимает, где надо остановиться. Если один из этих органов откажет, то беды не избежать.

Что сказать на это никто из нас не нашёл, и все замолчали. Посидели ещё около часа и только когда стрекот сверчков известил о приближении ночи, Митрич хлопнул в ладоши:

— Выходим.

Пока мы шли через лес окончательно стемнело. Гопстеры разожгли костры, которые были заметны издалека. С этой секунды все переговоры мы вели либо шёпотом по связи, либо жестами.

Трое кочевников сместились влево, ещё двое ускорились, чтобы зайти к участку справа. А я, Олег и Митрич направились к разрушенной хижине и осмотрелись.

Гопстеров на улице стало гораздо больше. Мы насчитали

десять человек. Пьяных, орущих друг на друга дикарей. Эти ребята настолько поверили в свою безнаказанность, что потеряли всякую осторожность. Всё, что оставалось нам, это потихоньку их пострелять и потом вымыть с мылом каждую дверную ручку, к которой они прикасались.

Я выдвинулся вперёд. Олег и Митрич на расстоянии от меня тоже перебежали к новому укрытию. Потом ещё ближе. Замерли прямо возле забора в кустах. Прицелились.

— По моей команде открываем огонь, — прошептал Митрич.

— Готовы, — отрапортовали остальные кочевники.

— Триста тридцать три!

И выстрелы одновременно грянули по всему периметру участка. Разом легли все те гопстеры, что были на улице. Никто даже ответный огонь не открыл.

— Мы заходим, — проговорил я.

Показал Олегу, чтобы следовал за мной, и пробежал к воротам. Их так никто и не закрыл. Обошли тела гопстеров. Многие ещё были в сознании и стонали от боли. Добивать их не стали, но оружие отобрали и положили в стороне. Потом заглянули в дом, убедились, что там никого. И спустились в бункер.

На первом же этаже мы поняли, что в бункере кто-то есть. Стонала какая-то девка. Стонала от наслаждение, что немедленно нарисовало у меня перед глазами не самую приятную картину.

Звук шёл из комнаты Исиды. Мы подкрались, стараясь даже дышать потише. Коротко заглянули в открытую дверь.

На кровати валялась обнажённая гопстерша, потрёпанная жизнью, пьянкой и винтом. К ней пристроился пузатый мужик с волосатым задом и упорно отрабатывал оказанное доверие.

Но расстроило меня другое. Вся техника Исиды пропала. О том, что когда-то здесь была целая компьютерная система, говорили только несколько проводов на истоптанном ковролине и мусор.

Долго готовиться я не стал. Высунулся второй раз. Пулей в плечо отбил у гопстера желание продолжать развлекаться. Указал на гопстершу, немедленно завизжавшую на манер семафора что-то очень обидное.

— Одевайтесь и наверх.

— Брат, давай хоть этого замочим? Он же своих друзей приведёт, — предложил Олег, указывая на извивающегося мужика.

— Вот наверху и разберёмся, — коротко отрезал я.

Сыпля проклятиями, гопстерша натянула трусы и принялась искать то ли брюки, то ли кофту. Но я вдруг заметил на её

запястье хэндфон. Гопстеров с таким обычным гаджетом я встречал настолько редко, что ни одного раза вспомнить не мог. Но откуда тогда эта мадам взяла его? Понятно, что нашла. Вот только где?

— Откуда побрякушка? — резко спросил я.

Гопстерша вздрогнула, посмотрела на браслет, потом на меня, скривила губы и с вызовом спросила:

— Чё, падла, цацка бабская лайкнулась? Не гони, фраерок, не залутала. Моя цацка, мамаша на бёздэй загифтила, сечёшь?

— Сомневаюсь. А ну-ка, дай гляну.

— По беспределу бомбишь, псина сутулая.

— Вообще без разницы. Снимай, говорю.

— Гнида ты! Хуже мусора! — цыкнула гопстерша, закатила глаза и сняла браслет хэндфона.

Оказалось, что я не просто угадал. Попал в самую точку. Хэндфон принадлежал Кире. Но откуда он взялся здесь? У гопстеров, которые к городу и близко не подходят? Вариант был лишь один: Кира приехала ко мне в бункер, и тут на неё напали эти дикари. Как только она нашла сюда дорогу?

— Откуда у тебя это? — Ткнул я в гопстершу автоматом.

От гнева глаза застилала кровавая пелена. Я едва сдерживался, чтобы не грохнуть её прямо здесь и сейчас, не дожидаясь объяснений.

— Ты чё, гонишь? Я те всё по масти разложила…

— Откуда ты это взяла, — повторил я, медленно цедя слова сквозь плотно сжатые зубы.

Гопстерша упёрлась руками в боки и насмешливо закудахтал:

— На понт меня тачишь? На понт? А я не фирюсь…

Я оборвал поток ненужной информации чётким выстрелом в лоб её трахарю. Не собирался слушать всякую чушь.

Эффект мне понравился. Гопстерша с ужасом уставилась на свои ноги, забрызганными кровью. Задрожала так, будто никогда смерти не видела.

— Так что, говорить будешь?

— Да! Не шотай! Только не шотай! Мы завочили, что калитка опенная стоит. Ну и решили, что хата не лишней будет, если ноубоди здесь нет. Я первой зашла и на доре залутала цацку. Всё! Больше носинг! Не шотай!

Она была слишком испуганной, чтобы врать. Зуб на зуб едва попадал. И пусть новость о том, что Кира не попала им в лапы, меня немного успокоила, вопросов стало лишь больше. Получалось, что Кира сама принесла его сюда? Зачем?

— Олег, отведи её наверх. Пускай Митрич решит, что с ней делать, — велел я. Не мог собраться, чтобы решить ещё и эту

проблему.

Гопстерша кое-как оделась и вышла из комнаты, только когда Олег дёрнул её за плечо. А я так и стоял, разглядывая хэндфон.

Может в памяти остались какие-то подсказки?

Я натянул браслет на левое запястье и провёл по сенсору. Появилось приветствие, а потом высыпалась охапка ярлыков. Что открывать? Решил начать с сообщений.

Первым делом на глаза попались сотни любовных посланий Максима:

«Я тебя ненавижу…»

«Пойми, я до сих пор тебя люблю…»

«Если ты не ответишь, я тебя убью…»

«Прости меня, детка. Я дурак. Не знаю, как сказать тебе, что не могу без тебя…»

И всё в том же духе. А среди стайки этих сообщений мой глаз вдруг выцепил одно, чей номер был не определён:

«Влад, твоя сестра у нас. Если хочешь увидеть её живой, приходи в башню «One Health» в Чайниз Дистрикт. Не задерживайся. Чем дольше ты тянешь, тем меньше шансов, что мы её не убьём.»

Глава 23

На ватных ногах я вышел из бункера и сел на ступеньках перед домом. Бессмысленно смотрел, как кочевники помогают выжившим гопстерам не умереть. Возились с ними, бинтоввли, раны обрабатывали. А Олег недовольно пытался их убедить всех расстрелять. Для меня всё это казалось каким-то далёким, будто сцена из фильма.

Проклятие на меня свалилось, не иначе. Теперь вот и на Киру свои корявые лапы нацелило. Как будто мало ему трёх друзей. Как будто не наелось оно смертью тёти Кристи. Теперь ему и Киру подавай. Появлялась стойкая уверенность, что я потеряю всех, прежде чем прийдёт мой черёд.

Хотелось услышать хоть что-то приятное, чтобы ночь немного стала светлее. Родной голос, который станет целебной микстурой для моей души. Я набрал телефон Исиды и нетерпеливо прислушался к гудкам.

— Влад, сейчас нет времени! — резко, взволновано ответила вдруг Исида.

— Что-то случилось? — насторожился я.

Предчувствие беды словно холодной водой окатило меня с головой. Я готов был к любой новости. Даже к тому, что земля под Моссити разверзлась и поглотила город. Думал, что готов…

— Нас топят! Сеть топят! — прокричала Исида.

Судя по тяжёлому дыханию, она куда-то бежала. А у меня ком в горле встал, норовя обессилить от отчаяния.

— Я приеду! — заявил, но подумал немного и повторил, уже спрашивая: — Я приеду? Помощь нужна?

— Тут оборудование, люди… Тут всё!

— Помощь нужна?

— Да! Влад, пожалуйста! Только быстрее!

Повторять не требовалось. Я вскочил и, никому ничего не говоря, бросился к воротам. Олег тут же рванул следом:

— Что не так? Случилось что-то?

Подоспел и Митрич, на удивление проворно нагнав нас.

— Исида говорит, что их топят. Сеть топят!

— Какую ещё сеть? — поначалу не понял Олег, но очень быстро до него дошло: — Ту дыру, что на западе? И что, скажи мне, пожалуйста, она там забыла?

— Живёт. Какая разница? Там учёные, исследования… Какого чёрта мы теряем время? По дороге всё объясню! — рявкнул я, осознав, что мы стоим на месте и теряем время.

— Так, мужики, не знаю, какие у вас там дела, но мы в город

не поедем, — твёрдо заявил Митрич. — Нам ещё с этими гавриками не понятно, что делать. Вы уже как-нибудь сами, лады?

Я спешно пожал ему руку и побежал дальше. Олег за мной.

Уже в машине, несясь по кочкам к Моссити, я подробно рассказал всё, что узнал за последние сутки. И про учёных в глубине автодорожной сети, и про отцовский проект, который мог перевернуть мир двадцать лет назад.

— Я так и понял, что она что-то нормальное придумала. Грымза грымзой, но предательницей она бы ни за что не стала, — высказал Олег, когда я упомянул его вклад во всю эту историю.

— Но всё это хрень собачья! — сказал я, когда дошёл до самого главного. — Киру похитили. Тот хэндфон был её, а на нём я увидел сообщение от похитителей. Мне надо прийти в башню «One Health», иначе они её убьют.

— Но это же ловушка. Только дурак не понял бы.

— И что ты предлагаешь? Оставить её? Мою сестру? Киру?

— Нет, но…

— Ты сдурел? — разъярился я. — Ты забыл, наверное, но Кира спасла меня, когда запросто могла сбежать! А она не побоялась! Двенадцатилетняя девчонка не испугалась, а я зассать должен?

— Слушай, ну… — притух Олег. — Не знаю, что тебе сказать. Жизнь, конечно, твоя, тебе решать. Но, брат, подумай сто раз, пока не поздно.

— А я и так уже сто раз подумал! Как ты себе представляешь, я буду жить, если оставлю её?

Олег не стал спорить. Тяжело вздохнул и заёрзал на сидении, словно хотел сесть так, чтобы принять моё решение было проще.

На подъезде к подземному городу я вновь позвонил Исиде:

— Как у вас там? Я уже рядом.

— Всё очень плохо. Выход из центра контроля движением кто-то заварил. Приходится таскать вещи по туннелям. Многое затопило полностью, но где-то ещё по колено. Влад, тут люди, мать его, плавают кверху задом! — Исида уже осипла от криков, но всё равно тихо говорить не могла. Кричала надрывно. А в микрофоне слышалось и другое. Плеск воды, чьи-то голоса, плач.

— Куда мне подъехать?

— Выезд на Перспектива проспект. Тридцать два, «А».

Это место находилось от меня в пятнадцати минутах. Но даже ради пары лишних секунд стоило прибавил скорости и немного нарушить правила.

Через двенадцать с половиной минут и выскочил на проспект и оказался в толпе. Люди, что спаслись из сети, кучковались у выезда и галдели. У многих из вещей был только пакетик с тем,

что под руку попалось. Дети на руках, собаки, кошки. Все драли глотку, что-то доказывали.

Были здесь и полицейские укрепления, которые не давали людям разбрестись по городу. Может, они ждали учёных, кто знает? Но недовольство от их присутствия лишь нарастало.

— Иси, я на месте. Тут копов полно.

Исида застонала и так грязно выругалась, что в любой другой ситуации я бы поморщился.

— Их там не было ещё десять минут назад! Мы успели вынести кое-какие документы, но не аппаратуру, — объяснила она.

— И что теперь делать?

— Дай подумать… Седьмая авеню! Там выезд не достроен, но можно попробовать.

Я развернулся и на полной скорости умчался к новому адресу.

Как и предполагала Исида, выезд из сети на седьмое авеню не охраняли. Впрочем, и сам туннель выглядел так, что через него вряд ли кто-то решился бы выйти. Голая труба без освещения и асфальта, да ещё и до самой авеню дорогу не проложили. Просто дырка в землю, заваленная строительным мусором.

Даже здесь, у поверхности, туннель был подтоплен. Мы с Олегом бросили машину на обочине, и ринулись внутрь. Пробежать не успели и пары метров, как послышались голоса, среди которых я легко распознал и голос Исиды.

— Мы здесь! — крикнул.

И эхо отозвалось несколько раз, пока не стихло в глубине.

— Идём! — крикнула в ответ Исида.

Вскоре появилась группа людей с аппаратурой. Кто что тащил. Некоторые несли охапки жёстких дисков, какие-то приборы. Два молодых лаборанта волокли тяжёлый ящик, похожий на гроб. Да и сама Исида не шла налегке. Несла на плечах битком забитый рюкзак и в руках держала две массивные сумки.

Мы погрузили в машину всё, что влезло. Но людям этого было мало. Не успев отдышаться, они потянулись обратно.

— Не знаю, сколько мы сможем спасти, но попробуем ещё что-нибудь вытащить, — объяснила Исида и хотела уже вернуться в сеть.

Но я её остановил:

— Я отвезу всё и вернусь. Но это займёт часа три.

— Хорошо, я понимаю, — нетерпеливо кивнула Исида.

— У вас есть ещё возможности всё вывезти?

— Найдём! Главное — успеть, пока вода не добралась.

Больше она не могла стоять на месте и быстрым шагом пошла вслед за группой.

Через три часа с небольшим мы встретились вновь. На Исиде уже лица не было от усталости. За это время она не раз возвращалась к центру и в последний раз выбиралась вплавь. Промокла вся до нитки, дрожала от утренней прохлады. Но отдыхать ей было рано.

— Нам теперь жить негде, — потирая сорванные шейные мышцы проговорила она бесцветным голосом. — На нас будут охотиться.

— Может, в бункере пока?..

— Влад, не говори глупостей. Нас под сотню человек. Даже если всех на полу разложить, места не хватит.

И вновь я не знал, как подступиться к новой проблеме. Казалось бы, разве это меня касалось? Вот только оставить людей дрожать от каждого шороха я не мог. Но куда их разместить? Не к кочевникам же… Хотя, почему нет? Наверняка учёные смогут как-то помочь кочевникам в виде благодарности.

Я позвонил Дане. Тот до конца ещё не протрезвел, но уже проснулся и даже не послал меня вместо приветствия.

— Позови Митрича к телефону, — попросил я.

Даня повозмущался немного, но за главой стоянки всё же сходил. Тот наотрез отказался вставлять в ухо наушник, потому Даня включил громкую связь.

— Что, касатик, уже соскучился?

— Вроде того, — согласился я. — Митрич, у меня к тебе просьба. Можешь помочь хорошим людям?

— Да понял я, что ты не просто так. Чем помочь-то?

Я объяснил ему ситуацию, пытаясь обойти стороной подробности. То ли запутать не хотел, то ли решил, что он не поймёт.

— … Вот такие дела. Теперь им идти некуда, — закончил я рассказ.

— Ты издеваешься? Я куда столько человек поселю? Чем их кормить буду?

— Ну, с этим мы что-нибудь придумаем. Палаточный лагерь, там. Или ещё чего.

— Одни беды от тебя, касатик, — коротко заключил Митрич и замолчал.

— Что, не поможешь? — осторожно предположил я.

— Да как тут не помочь? Людей-то не бросишь. Но задачку ты мне задал ту ещё. Всю голову теперь сломать можно.

— Спасибо, Митрич! Спасибо тебе, дорогой! Я в долгу не останусь!

О такой хорошей новости я немедленно сообщил Исиде. Та даже обрадоваться толком не смогла. Улыбнулась уголками губ и сказала «Спасибо».

А потом мы принялись перевозить людей на стоянку, закупились палатками, походными вещами. И только когда уже поздним вечером учёные разбили лагерь возле стен стоянки, мы с Исидой и Олегом вернулись в бункер. Мало чего соображая, улеглись спать.

Среди ночи меня разбудил звонок. Номер не определился. Я даже не сомневался, что звонит похититель. Вскочил с кровати и вышел из комнаты, чтобы не разбудить Исиду.

— Влад, ты меня разочаровываешь, — прозвучал сиплый голос в наушнике.

И всё внутри меня сжалось. В памяти всплыла картина: я под кроватью с зажатым пистолетом на пульках в руках. А по комнате неспешно прохаживается Павел Алексеевич.

— В чём? — поборов дрожь, спросил я.

— Свою сестру не спешишь спасать. Разве брат так поступает?

— Я приду! Мне нужно время!

Павел Алексеевич рассмеялся, наслаждаясь моим страхом. И смех его пронёсся мурашками по моей коже.

— Я уверен, что придёшь. Но ждать я не люблю, — произнёс он и включил видеосвязь.

Время его как будто и не коснулось. Всё то же осунувшееся злое лицо, острые подбородок и скулы, высокий лоб, бледная кожа. И как двадцать лет назад алым горели искусственные глаза. Он смотрел на меня надменно, будто изучал. А я и сказать ничего не мог. Не хватало духу выдавить ни слова.

— Долго же я тебя искал, прототип, — просипел он, наконец. — Прятаться ты умеешь. Но теперь мне надоело ждать. Я даю тебе ровно сутки, а взамен заберу кое-что у твоей сестры.

Он перевёл камеру вбок. Там связанная лежала Кира. Из-за кляпа она могла лишь мычать, но делала это неустанно.

— Не трогай её! Не смей! — крикнул я, понимая, что Павел Алексеевич что-то задумал.

— Что говоришь? Я не слышу, — издевался тот.

Он сел рядом с Кирой на корточки, достал нож. Провёл кончиком от пояса к подбородку.

— И какой же штраф тебя придётся заплатить за брата? — спросил.

Кира истошно завизжала, глаза её расширились, когда сталь коснулась щеки.

— Не смей её трогать, слышишь?! Иначе я…

— Иначе ты что? — усмехнулся Павел Алексеевич. —

Прототип, ты ничего мне не сможешь сделать, даже если очень захочешь. А вот я могу.

Он схватил за руку Киру. Вытащил из кулака указательный палец и лёгким взмахом ножа отсёк его у основания.

— Сука, ты что делаешь?! — заорал я.

— У тебя есть сутки. Иначе Кира попрощается с чем-нибудь более значимым, — спокойно напомнил Павел Алексеевич и оборвал связь.

А я так и стоял потерянный, растоптанный, с разрозненными мыслями. В голове не укладывалось, что он это сделал. Я и так не собирался затягивать, но ему просто хотелось поиздеваться. Садист недоделанный.

Глава 24

— Я не могу поверить, что ты так запросто пойдёшь в его логово, — хмурилась Исида.

Остаток ночи я провёл на кухне. Спал сидя, уронив голову на руки. Думал, что не смогу уснуть, но в итоге просто вырубился. А на утро меня растолкала Исида. Поначалу удивилась, что я не в кровати, но когда я всё ей объяснил, она погрустнела и попыталась найти нужные слова, чтобы меня утешить.

— И что? Я не могу придумать ничего лучше, — проговорил я, не отрывая взгляда от стола. — Если я не приду, то он убьёт Киру. А если приду, то убьёт меня…

— И её! — добавила Исида. — Ты же не думаешь, что он её отпустит?

— Надеюсь. Другого не остаётся.

Исида положила ладонь мне на руку. Я разглядывал её тонкие пальчики, потом перевёл взгляд на саму Исиду и увидел слёзы на её щеках. Ну вот, опять плачет. Но теперь я прекрасно понимал цену каждой слезинки.

— Прости меня, но я снова тебя не послушаю, — сказал и вылез из-за стола.

Из коридора послышались громкие шаги Олега, а через секунду он вошёл на кухню, весь увешанный оружием, словно новогодняя ёлка. Две кабуры с пистолетами на поясе, лазерная винтовка за спиной, в руках автомат да ещё разгрузка с пятью рожками на груди.

— Я готов! — сходу заявил он.

— Для чего? — не понял я.

— Киру спасать, конечно!

— Я пойду один. Это не обсуждается. Не хватало ещё одного друга потерять, — отрезал я, протиснулся мимо Олега в коридор и ушёл в свою комнату.

Хотелось остаться одному перед выездом. Попытаться принять это. Может, смириться.

Наверное, так себя чувствуют неизлечимо больные? Понимают, что смерть уже на пороге, и ничего с этим сделать не получится. Как ни старайся, как не сжимай кулаки от попыток превозмочь болезнь, итог будет один. И лишь самые сильные встречают смерть с широко раскрытыми глазами и вызывающей улыбкой.

Я попытался улыбнуться. Не получилось. Сразу кольнула мысль, что пока я тут лыблюсь, там мучается Кира. Затянул ведь её водоворот. Отец постарался. Из-за романтических иллюзий

натворил дел, что до сих пор аукается. Вот они, попытки изменить мир. Страдания, смерти, изгнание. Стоит ли оно того, если привычный уклад куда проще?

И вдруг в голову пришло самое очевидное, но в то же время и самое безрадостное. Иногда я слышал о смысле жизни. Умники, которых невозможно слушать долго, потому что скоро засыпаешь от их рассуждений, говорили, что человеку неведом смысл его жизни. Дескать, этого и узнать невозможно. Но вот я, генетически модифицированный прототип человека. Смысл моего появления, вся моя суть, это попытка сделать человека будущего. Чуточку более счастливого, немного более уверенного в себе. Но в таком случае своё предназначение я исполнил и могу со спокойной совестью уйти. А люди, несравненно более умные, чем я, доведут дело до конца.

И уже от этого озарения мне стало легче. Вроде всё тоже самое, да и пожить бы я с радостью согласился, но если выбирать между мной и Кирой, то я, по крайней мере, готов.

Я встал и расправил плечи. Вышел на кухню, где по прежнему сидели Исида и Олег.

— Я поехал, наверное.

— Уже? — дрогнувшим голосом спросила Исида.

А Олег вскочил, снова передёрнул затвор.

— Я с тобой!

— Нет. Ты останешься. И ты тоже, — сказал я Исиде, которая было открыла рот. — Это не обсуждается.

— Так нельзя, брат…

— Заткнись и сделай хоть раз то, что я прошу.

Олег понуро пожал мне руку и ушёл. Обиделся, наверное.

— Я надеялась, что ты подождёшь вечера, — призналась Исида и встала. Подошла, прижалась ко мне и ткнулась лицом в грудь. Всхлипнула.

А я поцеловал её в белоснежную макушку и прошептал:

— Не грусти, Лика. Пообещай мне только одно: не оставляй Виктора Игоревича в покое, пока он не доведёт исследование до конца.

Исида подняла голову, и я увидел её заплаканное лицо. Встала на цыпочки и нежно поцеловала. А потом, отстранившись, заглянула мне в глаза и прошептала:

— Я сделаю всё, чтобы вытащить вас обоих оттуда.

И я ей поверил. Она сделает всё, чтобы нас с Кирой вытащить. Вот только не сказал я главного: этого будет недостаточно. Всех её сил может хватить лишь на то, чтобы обойти систему безопасности «One Health», но что делать с людьми? С охраной, которой в башне целая армия? Ничего.

— Я люблю тебя, — сказал я и ушёл.

Башня «One Health» находилась в Кремлин Дистрикт, на месте снесённого Кремля. Самая высокая в Моссити, заметная за многие километры, ночью и днём сияющая тысячами огней.

Я подъехал к центральному входу стареньком сером «Ford» и припарковался между двумя люксовыми автомобилями. Вышел и задрал голову, словно надеясь увидеть пентхаус, где держали сестру. Но пик башни утопал в небесной синеве, прорываясь к стратосфере.

Лобби башни гудело от людей в деловых костюмах. Хуже, чем в торговом центре, а пространства куда больше. Просторный белый зал, бирюзовые указатели. Ресепшн, где с непревзойдённой улыбкой отвечали на однообразные вопросы четыре красотки в обтягивающем белом.

Я выстоял очередь из трёх человек и получил свою порцию улыбки:

— Добро пожаловать в центр прогрессивных технологий «One Health». Чем могу помочь?

— Здравствуйте. Меня зовут Влад Новиков, — представился я, не зная, что ещё сказать.

А девушке хватило и этого. Она на секунду зависла, а потом произнесла:

— За вами уже спускаются, господин Новиков. Спасибо, что пользуетесь услугами нашей компании.

Раз уж всё равно предстояло ждать, я решил сбросить напряжение:

— Скажи, красота неземная, а ты трусики какие предпочитаешь? Кружевные или шортики?

Но девушка как будто слышала нечто похожее уже не раз и даже не поморщилась.

— Кружевные. Но сейчас на мне мини-шорты.

— Покажешь? — в конец обнаглел я.

— К сожалению, регламент нашей компании запрещает оголяться в рабочее время.

— Облом. А после работы?

— К сожалению, регламент нашей компании запрещает заводить интимные отношения с клиентами без статуса «ВИП» и с сотрудниками ниже третьего уровня.

— А это кто?

— Президент, Председатель совета директоров, директора, главы подразделений, главы отделов и филиалов, — перечислила девушка.

— Ты робот, что ли? — смутился я от такой выдержки.

— Нет. Наша компания придерживается той политики, что

первичное обслуживание клиентов всегда осуществляется живыми людьми.

У меня родилось ещё несколько вопросов, но задать их я не успел. Подошли три мужчины в чёрных костюмах и вполголоса, но твёрдо и безапелляционно предложили:

— Пройдёмте, Влад Евгеньевич. Вас ждут.

Я ядовито улыбнулся им и сказала на прощание девушке:

— Кисунь, мне идти надо. В следующий раз увидимся, можешь сразу трусишки снимать.

А она и на это готова была что-то про регламент ответить. Только слушать я уже не стал. Прошёл, окружённый охранниками, вглубь зала. Мимо обычной лифтовой, где толпились простые смертные, в закрытую. Доступ туда имелся только у начальства и особо важных клиентов. И у меня.

Лифт здесь был соответствующий. Кабина больше напоминала небольшой номер в пятизвёздочном отеле. Диван, бар, щёлковый ковёр на полу, ТВ-панель на одной стенке, живая картина с видом на ночной город на другой.

— И долго нам ехать? — спросил я, когда через три минуты мы всё ещё не добрались до нужного этажа.

— Двадцать шесть минут.

Я присвистнул и покосился на бар.

— Мужики, может хряпнем тогда по-маленькой? А то в горле сушит от этой долбанной жары.

— Нет.

— Ну, я тогда один выпью, — я выбрал бутылку подороже и наполнил стакан до краёв. Уж если пробовать элитный алкоголь, то по полной программе. — Ваше нездоровье!

Я выпил в несколько больших глотков весь виски пятнадцатилетней выдержки и закусил маленькой шоколадкой. Повторять не захотелось. Скучно.

Развалился на диване и включил телевизор. Пощёлкал каналы, пока не наткнулся на музыкальный чарт. Как раз начинался популярный последние месяцы медляк.

— Ребят, потанцевать не хотите? — обратился я к охранникам. — Вам только сначала надо определиться, кто из вас девушка. Сможете?

Но ребята молчали. Не произнесли ни слова, пока лифт не подъехал. Судя по панели у дверей, мы были уже на самом верху. Дальше только технический этаж и радиовышка.

Двери открылись, и мы вышли в огромный кабинет. Занимал он едва ли не весь этаж. Мраморный, начищенный до зеркального отражения пол, чёрные колонны с золотым орнаментом. А вдалеке у панорамного окна — стол, за которым сидела Джини

Уильямс.

— Спасибо, мальчики, можете быть свободными, — сказала она охранникам на чистом русском, и те скрылись за закрывающимися дверями лифта.

— Мадам, я, наверное, не к вам, — смутился я.

Но Джини Уильямс встала и плавно, будто кошка приблизилась ко мне. Затянутые в пучок рыжие волосы, острые черты лица, большие очки в толстой оправе. На вид ей было лет сорок, но я слышал, что недавно она справила восьмидесятилетний юбилей. Сохранилась, как мамонт в льдине.

— Так вот ты какой, прототип, — произнесла она и потрепала мои волосы. — Надежда человечества. Жалкая попытка изменить систему. Маленькая вошка на теле большого города.

— Давайте перейдём скорее от комплиментов к делу. Где моя сестра?

— Та беспалая девчонка?

Джини повернулась направо, где из пола поднялась клетка с Кирой. Увидев меня, сестра схватилась за прутья и закричала:

— Влад, спаси меня, пожалуйста!

— Не волнуйся, родная. Я для того и пришёл! — заверил я её, а потом обратился к Джини: — Отпустите её! У вас есть я, чего ещё надо?

— Я хочу, чтобы она видела своими глазами, как ты умираешь. А потом, если будет хорошо плакать, я подумаю, чтобы отпустить её.

Так я и думал. Они не собирались отпускать Киру. Поиздеваются над ней всласть, а потом прикончат. Что ещё ждать от этих людей?

— А ты не думала, что я могу и сам огрызнуться?

Я сунул руку в карман и достал нож. После вчерашнего стало ясно, что носить его с собой необходимо. А теперь он пришёлся очень кстати. Быстрым движением я вонзил лезвие в тело Джини. Но рука ушла дальше, сквозь неё.

— Голограмма? — выдохнул я, — Но ты же… Мои волосы! Ты же касалась меня!

Джини Уильямс замерцала и растворилась, будто никогда не существовала.

— Одна из секретных разработок. Моё детище! — раздался в глубине кабинета сиплый голос, а потом из-за колонны вышел и сам Павел Алексеевич. — Голограмма с эффектом осязания. Если не бить её ножом, то можно и потрогать.

— Что за тупые шутки? Зачем это всё? Хочешь меня убить, так прекрати изображать злодея из дешёвого боевика и сделай это!

— Какой ты нетерпеливый, — покачал головой Павел Алексеевич. — Я двадцать лет ждал этой минуты. Позволь уж мне, старику, насладиться им.

— Погоди, — дошло вдруг до меня. — А Джини Уильямс знает, что ты её проекцию сделал?

— Конечно, знает. Я убил Джини сразу после того, как показал ей её собственную копию. Старуха и не думала, что сможет так возмущаться под конец жизни.

— И теперь ты управляешь картелем?

— В яблочко! А скоро и всей страной буду управлять.

— Другие корпорации…

— Глупости! — повысил голос Павел Алексеевич, не дав мне договорить. Он уставился на приложение в хэндфоне и что-то набирал. — Все эти корпорации уже в моей власти. Ещё немного и они увидят, как ничтожны. Абсолютный контроль. Идеальная диктатура!

— Ну да, конечно. Ничего нового. Деньги правят миром.

— Деньги — ничто. И очень скоро ты это поймёшь. На счёт три-два-один.

Двери лифта за моей спиной пиликнули и открылись. В кабинет вошёл Олег.

— Ты какого чёрта тут делаешь? — удивился я.

— Прости, брат, я не знаю, что происходит, — нервно проговорил Олег. — Я не хочу идти, но всё равно иду.

Он прошёл мимо меня и встал рядом с Павлом Алексеевичем.

— Вот он, полный контроль! — торжественно провозгласил тот, копаясь в приложении на хэндфоне. — Каждый его имплант подчинён мне. Я могу регулировать даже гормональный фон. Смотри!

Олег, до сих пор двигавший лишь одним глазом, вдруг нахмурился и заявил:

— Влад, мне это не нравится! Это странно, но я хочу грохнуть тебя, — он начал неуверенно, но быстро распылялся. — Хочу свернуть в узел, чтобы ты стонал от боли. Я ненавижу тебя, но не знаю за что!

— Олег, ты серьёзно? — отступил я на шаг.

— Конечно, я серьёзно! Ты всегда пренебрегал мной! А это, знаешь ли, обидно!

Я видел, как тяжело даются ему эти слова. Всё его лицо говорило об этом. Олег боролся сам с собой, но сдавался. Гнев заполнял его, ярость воспламеняла сердце.

— Убей своего друга. Он заслужил это, — приказал Павел Алексеевич.

И Олег ринулся в атаку. В несколько прыжков добрался до

меня, схватил за грудки и наотмашь врезал по челюсти с такой силой, что я едва не потерял сознание. Но второго удара не последовало. Вместо этого Олег резко отбросил меня к колонне.

— Я проникла в систему безопасности башни, — раздался вдруг в моём наушнике голос Исиды. — Это было нелегко, но сейчас будет ещё сложнее. Нащупаю сеть, к которой подключён хэндфон этого мудака и постараюсь пробраться через неё. Ты только не помри раньше времени, хорошо?

— Иси? — поразился я.

Но болтать времени не было. Олег нёсся на меня, как многотонный локомотив, и свирепо рычал. А я только и успел сообразить, что стоит избегать схватки с ним. Вскочил, поскользнувшись сорвался с места и рванул прочь.

— Не прячься, чмошник! Ты всегда был трусом и пользовался мной!

Я отбежал на другой край кабинета и спрятался за одной из колонн. Перевёл дыхание.

— Нашла, — сообщила Исида. А потом выдохнула от восхищения: — Вот это защита. Никогда такой не видела.

— Дело дрянь? — спросил я с отчаянием.

— Не, фигня вопрос. Надо только понять, какая архитектура в основе.

— Ты думал спрятаться? — насмешливо заорал Олег и с одного удара раскрошил колонну, за которой я прятался.

Кожа на его руке прорвалась, показались титановые протезы. Но Олег боли не заметил. Потянул ко мне окровавленную лапу.

Я вовремя вывернулся и пробежкой хотел пересечь кабинет. Но Олег пустил мне в след камень. Да так метко, что я подлетел, провернулся вокруг себя и грохнулся навзничь, тут же сжавшись на полу от боли.

Догонять меня Олег не стал. Вместо этого он ухватился за огромный кусок колонны и попытался его поднять. С первого раза не получилось. Но Олег упрямо встал поудобнее и со второй попытки, рыча от усилия, поднял колонну над собой. Мышцы его напряглись настолько, что прорвали и кожу и рубашку. Кровь окрасила всю одежду бордовым цветом. Синтетические белёсые мышцы, обвитые синими венами вздыбились до предела. Живой глаз налился алым и закрылся, из носа потекла кровь. Олег потерял сознание, но его тело продолжало исполнять чужую волю.

На мгновение мне показалось, что среди шуршания опадающих камней и пыли, я услышал и хруст костей.

— Я нашла лазейку, — сообщила Исида. — Осталось совсем немного!

Олег замер с поднятым над головой камнем.

— Какого чёрта ты не бросаешь? — засуетился Павел Алексеевич, принялся что-то быстро набирать на спроецированной клавиатуре. — Что происходит?!

Несколько раз Олег дёрнулся, потом развернулся к Павлу Алексеевичу и пустил камень прямо в него. Силы на дальний полёт не хватило. Колонна проскакала по полу и накрыла Павла Алексеевича. Повалила его и прижала нижнюю часть туловища от самой груди. Тот заорал от боли, попытался выбраться, но даже не сдвинул камень с места.

Олег больше не двигался. Стоял ровно, как истукан. Зато я наконец поднялся и, придерживая бок, поковылял к мерзавцу, убившему моих родителей. Хотел взглянуть на него, пока он не отправился в ад.

— Ну и кто у нас молодец? — усмехнулась Исида. — Я с помощью этого гражданина злодея могу нас озолотить. Для начала выпишу компенсацию за психологический ущерб.

— Я в тебе не сомневался, Иси.

— Врёшь ты всё. Но я не обижаюсь.

Павел Алексеевич тяжело дышал. Лицо покрылось пылью и потом, побелело. Когда я наклонился над ним, он оскалился, как смертельно раненый хищник:

— Ты всё равно покойник. Тебе не выйти отсюда живым.

— С этим я как-нибудь справлюсь. А вот тебе уже точно ничего не поможет.

— Я мог создать великую страну, какой ещё не видел свет. Ты просто жалкий имбицил, если не понимаешь, чему помешал!

— Бла-бла-бла. Давай ты просто сдохнешь и прекратишь нести пургу.

— Ты! Ты! Ты никогда…

Он хотел сказать что-то гадкое, но закашлялся. Губы его окропились кровью.

— Я могу тебе сказать только одно, — сел я на корточки и прошептал. — Я до тебя всё-таки добрался, Гипердемон. Игра окончена.

Его глаза светились ещё несколько секунд и потухли. Руки обмякли и соскользнули с камня. Я снял хэндфон с его левого запястья и нацепил на своё. Поковырялся в приложениях и отыскал там пульт управления клеткой с Кирой. Открыл и поспешил к сестре.

— Я не могу поверить, что Олег так с тобой поступил, — всхлипнула она, нерешительно выйдя на свободу и оглядевшись. — Зачем он так?

— Это не он. Ты разве не поняла?

Кира взглянула на меня приоткрыв рот и честно мотнула головой. Она так устала бояться, что уже мало чего соображала. Да и боль, которую она пережила, оставила след на её состоянии. Перемотанную окровавленную кисть она прижимала к груди, а здоровой рукой щупала меня, словно до конца не веря, что я настоящий.

— Значит, так, — ворвалась Исида в наше молчаливое единение. — Я всё придумала. Выведите проекцию Джини Уильямс и пусть она проведёт вас к выходу.

— Но… — хотел было я указать на невозможность этого плана, но передумал. — Хорошо. Можно попробовать. А что с Олегом? Он живой?

— Повреждений много, но живой. Я буду им управлять.

— Тогда давай поскорее выбираться отсюда, — сказал я и, придерживая Киру за плечи, направился к выходу.

Эпилог

Исида сидела перед компьютером и теребила карандаш. На пяти мониторах отображались стримы, но все без звука. Да и не смотрела она ни на один из них. Не до того.

Наконец таймер на хэндфоне отсчитал ровно два часа и запиликал. Тогда Исида откинула карандаш и набрала номер Виктора Игоревича.

— Ну как там? Готово? — сгорая от нетерпения, спросила она.

— Лика, хватит названивать, — раздражённо ответил тот. — Как только процесс синтеза первой дозы лекарства завершится, я сам тебе позвоню.

— Ладно, — тяжко вздохнула Исида и положила трубку.

Завела таймер на очередные два часа и принялась смотреть, как цифры отсчитывали секунды.

Прошёл месяц с того дня, как Павел Алексеевич был повержен. Достаточно было лишь слегка подтолкнуть, и весь картель «One Health» рассыпался бы следом. Но Исида предложила иной план.

Заполучив контроль над главой картеля, можно было использовать всю научную мощь и направить её на благое дело. Порядок лучше хаоса, особенно когда назрели революционные перемены.

С новыми вычислительными мощностями Виктор Игоревич обещал уже сегодня создать лекарство, одна инъекция которого всего через несколько дней начинала менять ДНК, а за пару месяцев регенерация тканей и иммунитет повышались до невероятных уровней.

Вот только дождаться доброй вести Исида спокойно не могла. Бродила по комнате, заглядывала в холодильник, пыталась начать разговор с кем-нибудь из обитателей бункера, но сама же его рассеяно прерывала.

Волновалась и Кира. Она вызвалась первой испытать лекарство, но даже надежду впустить к себе в сердце не могла. Не верила, что получится снова смотреть на руки, где все пальцы свои, родные. И как бы Исида не объясняла суть модификации, Кира продолжала повторять:

— Это всё сказки, Иси. Ты просто не хочешь взглянуть правде в глаза. Пусть они мне уколют этот шмурдяк, и ты поймёшь, что нельзя изменить человеческую суть.

Я не вмешивался в их споры. После чудесного спасения мне стало настолько легко и просто, что даже созерцание дорогих мне

людей приносило умиротворение.

Исида же в очередной раз взглянула на таймер и вернулась в свою комнату. Дождалась сигнала. Набрала номер.

— А сейчас?

— Лика! — заорал Виктор Игоревич.

— Что? Я просто узнать хотела… — надула губки Исида.

— Лика, она готова! Вот прямо сейчас завершилась генерация! Ты можешь в это поверить? Я просто сейчас всё закончу!

— Мы уже едем, — воскликнула Исида и выскочила из кабинета с криком: — Кира! Собирай манатки! Что бы ты сейчас не делала, доделаешь потом!

* * *

Три месяца прошло после инъекции, но Кира так и не заметила никаких изменений. Они с Исидой каждый день изучали культю пальца, но с печалью признавали, что она точно такая, какой и была.

Но сегодня Кира проснулась от жуткого зуда. Чесалась как будто вся рука от плеча и до кончиков пальцев. И есть хотелось так, будто вечером не было ужина.

Кира села на кровати, зевнула и и включила свет. Привычно посмотрела на культю и даже не сразу поняла, что именно видит. На месте отрезанного пальца показался небольшой отросток, длиной не больше половины сантиметра. Но это стало неожиданным, как раскат грома в метро. И Кира рухнула на кровать, лишившись чувств от нахлынувших эмоций.